

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- 4 **О.Б. ЛЕОНТЬЕВА** *Образы исторической реальности в современной отечественной историографии*
- 20 **Н.Ю. НИКОЛАЕВ** *«Новое мифотворчество», или Проблемы конструирования исторической памяти на страницах современной украинской прессы*
- 42 **П.В. КРЫЛОВ** *Год Яна Гуса в Чехии*
- 49 **С.Е. ЭРЛИХ** *Эта маленькая книжечка... Рец.: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 207 с. (Сер. «Россия в поисках себя»)*
-

МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- 55 **М.А. БАЗАНОВ** *Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метели*
- 64 **А.В. ГРИНЁВ** *Некоторые размышления университетского историка о проблемах наукометрии*
-

ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

- 78 **С.А. ПАНАРИН** *Эдвард Саид: книга софизмов*
-

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 106 **А.А. ТЕСЛЯ** *Об одном из путей в современность. Рец.: Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / Под ред. Т. Эммонса; пер. с англ. Е. С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. 405 с.*
- 115 **А. ЛОСТАЛЬО** *Рец.: Chinnella E. Carmine Crocco, un brigante nella grande storia. Pisa-Cagliari: Della Porta, 2010. 188 p.*

- 119 **М.В. МЕДОВАРОВ** *Полезные мемуары. Рец.: Гоцици К. Бесплезные мемуары / Пер. Л.М. Чачко. М.: Бюро Маяк, 2013. 113 с.*
- 124 **Т.А. НЕКРАСОВА** *Метаморфозы социалистического эксперимента в Восточной Германии: тонкости и механизмы диктатуры. Рец.: Тихомиров А.А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 310 с.*

Российская империя

- 128 **В.В. ТАКИ** *Рец.: Figes O. Crimea: The Last Crusade. London: Penguin Books, 2011. 575 p.*
- 136 **И.В. АЛАДЫШКИН** *Про-Бакунии: «Русский путь» историографии бунтара. Рец.: М.А. Бакунии: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. СПб.: Издательство РХГА, 2015. 1050 с. (Русский Путь)*
- 142 **В.А. КИТАЕВ** *Рец.: Тесля А.А. Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с.*
- 152 **А.Э. КОТОВ** *Рец.: Бабков Д.А. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина в 1917–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 303 с.*
- 158 **В.М. РЫНКОВ** *«Все мыслимые и немыслимые ужасы безвременья». Рец.: Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 352 с.*

СССР

- 166 **А.Н. КАБАЦКОВ** *Рец.: Хрупкая летопись: Фотоальбом / Вступ. ст. Л.А. Обухов, сост.: К.А. Остальцев, О.Н. Сафрошенко. Пермь: Литера-А, 2012. 192 с.*
- 171 **П.Г. РОГОЗНЫЙ** *О книге Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии Академии наук СССР и Российское религиоведение (1932–1961). СПб., 2014 и просто размышление о советском религиоведении*

---

179 **И.П. ПОТЕХИНА**

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА!

Relatio relationis causa: повседневная жизнь средневековой глазами философа Леонида Петрушенко. Рец.: Петрушенко Л.А. Повседневная жизнь средневековой Европы. М.: Молодая гвардия, 2012. 367[1] с.: ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества)

КИНО И ТЕАТР

192 **А.А. БОЧАРОВ**

«Винегрет, а не воспроизведение исторического события на море»: Фильм С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» под огнем критики военных моряков

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

201

Интервью с А.А. Орловым

КОНФЕРЕНЦИИ

207 **Э.О. САГИНАДЗЕ**

«Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте» (Санкт-Петербург, Европейский университет, 19–20 июня 2015 г.)

201 **Е.К. КУЗНЕЦОВА**

Оппозиционность, радикализм, вольномыслие, или Заметки на спинке стула

214 **В.В. ВЕДЕРНИКОВ**

Замечательное мероприятие. Научно-практическая конференция «Крымская война на Балтике»

AD MEMORIAM

216 **В.В. ВЕДЕРНИКОВ**

Памяти светлого человека

219

Сведения об авторах

О.Б. Леонтьева

ОБРАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В последние два десятилетия в российской исторической науке наблюдается явное возрастание интереса к изучению образов прошлого, образов исторической реальности. Исследователи отмечают, что «категория “образ” из исследовательского лексикона филологов и психологов начала победное шествие по освоению новых предметных полей гуманитаристики» [Родигина, 2006: 41]. При этом, как констатирует З.А. Чеканцева, предметное поле исследований, где фигурирует категория образа, практически «совпадает с бесконечным разнообразием жизни: *образы власти, времени, страны, региона, социальной группы, личности, врага* и проч.» [Чеканцева, 2013]. Столь высокая исследовательская востребованность данной проблематики, безусловно, требует подведения некоторых — хотя бы промежуточных — итогов изучения темы, сверки исследовательского инстру-

ментария; в настоящей статье предлагается опыт историографического анализа трудов современных российских историков, посвященных образам исторической реальности.

Обращение современных ученых к изучению образов стало одним из следствий антропологического поворота: историки стали изучать не только «события», «явления» или «процессы» исторического прошлого, но и ту «вторую реальность», которая существовала в головах людей ушедших эпох — их «ментальность», «картины мира», «категории культуры», «миры воображаемого» и т.д. Кроме того, познавательные повороты конца XX в. привели к пониманию, что представления об исторической реальности всегда несут в себе не только научный, структурно-логический, но и образный компонент [Савельева, Полетаев, 2003–2006], и что это справедливо по отношению не только к «обычным» людям, но и к профессиональным историкам.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 14-01-00418.

Приметой сегодняшней научной ситуации стало появление множества работ, где исследовательская проблема формулируется как «Образ X в сознании / восприятии / исторической памяти Y». В это «уравнение с двумя неизвестными» в зависимости от интересов каждого историка подставляются различные значения. В качестве объекта X могут рассматриваться образы времени (например «образ языческой Руси»), образы пространства («образ Сибири», «образ Кавказа» и т. д.), образы конкретных исторических событий (войн, сражений, революций и т. д.). Предметом изучения зачастую становятся образы Другого (целый ряд интереснейших работ посвящен «образу врага» и «образу союзника» в различные исторические периоды, «встречным образам» русских, немцев, англичан, поляков и других народов в восприятии друг друга), а также образы исторических персонажей (индивидуализированные – образы Александра Невского, Ивана Грозного, Петра I, Сталина, или же собирательные – например, «образ декабристов»). Наконец, в нескольких работах, вышедших в свет на рубеже веков, предметом исследования становился образ самого историка или же исторической науки в культуре той или иной эпохи [Беленький, 2000; Корзун, 2000]. Мозаика образов, являющихся предметом исследования у различных авторов, действительно требует их классификации; так, Л.П. Репина выделяет «образы-события, образы-личности, образы-символы», а также «образы-концепции» [Репина, 2003: 6].

В качестве Y – носителя, субъекта образных представлений – в современных исследованиях могут фигурировать люди определенной эпохи, представители этнокультурных или социальных групп; исследователи также могут обозначать круг текстов и изображений, выражавших мировоззрение этих групп или активно воздействовавших на их мировосприятие («образ декабриста на страницах либеральной прессы», «образ Сибири в русской журнальной прессе», «образ врага в советском плакате» и т. д.). Важно, что в качестве Y в таких исследованиях всегда выступает та или иная группа, коллективная целостность.

Зачастую работы, посвященные образам исторической реальности, формально и фактически выполнены в рамках разных научных направлений. Так, труды, посвященные «образу Другого», обычно относят к исторической имагологии – междисциплинарному направлению с мощной и разветвленной международной исследовательской традицией; работы об образах регионов относят к сфере «воображаемой географии» (направление, основателем которого в России стал Д.Н. Замятин [Замятин, 2006]); исследования об «образе исторического персонажа» или «образе события» – к изучению исторической памяти, «мест памяти» (одному из самых востребованных и быстро развивающихся направлений современной гуманитаристики). Проблематика «образов прошлого», «образов Другого» и «эго-образов» активно разрабатывается также в русле визуальной истории или истории телесности.

Сформировалось ли в этой области исследований общее проблемное поле, намечился ли методологический консенсус? Чтобы понять это, необходимо выяснить, какое содержание вкладывают современные отечественные историки в само понятие «образ»; какие группы фигурируют в современных исследованиях в качестве «субъектов», носителей образов исторической реальности; на каких источниках и методиках базируется изучение этих образов. Ключевой вопрос, безусловно, состоит в том, какова «сверхзадача» таких исследований: что мы, представители «исторического цеха», пытаемся выяснить, изучая «образы X в сознании группы Y»?

Прежде всего, в современных исследованиях подчеркивается связь образов с идентичностью (не только персональной, но социальной, коллективной). Историки исходят из того, что «социальные группы конструируют свои образы мира, устанавливая некие согласованные версии прошлого», «что эти версии устанавливаются посредством коммуникации» [Репина, 2003: 11]; что «за всяким образом стоит событие, коммуникация, система отношений, делающая образ воспринимаемым» [Чеканцева, 2013].

Именно поэтому изучение образов реальности в сознании людей прошлого трактуется как ключ к пониманию идентичности самих этих людей. Образ Другого (соседа, врага, союзника) неразрывно связан с представлениями группы о себе самой, и зачастую является «тенью» эго-образа, проекцией вовне собственных негативных, отрицаемых

черт [Сенявская, 2006: 11; Волков, 2008: 16–19]. Образ региона позволяет очертить символическую границу, за которой кончается «наш» привычный мир и начинается «чужой» [Родигина, 2006: 46]. Образы и даже сами имена исторических персонажей выступают как символы социального единства для общества, хранящего эти образы в своей памяти [Левинсон, 1996]. Кроме того, образ исторического персонажа, отпечатавшийся в памяти людей той или иной эпохи, дает возможность воссоздать свойственные этой эпохе представления о добре и зле, героях и антагонистах (злодеях), о допустимом и недопустимом, простительном и непростительном [Эрлих, 2009: 11–13; Леонов, 2013: 192]. Наличие в сознании современников зеркально противоположных друг другу образов одних и тех же событий или персонажей может трактоваться как свидетельство соперничества нескольких сценариев коллективной идентичности, нескольких представлений о том, вокруг каких ценностей должно объединиться общество [Леонтьева, 2011: 426–432]. Наконец, визуальный образ «опосредованно ведет к пониманию того, как человек другой эпохи или культуры видел себя и окружающих» [Нарский, 2008: 208]. Реконструируя «образ X в сознании группы Y», мы тем самым стремимся не столько пролить дополнительный свет на X, сколько воссоздать картину мира, присущую группе Y (хотя бы небольшой фрагмент этой картины), и тем самым — коллективную идентичность группы Y. Если же речь идет об образах реальности в сознании российского общества на предшествующих эта-

пах его истории – тогда, воссоздавая и изучая эти образы, мы тем самым ищем ответы на ключевые вопросы собственной идентичности: “Кто мы?” и “Какими мы были?” [Усачев, 2003: 349].

Современные исследователи отмечают, что образы прошлого, чтобы иметь общий смысл для социальной группы и успешно транслироваться во времени (быть «востребованными»), должны соответствовать определенным условиям: они должны быть конвенциональны (общеприняты, условны), упрощены, деконтекстуализированы (извлечены из соответствующего исторического контекста), эмоционально окрашены и в этом отношении противоположны «объяснительным, сравнительным рядам, моделям» [Репина, 2003; Бобкова, 2003: 64]. Подчеркивается такое свойство образов, как их устойчивость, инерционность: «Географические образы изменяются гораздо медленнее, чем “объективный” мир, но зато они существуют гораздо дольше, чем географические реалии, на которых они основаны» [Родигина, 2006: 45]. Наконец, особо оговаривается антитетичность образа Другого – по отношению к эго-Образу [Макаров, 2007], или, например, образа периферийного региона – по отношению к образу центра, «метрополии» [Родигина, 2006: 45–46; Сибирь в составе Российской империи, 2007: 24–36]. В этом плане, безусловно, сильнейшее воздействие на историческую имагологию оказала хрестоматийная работа Э. Саида «Ориентализм», доказывающая, что образ Востока в сознании европейцев строился как антитеза по от-

ношению к образу Запада [Саид, 2006].

Проблематичным остается вопрос о соотношении образа и стереотипа. «Упрощенность, схематизированность, эмоциональная насыщенность» и устойчивость образов – в частности образов социальных групп и их представителей – часто позволяет отождествлять их со стереотипами [Голубев, Поршнева, 2011: 7; Сенявская, 2006: 9] и даже использовать термины «образы» и «стереотипы» как взаимозаменяемые. С другой стороны, в исследованиях иногда делаются акценты не на простоту, а на сложность образа: например, Н.Н. Родигина выделяет такие особенности географических образов, как их многослойность («образ многогранен, поскольку разные его стороны обращены разным адресатам и составляющие его представления разделяют разные социальные группы») и противоречивость (в коллективном сознании «причудливо уживаются прямо противоположные представления об одном и том же географическом объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств») [Родигина, 2006: 45–46]. Благодаря этой многослойности в различных исторических ситуациях могут актуализироваться разные грани одного и того же образа [Васильева, 2008]. О.С. Поршнева и А.В. Голубев считают нужным подчеркнуть различие между образами и стереотипами: «Образы... отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке,

а не передаются готовыми, как стереотипы»; однако они отмечают, что с ходом времени образ может превратиться в упрощенный и устойчивый стереотип: «Стереотип – это “застывший” образ» [Голубев, Поршнева, 2011: 9–10].

В работах российских историков обобщающий термин «образ» зачастую используется применительно к самым разнообразным феноменам общественного сознания и культуры. В зависимости от социокультурного контекста, спектра интересов исследователя и познавательных задач конкретной работы под этим термином могут понимать следующее:

- образ-стереотип, обычно бытующий в массовом сознании (иногда он характеризуется как «стихийный», в противоположность образам, сознательно культивируемым в искусстве или в пропаганде; иногда же, напротив, его трактуют как продукт пропаганды);
- художественный образ, отличающийся большей сложностью и многогранностью, доступный для различных интерпретаций, несущий в себе отпечаток авторского таланта и индивидуального видения мира;
- образ прошлого, сложившийся в научном дискурсе, в русле того понимания задач исторического познания, которое было свойственно конкретной эпохе;
- «официально-пропагандистский» образ, целенаправленно формируемый с помощью государственных структур, средств массовой информации, структур образования и воспитания и т.д.;
- образ личностно-бытовой, складывающийся в сознании людей в результате личного контакта с объектом и порой «куда более адекватный», чем все остальные образы [Сенявская, 2006: 158];
- образ-архетип, базовая основа всех прочих образов реальности, коренящаяся в наиболее архаичных пластах коллективного сознания (например, образ Сибири как «страны холода – зимы – ночи (луны), т.е. смерти в мифологическом ее понимании» [Тюпа, 2002: 28]; демонологические или зооморфные мотивы в образе врага-хищника, врага-зверя; образ врага как Тени);
- мифологизированный образ, который вырастает в сознании людей до уровня символа, воплощает собой социально значимые ценности, санкционирует тот или иной образец поведения – и тем самым выступает как фактор социальной интеграции.

Различные ответы дают историки на вопрос о том, кто является «субъектом», «носителем» образов исторической реальности. На практике в разнообразных case-studies в качестве субъектов, продуцирующих и транслирующих такие образы, могут выступать либо государственные, пропагандистские структуры, либо художественные элиты, либо, наконец, предельно обобщенные социальные категории («российское общество», «советское общество»,

«власть и население»; реже — «армия», «горожане» и др.) [Майер, 2008; Фокин, 2012].

Иногда подчеркиваются качественные различия между образами реальности, существовавшими в сознании «элит» и «широких масс»: «Если в представлениях образованных слоев о “чужих” преобладали рациональные компоненты образа, организованные в определенную структуру и определяемые различными вариантами понимания национальных интересов своей страны, военной и внешнеполитической конъюнктуры, то в сознании низов, наряду с распространением рациональных компонентов, значительную роль играли этнокультурные стереотипы, символы и мифы» [Голубев, Поршнева, 2011: 12]. Впрочем, как справедливо замечает М.И. Леонов, нередко и в сознании образованного общества «логика пасует перед образом» [Леонов, 2013: 200].

К этому следует добавить, что в настоящее время существует множество исследований об образах исторической реальности в официальной пропаганде, на самых разных исторических этапах и в бесконечно многообразных ее формах. Написано немало работ об образах прошлого (образах Другого, образах регионов и т. д.) в художественной культуре или на пересечении научного и художественного дискурсов. Но реконструкция образов исторической реальности, существовавших в сознании «широких масс», «населения», пожалуй, остается самой сложной и проблематичной исследовательской задачей.

Ключевая трудность при изучении образов, бытовавших в сознании широких слоев населения, заключается в поиске и выявлении источников, позволяющих реконструировать эти образы, заглянуть в глубины сознания «большинства» — пусть даже не «безмолвствующего», как в средние века.

Источники, на основании которых историки реконструируют и анализируют образы исторической реальности, поразительно разнообразны. Поскольку всё, что делает человек, так или иначе имеет отношение к созиданию «второй реальности», практически из любого вербального или визуального источника — при наличии соответствующего исследовательского инструментария — может быть извлечена информация о картинах мира людей прошлого, репрезентациях и саморепрезентациях, образах Другого и эго-образах. Спектр источников меняется в зависимости от эпохи и изучаемой группы населения, но наиболее часто внимание исследователей привлекают следующие типы источников:

— художественные произведения (литература, живопись, скульптура, театральное искусство, кинематограф и т. д.);

— исторические труды разных жанров — от хроник и летописей до научных монографий;

— учебная литература (школьный учебник, в соответствии с подходом Б. Андерсона, трактуется как одно из самых распространенных и эффективных средств формирования

коллективного самосознания — особенно в условиях централизованных и стандартизированных систем образования);

- публицистика;
- агитационные материалы, предназначенные для массового распространения (плакаты, листовки, карикатуры, памфлеты, лубочные картинки и т. д.);
- источники личного происхождения (дневники, письма, мемуары);
- «письма во власть» как специфический жанр;
- сводки различных «компетентных органов» о настроениях населения;
- материалы судебных дел по «идеологическим» статьям — например, применительно к царской России, дел по «оскорблению величества» и т. д.

Базовое различие между этими группами источников состоит в том, что в одних случаях образы исторической реальности «зафиксированы... в исторических нарративах и мемуарах, прямо преследующих цель передачи памяти о них (в соответствующей версии) современникам и потомкам»; в других эти образы сохранились «в тех текстах, которые вовсе для этого не предназначались или ограничивались более узкими практическими задачами» (законодательных актах, материалах судебных процессов, эго-документах и т. д.) [Образы прошлого, 2003: 6].

Следовательно, историк имеет дело либо с образами, которые «создавались», «конструировались» людьми данной эпохи преднамеренно, либо с теми, которые «стихийно» бытовали в рамках данной культуры.

Кроме того, значимость каждой группы источников меняется в зависимости от изучаемого периода. Соавторы исследования об «образе союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн», О.С. Поршнева и А.В. Голубев, характеризуя источниковую базу своего исследования, подчеркивают, что сравнительная ценность той или иной группы источников для реконструкции сознания людей напрямую зависит от того, созданы ли эти источники в дореволюционный период — или при советской власти. Так, для воссоздания образа союзника в глазах россиян времен Первой мировой войны важнейшей группой источников являются документы личного происхождения (исследователи привлекают для анализа, в частности, значительный массив солдатских писем, задержанных военной цензурой); высоким уровнем репрезентативности отличаются также материалы периодической печати, активно борющейся за читателя и стремившейся соответствовать запросам и представлениям «своей» аудитории.

Однако при переходе к изучению настроений, существовавших в советском обществе периода Второй мировой войны, необходимо учитывать «существенные изменения в источниковой базе»: ее «основные составляющие остались те же, но кардинально меняется их от-

носительное значение» [Голубев, Поршнева, 2011: 34]. Так, периодическая печать в советский период «становится не столько отражением мнений и настроений разных социальных групп... сколько орудием и средством пропаганды», поэтому практически теряет свое значение как репрезентативный источник; при анализе дневников и писем необходимо учитывать самоцензуру их авторов, а при анализе воспоминаний – и цензуру, и самоцензуру [Голубев, Поршнева, 2011: 34–35]. Трудно считать репрезентативными и такие специфические источники, как «письма во власть» – ведь их «отправляла, как правило, наиболее социально и политически активная часть общества, причем настроенная достаточно лояльно» [Голубев, Поршнева, 2011: 44]. (С. Коткин в своем исследовании о Магнитогорске 1930-х гг. отмечал: чтобы быть «услышанным» властями, рядовой человек должен был научиться «говорить по-большевистски» – овладеть «определенным лексическим запасом официального языка» и «публично выражать таким образом свою политическую лояльность», и это делает «до некоторой степени гипотетичными» попытки понять, во что «на самом деле» верили советские люди) [Коткин, 2001: 276, 289]. Поэтому «основным источником для описываемого периода становятся секретные информационные материалы 1920–1940-х гг., которые готовились для всех уровней политического руководства, отражали сиюминутную ситуацию... и не предназначались для широкого использования» [Голубев, Поршнева, 2011: 35].

«Двухуровневая» исследовательская задача решается в работе Б.И. Колоницкого об образах императорской семьи в годы Первой мировой войны: чтобы воссоздать персонифицированные образы власти, бытовавшие в сознании подданных Российской империи, исследователь анализирует многочисленные слухи, циркулировавшие по стране во время войны. Слухи – в том числе и самые фантастические, «вздорные» – трактуются историком как вполне реальный фактор исторического процесса: «Исследователями описано немало ситуаций, когда именно слухи организовывали важные события, определяя действия современников» [Колоницкий, 2010: 20]. В свою очередь сами эти слухи реконструируются по материалам разнообразных источников: писем и дневников современников (с учетом их последующей правки и редактирования), материалов перлюстрации почтовой корреспонденции, сводок Департамента полиции, политических памфлетов и т. д.

К этому следует добавить, что при изучении «образов прошлого» в сознании наших современников широко применяемым источником становятся материалы социологических опросов – например знаменитых опросов Левада-Центра [Дубин, 2011]. Иногда используются материалы этнографических экспедиций, современного фольклора – например «городские легенды» [Майер, 2008]. «Окном», позволяющим заглянуть в сознание современного человека, – по крайней мере в сознание молодой и грамотной в компьютерном отношении части

населения, — становятся материалы интернет-источников [Эрлих, 2009]. Но всё же восстановить образы реальности, которые «бытовали» в сознании «рядовых людей», оказывается значительно более сложной исследовательской задачей, чем реконструировать те образы, которые «создавала» художественная элита или «транслировал» пропагандистский аппарат.

Чтобы реконструировать на основе источников образы исторической реальности, существовавшие в сознании людей прошлого, необходим исследовательский «вопросник», тщательная разработка теоретико-методологической стороны исследований. Особенность ситуации состоит в том, что исследователю придется иметь дело и с вербальными, и с визуальными образами, которые порой требуют применения совершенно разной исследовательской техники — и всё же анализируются в едином проблемном поле.

Так, в работе челябинского историка Е.В. Волкова о «Белом движении в культурной памяти советского общества» текстовые, иконографические (визуальные) произведения и киноматериалы фигурируют в качестве равноправных групп источников. «Все они, — уточняет исследователь, — рассматриваются как дискурсы, являющиеся частями советской истории памяти о Белом движении. Под дискурсом подразумевается корпус текстов, изображений и высказываний, связанный определенной содержательной согласованностью» [Волков, 2008: 21]. Такой подход позволяет проследить, как «образы врага»

и «стереотипы о Белом движении» транслировались из одной сферы советской культуры в другую: из официальной риторики — в научный дискурс, из монографий — в учебники, из мемуаров — в литературные произведения, из них в свою очередь — на сцену и киноэкран, сохраняя при этом свою смысловую целостность.

На сегодняшний день наилучшим образом в российской исследовательской литературе, как ни удивительно, разработана именно методология изучения визуальных образов. В работах Е.А. Вишленковой и И.В. Нарского подробнейшим образом представлена методика и техника анализа визуальных образов, процедура семантического перевода с визуального «языка» на вербальный [Нарский, 2008; Вишленкова, 2011; 2012]. Хотя в одном случае предметом изучения становится совокупность разножанровых художественных произведений конца XVIII — начала XIX в., а в другом — фотография из семейного альбома, оба автора реконструируют присущие изучаемой эпохе репрезентации телесности, методы отображения в позе и мимике психологических состояний персонажа, способы типизации изображения (придания персонажу черт, позволяющих отождествить его/ее с определенной социальной, этнической или половозрастной группой) и т. д. Оба исследователя подробно воссоздают «визуальный канон», свойственный определенной эпохе — «меняющиеся способы смотрения и видения» [Вишленкова, 2011: 17], социальные конвенции относительно того, что именно достойно изо-

бражения и *как* именно оно должно быть изображено. Методика интерпретации иллюстративного ряда как «самостоятельного, достаточно целостного, законченного визуального текста» успешно применена в работе А.А. Сальниковой о репрезентациях «национального», «своего» и «иноного» в татарских букварях позднесоветского и постсоветского периодов [Сальникова, 2012: 405]. Во всех этих случаях тщательное прочтение «визуальных текстов» позволяет сделать важные выводы о способах наглядной репрезентации коллективной (национальной и наднациональной – например русской, татарской, советской), семейной и личностной идентичности в культуре того или иного времени.

Методика анализа вербальных образов реже становится предметом исследовательской рефлексии; процедуры анализа здесь могут казаться достаточно простыми и самоочевидными – хотя на практике воссоздание вербального образа требует не меньшей подготовительной работы со множеством промежуточных стадий. Так, Н.Н. Родигина, чтобы воссоздать «образ Сибири» в российской журнальной прессе XIX в., осуществляет «сплошной просмотр годовых комплектов журнала», используя «активно применяющийся представителями новой интеллектуальной истории метод внимательного, бесконечного чтения, основанного на желании понять, как выбирались для текста речевые конструкции, каким образом определенная текстуальная стратегия воздействовала на язык и стилистику нарратива» [Родигина, 2006: 55, 91]. Многочисленные таблицы,

включенные в текст исследования, дают возможность наглядно проследить, как автор выявляет и систематизирует структурные единицы текстов – «изучаемые исторические сюжеты», «ключевые устойчивые словосочетания», «контексты употребления топонима “Сибирь”», подсчитывает «количество упоминаний» этих структурных единиц, – чтобы в конечном итоге воссоздать «метафорические модели Сибири» в журнальной литературе XIX в. и сделать выводы о приемах «конструирования образа сибиряка» в сознании читательской аудитории [Родигина, 2006: 263–264].

«Прочтение» визуальных или вербальных образов – при всей увлекательности такого занятия, – ведет не только к пониманию того, «каков сам образ», но и к постановке других важных вопросов: «Как он сформировался, почему он таков, каким целям он служит, какие изменения он претерпел, и что всё это говорит о его создателях» [Репина, 2012: 15–16]. Стержневым сюжетом целого ряда исследований являются изменения, историческая эволюция тех или иных образов в сознании людей прошлого – как свидетельство важных перемен, происходящих с самими этими людьми.

Формирование образов исторической реальности в сознании «широких масс» может трактоваться как результат целенаправленного воспитательного и пропагандистского воздействия «сверху», со стороны «элит». Так, Е.С. Сенявская в работе об «образах врага» почти дуалистически разграничивает группы,

«продуцирующие внешние этнические и этнокультурные стереотипы» (в этом качестве выступают элиты общества, государственные институты), — и «преобладающие категории населения — пассивные и воспринимающие», которые «превращаются в объект воздействия, нередко — прямой манипуляции» [Сенявская, 2006: 13]. Напротив, в работе Е.В. Волкова формирование образов «внутреннего врага» — Белого движения в культурной памяти советского общества — предстает как результат своеобразной социальной конвенции, которая вырабатывается путем проб и ошибок «как “сверху”, так и “снизу”». Если мифологическая конструкция, внедряемая «сверху», — уточняет исследователь, — «оправдывала ожидания “низов”, становилась для них понятной и приемлемой, они воспринимали, транслировали и даже дополняли ее. Если она их не устраивала, оказывалась чуждой и непонятной, то ее существование в обществе, как правило, оказывалось недолгим» [Волков, 2008: 384].

Именно case-studies, обращения к конкретным образам, бытовавшим в той или иной культуре, позволяют убедиться, что их восприятие «широкими массами», «аудиторией», «населением», — сложный и неоднозначный процесс, не тождественный пассивному усвоению. Стереотип может разрушиться при личном соприкосновении с объектом: так, «устойчивые общественные стереотипы» образованных россиян XIX в. в отношении Востока (представления о «несметных богатствах Востока», «азиатской роскоши», «восточном красноречии» и т.д.) «редко

выдерживали испытание при столкновении с реальностью» и порой перерождались в свою противоположность (например, в представление об «азиатской бедности») [Центральная Азия... 2008: 317–318]. В цитированном выше исследовании Е.С. Сенявской последовательно доказывается, что в экстремальной ситуации человек способен выйти за пределы картины мира, созданной пропагандой, и поверить ее своим личным опытом. Войны давали противникам возможность «посмотреть друг на друга без идеологических “фильтров” — в бою, на госпитальной койке, в плену и т.д.»; «реальный опыт военного соприкосновения с противником вносил существенные коррективы, преодолевая штампы и делая восприятие врага более реалистичным и адекватным» [Сенявская, 2006: 248]. Наконец, ситуация полного «сбоя» устоявшихся механизмов трансляции социокультурных представлений — когда образы, тиражируемые «сверху» с самыми благими намерениями, в силу ряда «репрезентационных ошибок» перестают выполнять интегрирующую функцию и перетолковываются населением в негативном ключе, — становится предметом анализа в работе Б.И. Колоницкого об образах императорской семьи в годы Первой мировой войны [Колоницкий, 2010].

Контекстуализация образа, воссоздание той сложной сети социальных взаимосвязей, которые обеспечивали его трансляцию и восприятие, дает возможность сделать шаг к исследовательской «сверхзадаче»: к тому, чтобы понять социокультурные причины актуализации одних образов в сознании людей и угаса-

ния других. Так, в одном из первых отечественных трудов по исторической имагологии массовое распространение «образов врага» в советской культуре 1930-х гг. трактовалось как социокультурное следствие стремительной индустриализации, драматического столкновения урбанистической культуры и традиционного опыта в сознании «последнего патриархального поколения»; «стресс дискомфорта, рожденного жизнью в неуютном, необжитом и непонятном мире» находил разрешение в постоянных кампаниях по поиску и разоблачению тайных и явных врагов. И напротив – формирование собственно городской культуры, появление поколения «зрелых горожан» в 1950-е гг., с точки зрения авторов коллективного труда, привело к усложнению образа мира и к «изживанию фобий» в массовом сознании [Россия и Запад... 2008: 290–291, 294–295].

Современные теоретики художественного образа говорят, что образ не «отражает» реальность и не «содержится» в изображении, но «случается» в динамическом взаимодействии субъекта с объектом; что восприятие произведения пробуждает нашу «аффективную память» – память о том, о чем у нас может и не быть прямого, непосредственного знания, но что связано с опытом «поколения», «десятилетия»; что мы, зрители, можем «извлекать этот опыт из изображения, может быть, по-своему его переживать», и «узнавать себя... в этом коллективном горизонте» [Петровская, 2010: 28–30; Зенкин, 2012; Чеканцева, 2013]. Вероятно, нечто очень сходное происходит и с исследова-

телем, обращающимся к изучению образов исторической реальности в сознании людей прошлого – «образов, в которых спрессованы время и аффект и которые отсылают к опыту» [Петровская, 2010: 37]: реконструируя и интерпретируя такие образы, мы актуализируем и заново переживаем опыт, который, будучи отрефлексированным, «проработанным», воздействует на нас самих и наше видение мира. Изучение образов исторической реальности – в контексте сплетающихся социальных взаимодействий и конвенций, социального опыта отдельных людей и сообществ, – может в таком случае стать ключом к пониманию ширококомасштабных социокультурных перемен, в том числе и тех, в которые включены мы сами. Именно в этом, как представляется, заключается одна из важнейших причин притягательности данной проблематики для новых исследователей – и новых читателей.

REFERENCES

Belen'kij I.L. Obraz istorika v russkoj kul'ture XIX–XX vv. (Predvaritel'nye soobrazenija) // Istorik vo vremeni: Tret'i Ziminskie chtenija: Dokl. i soobshh. nauch. konf. / Sost. E.A. Antonova, I.N. Danilevskij i dr.; vstup. st. Ju.A. Afanas'ev. M., 2000. S. 14–26.

Bobkova M.S. Pamjat' o sobytii i predstavlenija ob istorii v istoricheskikh sochinenijah jepohi Srednevekov'ja i Vozrozhdenija // Obrazy proshlogo i kollektivnaja identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni / Otv. red. L.P. Repina. M., 2003. S. 52–64.

Central'naja Azija v sostave Rossijskoj imperii / Otv. red. S.N. Abashin, D.Ju. Arapov, N.E. Bekmahanova. M., 2008.

Chekanceva Z.A. Jepistemologija istoričeskogo obraza na rubezhe XX–XXI vv. // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija», 2013. T. 4; vyp. 2 (18). Dostup dlja zaregistrovannyh pol'zovatelej. URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (data obrashhenija 14.07.2015).

Dubin B. Rossija nulevyh: političeskaja kul'tura – istoričeskaja pamjat' – povsednevnaia zhizn'. M., 2011.

Fokin A.A. «Kommunizm ne za gorami»: obrazy budushhego u vlasti i naselenija SSSR na rubezhe 1950–1960-h godov. Cheljabinsk, 2012.

Golubev A.V., Porshneva O.S. Obraz sojuznika v soznanii rossijskogo obshhestva v kontekste mirovyh vojn. M., 2011.

Jerlih S.E. Metafora mjatezha: dekabrysty v političeskoj ritorike putinskoj Rossii. SPb., 2009.

Kolonickij B.I. «Tragičeskaja jerotika»: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2010.

Korzun V.P. Obrazy istoričeskoj nauki na rubezhe XIX–XX vv. (Analiz otečestvennyh istoriograficheskikh koncepcij). Ekaterinburg; Omsk, 2000.

Kotkin S. Govorit' po-bol'shevistski // Amerikanskaja rusistika: Vehi istoriografii poslednih let. Sovetskij period. Antologija / Sost. M. Djevid-Foks. Samara, 2001. S. 250–328.

Leonov M.I.E.F. Azef v istoričeskoj pamjati // Istoričeskaja pamjat' i dialog kul'tur: sbornik materialov Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj shkoly (Kazan', 2012 g.): v 3 t. Kazan', 2013. T. 1. S. 191–200.

Leont'eva O.B. Istoričeskaja pamjat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX – nachala XX v. Samara, 2011.

Levinson A.G. Massovyje predstavlenija ob «istoričeskikh lichnostjah» // Odissej 1996: Chelovek v istorii. M., 1996. S. 252–267.

Majer A.S. Moskovskie gorodskie legendy: obraz goroda i mifologičeskie predsta-

vlenija gorozhan // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 22. M., 2008. S. 146–160.

Makarov A.I. Obraz Drugogo kak obraz pamjati (metodologičeskie aspekty problemy reprezentacii proshlogo) // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 18. M., 2007. S. 6–18.

Narskij I.V. Fotokartochka na pamjat': Semejnye istorii, fotografičeskie poslanija i sovetskoe detstvo (Avtobio-istorio-grafičeskij roman). Cheljabinsk, 2008.

Obrazy proshlogo i kollektivnaja identičnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni / Otv. red. L.P. Repina. M., 2003.

Petrovskaja E. Teorija obraza. M., 2010.

Repina L.P. «Nacional'nyj karakter» i «obraz Drugogo» // Nacional'nyj karakter, duh naroda i obraz Drugogo: sposoby opoznanija i opisanija // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 39. Spec. vyp.: Nacional'nyj karakter, duh naroda i obraz Drugogo: sposoby opoznanija i opisanija. M., 2012. S. 15–16.

Repina L.P. Obrazy proshlogo v pamjati i v istorii // Obrazy proshlogo i kollektivnaja identičnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni / Otv. red. L.P. Repina. M., 2003. S. 9–18.

Rodigina N.N. «Drugaja Rossija»: obraz Sibiri v russkoj zhurnal'noj presse vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Novosibirsk, 2006.

Rossija i Zapad: Formirovanie vneshnepoliticheskikh stereotipov v soznanii rossijskogo obshhestva pervoj poloviny XX veka / Redkol.: A.V. Golubev (otv. red.) i dr.; Avt. kol.: A.V. Golubev, M.M. Kudjukina, S.T. Minakov i dr. M., 1998.

Said Je. V. Orientalizm: Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. SPb., 2006.

Sal'nikova A.A. «Svoi» i «drugie», vzroslye i deti v vizual'nom rjade tatarskogo nacional'nogo bukvarja «Alifba» (konec 1980-h – 1990-e gg.) // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 39. Spec. vyp.: Nacional'nyj karakter, duh na-

roda i obraz Drugogo: sposoby opoznaniya i opisaniya. M., 2012. S. 403–417.

Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: teorija i istorija: V 2 t. SPb.: Nauka, 2003–2006. T. 1: Konstruirovanie proshlogo. 2003; T. 2: Obrazy proshlogo. 2006.

Senjavskaia E.S. Protivniki Rossii v vojnakh XX veka: Jevoljucija «obrazov vraga» v soznanii armii i obshhestva. M., 2006.

Sibir' v sostave Rossijskoj imperii / Otv. red.: L.M. Dameshek, A.V. Remnev. M., 2007.

Tjuza V.I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoj literatury // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2002. № 1. S. 27–35.

Usachev A.S. Obraz jazыcheskoj Rusi v Stepennoj knige // Obrazy proshlogo i kolektivnaja identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni / Otv. red. L.P. Repina. M., 2003. S. 349–364.

Vasil'eva E.B. Obraz dekabrista na stranicah liberal'noj pressy vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka (po materialam zhurnalov «Vestnik Evropy» i «Russkoe bogatstvo») // Istoricheskij ezhegodnik. 2008: Sb. nauch. tr. Novosibirsk, 2008. S. 125–136.

Vishlenkova E.A. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu». M., 2011.

Vishlenkova E.A. Proshloe pokazannoe (vtoraja polovina XVIII – pervaja chetvert' XIX veka) // Istoricheskaja kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom: Koll. monogr. v chest' prof. I.M. Savel'evoj / Otv. red. A.N. Dmitriev. M., 2012. S. 383–417.

Volkov E.V. «Gidra kontrrevoljucii». Beloe dvizhenie v kul'turnoj pamjati sovetskogo obshhestva. Cheljabinsk, 2008.

Zamjatin D.N. Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov. M., 2006.

Zenkin S. Obraz, medium, mediacija // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 113. S. 302–310.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беленький И.Л. Образ историка в русской культуре XIX–XX вв. (Предварительные соображения) // Историк во времени: Третьи Зиминские чтения: Докл. и сообщ. науч. конф. / Сост.: Е.А. Антонова, И.Н. Данилевский и др.; вступ. ст. Ю.А. Афанасьев. М., 2000. С. 14–26.

Бобкова М.С. Память о событии и представления об истории в исторических сочинениях эпохи Средневековья и Возрождения // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Оtv. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 52–64.

Васильева Е.Б. Образ декабриста на страницах либеральной прессы второй половины XIX – начала XX века (по материалам журналов «Вестник Европы» и «Русское богатство») // Исторический ежегодник. 2008: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2008. С. 125–136.

Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.

Вишленкова Е.А. Прошлое показанное (вторая половина XVIII – первая четверть XIX века) // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: Кол. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / Otv. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012. С. 383–417.

Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008.

Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011.

Дубин Б. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. М., 2011.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006.

Зенкин С. Образ, медиум, медиация // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. С. 302–310.

Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (Анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000.

Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 250–328.

Левинсон А.Г. Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей 1996: Человек в истории. М., 1996. С. 252–267.

Леонов М.И.Е.Ф. Азевф в исторической памяти // Историческая память и диалог культур: сборник материалов Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т. Казань, 2013. Т. 1. С. 191–200.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара, 2011.

Майер А.С. Московские городские легенды: образ города и мифологические представления горожан // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 22. М., 2008. С. 146–160.

Макаров А.И. Образ Другого как образ памяти (методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 18. М., 2007. С. 6–18.

Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск, 2008.

Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового

времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003.

Петровская Е. Теория образа. М., 2010.

Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ Другого» // Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 39. Спец. вып.: Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания. М., 2012. С. 15–16.

Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 9–18.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.

Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / Редкол.: А.В. Голубев (отв. ред.) и др.; Авт. кол.: А.В. Голубев, М.М. Кудюкина, С.Т. Минаков и др. М., 1998.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2003–2006. Т. 1: Конструирование прошлого. 2003; Т. 2: Образы прошлого. 2006.

Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. СПб., 2006.

Сальникова А.А. «Свои» и «другие», взрослые и дети в визуальном ряде татарского национального букваря «алифба» (конец 1980-х – 1990-е гг.) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 39. Спец. вып.: Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания. М., 2012. С. 403–417.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред.: Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007.

Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Усачев А.С. Образ языческой Руси в степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003. С. 349–364.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. Челябинск, 2012.

Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М., 2008.

Чеканцева З.А. Эпистемология исторического образа на рубеже XX–XXI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2013. Т. 4; вып. 2 (18). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840000488-5-1> (дата обращения 14.07.2015).

Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб., 2009.

«НОВОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО», ИЛИ ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА СТРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ПРЕССЫ

Сегодня Украина переживает период мучительного выстраивания собственной национально-государственной идентичности. Безусловно, формирование общей исторической памяти является одной из важнейших составляющих этого процесса, актуализируя информацию о прошлом в контексте настоящего и будущего. Историческая память — это своеобразный паноптикум национальной идентичности с сонмом великих государственных деятелей, героических побед и судьбоносных поражений, эпохальных катастроф и культурных достижений. Дискуссия относительно содержания украинской исторической памяти давно уже вышла за пределы профессионального сообщества историков, и основные баталии ведутся силами средств массовой информации. В данной статье рассматриваются публикации в ведущих украинских изданиях начала XXI в., активно участвующих в общественно-политическом дискурсе о путях формирования национально-исторической памяти. За пределами авторского внимания остались как специализиро-

ванные исторические издания, так и бесчисленные интернет-проекты исторического содержания (ЖЖ, блоги, социальные сети, тематические сайты), которые, бесспорно, также участвуют в конструировании «historical memory», но по понятным причинам не могут быть отнесены к периодическим изданиям. Думается, что анализ этих чрезвычайно интересных по форме и содержанию исторических онлайн-ресурсов выходит за рамки предложенной темы и заслуживает отдельного исследования. Тем не менее автор использовал исторические материалы тех украинских изданий, которые публикуются лишь в интернет-пространстве («Украинская правда») или электронные версии газет и журналов («Газета по-українски» — «Gazeta.ua», «Корреспондент» — «Корреспондент.net», «Український тиждень» — «Тиждень.ua») и др.

Процесс конструирования исторической памяти на Украине объективно носит избирательный характер, акцентируя внимание на отдельных «привлекательных»

исторических темах. Разумеется, в украинской прессе нередко встречаются публикации, в которых не предвзято, с разных точек зрения рассмотрены малопривлекательные для украинской истории и национального сознания страницы, связанные преимущественно с деятельностью ОУН-УПА в годы Второй мировой войны [Льюшин, 2011; Химка, 2013]. Однако в целом мы наблюдаем, что неприглядные, травмирующие историческую память сюжеты украинской истории либо замалчиваются, либо интерпретируются в комплиментарном для национальной памяти виде [Гунчак, 2009; Галушак, 2013]. Оценки исторических деятелей и событий напрямую связаны с идеологической ориентацией периодических изданий. В то же время исторические публикации в СМИ, позиционирующих себя как либеральные («Украинская правда», «Зеркало недели», «Новое время»), порой носят откровенно националистический, безапелляционный, исключая иную трактовку событий характер. В таких случаях можно наблюдать парадоксальное, но при всем том полное идеологическое единодушие либеральных и национал-демократических изданий. Кроме того, следует отметить, что проблема скорейшего конструирования «правильной» исторической памяти беспокоит преимущественно либеральные и национал-демократические СМИ, ориентированные на поддержку европейских ценностей и прозападного политического курса. Не случайно подобные издания, как правило, имеют постоянную историческую рубрику («Украинская правда», «День»,

«Украинский тижень», «Зеркало недели»). Страницы этих изданий представляют собой основную дискуссионную площадку для выработки важнейших положений украинской «historical memory».

Перманентный общественно-политический кризис, в котором пребывает Украина с начала XXI в., порождает дуализм оценочных суждений, что в конечном счете препятствует установлению исторической истины. Возникающий в результате категорический императив сводится не столько к научному выбору, сколько моральному и гражданскому. «Кто не разделяет наших взглядов, — рефреном звучит со страниц национал-демократических газет и журналов, — тот против государственной независимости Украины». В свою очередь пророссийские издания (левые и отчасти центристские) апеллируют к давним культурно-историческим связям с Россией, идеализируют российских/советских государственных деятелей, а своих идейных оппонентов именуют «разрушителями славянского братства» и неонацистами [Грач, 2008; Бузина, 2009; Каревин, 2010; Кривое зеркало... 2009; Горохов, 2011]. Несомненно, подобный идейный ригоризм, категоричность и непримиримость суждений выхолащивают содержательную составляющую украинской истории, сводя на нет любую попытку научной полемики.

Публикуемые в украинских медиа исторические материалы, как правило, в том или ином виде воспроизводят бинарную схему «мы-они», существенно помога-

ющую в процессе строительства позитивной национальной идентичности. Один из создателей палеопсихологии, Б.Ф. Поршнев настаивал на первичности дихотомии «мы–они» в истории развития человеческих отношений. «Они» всегда конкретнее, реальнее, несут с собой те или иные определенные свойства – бедствия от вторжений «их» орд, непонимание «ими» «человеческой» (т.е. «нашей») речи. В свою очередь «мы» формируется «либо посредством той или иной персонификации, либо посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность индивидов к данной общности в отличие от “них” [Поршнев, 1979: 81–82]. В этих условиях понятие «мы» формируется на основе исторического антагонизма, несхожести, инаковости относительно «они». Категория «мы» призвана консолидировать украинскую нацию, сформировать однородно-положительные исторические представления о прошлом. На практике это приводит к исторической реабилитации «enfant terrible» российской или польской истории – И.Е. Выговского, И.С. Мазепы, П.К. Сагайдачного, П.П. Скоропадского, С.В. Петлюры, С.А. Бандеры, Р.И. Шухевича и пр. [Горобец, 2003; Огієнко, 2010; Посівнич, 2013]. Господствующими становятся теории об отсутствии общих исторических корней русского и украинского народов, бесклассовости и изначальной демократичности украинцев, справедливой и героической борьбе ОУН-УПА, многовековой жестокой оккупации и повальной русификации территорий проживания укра-

инцев-малороссов [Сидорук, 2007; Липовецкий, 2010; Кралюк, 2014].

На страницах украинской прессы категория «они» заполняется преимущественно Россией в различных ее исторических ипостасях. События российской истории излагаются в русле ориентализма, геродотовской традиции противопоставления цивилизации и варварства [Палий, 2012; Дубровык-Рохова, 2015; Куприенко, 2015]. Россия предстает не просто анти-Украиной, но в известном смысле анти-Цивилизацией, последовательно пресекавшей на территории современной Украины не только любые поползновения к национально-культурной, тем более политической независимости, но и на корню уничтожавшей всякие ростки свободы и просвещения [Чухлиб, 2007; Тимошик, 2013; Роздобудько, 2014]. В таких статьях российская государственность объявляется чуждой украинской не только политически, идеологически и культурно, но даже этнически [Кралюк, 2011; Палий, 2013]. Московский период русской истории, рассматривается как полностью автономный генетически не связанный с Древнерусским государством, присвоивший к тому же коварным образом его название, язык и культурные традиции [Однороженко, 2009; Гривинский, 2015; Кот, 2015]. Подобный исторический ревизионизм весьма органично вписывается в контрастное восприятие национального прошлого в русле «мы–они». Отсталой, деспотичной, не знавшей истинного православия «наследнице Орды», полной фобий и предрассудков, противопоставляется подлинная

«преемница Киевской Руси», прогрессивная, открытая и проевропейская [Пахлевская, 2005а; Палий, 2007; Грабовский, 2013; Атоев, 2014; Залізник, 2014]. При этом попытки отдельных украинских историков примирить российско-украинские взгляды на общее прошлое встречают неизменный отпор со стороны националистически настроенных коллег и журналистов [Брехуненко, 2010].

Таким образом, события российской истории выступают своеобразным оселком, вытачивающим украинскую «historical memoгу», а историческая тематика правой прессы четко укладывается в «прокрустово ложе» национальных интересов, признавая лишь монохромное изображение прошлого без учета полутонов и сложной цепочки причинно-следственных связей. В канву российской истории целенаправленно имплантируется «черная легенда», а многовековой опыт совместного проживания описывается практически исключительно в негативном ключе [Махун, 2014; Атоев, 2015; Шама, 2015]. Игнорируются позитивные страницы общей истории, упор делается на сюжеты разъединяющие, демонстрирующие этнокультурные различия, обоюдную вражду, отрицательные результаты совместного проживания [Мыщик, 2009; Черкас, 2013]. История Российской империи / Советского Союза объявляется целиком искаженной, полной «мнимого величия» и разукрашенных мифологем [Грабовский, 2010; Калинин, 2012; Брехуненко, 2015]. Немаловажным инструментом борьбы за национальную «самостийность» являет-

ся украинизация тех персонажей или событий истории и культуры, которые принято отождествлять с Россией. Участие украинцев в российской истории рассматривается не просто как значимое, а ключевое, коренным образом изменившее российскую историю, превратившее «варварскую Московию» в могущественную и просвещенную Российскую империю [Низовой, 2010; Володько, 2011; Кралюк, 2012; Роздобудько, 2013; Пилявець, 2014]. В подобных статьях заметно присутствует двойственное желание приписать себе значительную часть российских/советских достижений и одновременно выставить себя жертвой российской/советской оккупации.

Значительно реже место «извечно-го антагониста» Украины занимают Турция, как правило, в лице своего северного вассала – Крымского ханства, или Речь Посполитая [Акция «Висла»... 2002; Галенко, 2006; Дерев'яний, 2011]. Однако давние противоречия и конфликты украинцев с их западными и южными соседями в либеральной и национал-демократической прессе значительно сглажены, а звание «главного исторического недруга и супостата» с начала XXI в. окончательно и бесповоротно перешло к России [Чухлиб, 2004; 2015; Громенко, 2014]. Причиной тому выступает не только общая историческая травма, связанная с «российской/советской оккупацией» (Польша, Крымское ханство) или череда военных и политических поражений (Речь Посполитая, Турция), но и отсутствие на сегодняшний день между странами серьезных политических

и экономических противоречий. Кроме того, в современной Украине Польша рассматривается не только как образец удачной интеграции в западный мир, но также в качестве естественного союзника в борьбе с «имперскими замашками» российской историографии и наставника в процессе десоветизации [Безп'ятчук, 2009; Камінський, 2015].

Красной нитью через исторические публикации в прессе проходит идея «народа-Христа», выражающаяся в извечной жертвенности украинцев. Национальные деятели прошлого вписываются в своеобразный мартиролог, призванный усилить ощущение глубокой трагичности и невыносимых страданий, превалирующих в украинской истории. Внимание читателя фиксируется преимущественно на негативном историческом опыте — завоеваниях, культурных притеснениях, национальных бедствиях. В результате украинская история рассматривается через призму «тысячелетней катастрофы», которая закончилась лишь с обретением страной в 1991 г. независимости. Бесчисленные публикации будоражат умы обывателей драматичными страницами национальной истории: окатоличивание украинцев в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв., гражданская война в период «руины» (1657–1687 гг.), ликвидация Гетманщины, Запорожской Сечи и установление крепостного права в Правобережной Украине, полонизация и русификация в XVI–XX вв. Кроме того, на страницах украинских СМИ немало пишется о нереализованных исто-

рических альтернативах, неиспользованных шансах, иными словами, «точках выбора судьбы» (К. Галушко) [Горобец, 2004; Самохвалова, 2012]. В результате такого подхода даже потенциально серьезное исследование подменяется эмоциональными переживаниями о якобы упущенных возможностях обретения экономического процветания и политического влияния.

В конечном счете, общая тональность исторической публицистики продуцирует у украинцев чувство известного ресентимента, способствует обвинениям в своих прошлых и нынешних бедствиях иностранных завоевателей/оккупантов и/или их пособников из числа местных коллаборантов [Нахманович, 2015]. Опасность взрастить историю «нации-жертвы», бесперспективность имманентного культивирования национальных обид и поражений осознается частью украинских историков [Трегуб, 2011]. К сожалению, подобные мнения не меняют общий характер исторического нарратива, который, прежде всего в национал-патриотических изданиях, продолжает носить характер трагического надрыва, постулируя украинскую историю в русле бесконечного «колоніального гніту».

Особое место в процессе конструирования исторической памяти занимает тема голода-геноцида на территории Украины в 1932–1933 гг. [Кульчицкий, 2002; Шаповал, 2006]. Ежегодно украинские СМИ помещают десятки статей, призванные актуализировать значимость Голодомора для украинской истори-

ческой памяти. Отдельные публикации, авторы которых высказывают сомнения относительно доминирующей в общественно-политическом дискурсе трактовки событий 1932–1933 гг., не могут составить конкуренции общему информационному мейнстриму [Солдатенко, 2003; Филиндаш, 2008].

Трудности конструирования исторической памяти отчетливо осознаются украинскими историками, нередко выступающими в прессе со своим видением этого процесса. Так, О.О. Ковалевская обращает внимание на специфику функционирования исторической памяти в новых условиях и предлагает выстраивать «собственные исторические реконструкции», руководствуясь прежде всего национальными интересами [Ковалевская, 2008]. По мнению Н.Г. Жулинского, историческая память современного украинского общества «болеет» глубинным дуализмом. Решение этой проблемы видится ему через преодоление укоренившихся в общественном сознании украинцев коммунистических идеологем и стереотипов мышления, путем продуцирования новых мировоззренческих ориентиров государственной политики памяти [Ромашова, 2009]. Ю.И. Шаповал указывает на противоречивый и конфликтный процесс создания собственной культуры памяти, связывая это в первую очередь с амбивалентностью украинского населения и непримиримостью позиций прозападных национал-либералов и пророссийски настроенных левых сил. Историк отмечает незаконченный характер конструирования национально-исторической

идентичности и призывает минимизировать в нем «директивное участие власти» [Шаповал, 2013]. Н.Н. Яковенко убеждена, что в условиях существования серьезных разногласий в трактовке исторических событий у жителей востока и запада, юга и центра страны, важнейшей задачей «переформатирования исторической памяти» является нивелирование локальной и региональной идентичности. Конечным итогом профессиональных усилий украинских историков должно стать конструирование сверхрегиональной, приемлемой для большинства модели исторической памяти [Гудзик, 2007].

Вопросы вызывает и тот круг авторов, который занимается историческими изысканиями на страницах украинских масс-медиа. Обилие фактологических ошибок, весьма спорные теории и предположения, присутствующие в немалой части исторических публикаций, вызваны не только непрофессионализмом их авторов (иными словами, отсутствием необходимого специального образования и соответствующих знаний), но и конъюнктурными соображениями. В результате, «срывая покровы» с настоящей истории Московии, авторы-ревизионисты нередко прибегают к фантастическим измышлениям в духе «фолк-хистори» и неготионизма [Білінський, 2011; Стригун, 2012; Гайдукевич, 2014]. Подобные статьи в большинстве своем написаны дилетантами от истории, по определению не знающими специфики исторического исследования, творческая активность которых порождается главным образом обще-

ственно-политической ангажированностью и ложным пониманием патриотизма. Зачастую передатчиками квазиисторических теорий в украинской прессе выступают известные на Украине люди: писатели, художники, журналисты, самым своим именем придавая авторитет публикуемым антинаучным текстам [Гуцало, 2014; Мушкетик, 2015].

В процесс «nation building», разумеется, вовлечены и профессиональные историки, филологи и искусствоведы. Однако стоит заметить, что немало число ныне публикующихся на страницах национал-демократических изданий ученых-специалистов в свое время занимали принципиально иные идейно-политические позиции. Например, своеобразным «модератором» темы Голодомора в украинских масс-медиа рубежа XX–XXI вв. выступает известный историк С.В. Кульчицкий, вплоть до конца 1980-х гг. критиковавший западные теории об искусственном происхождении голода 1932–1933 гг. Сам историк резкое изменение своей позиции объясняет незнанием всех фактов о голоде на Украине и не видит в этом ничего предосудительного или нарушающего принципы научной этики [Сидорук, 2007].

Нескрываемая порой предвзятость тем не менее не мешает украинским авторам упрекать своих российских коллег в неспособности к критическому восприятию собственного прошлого, склонности оценивать мировую историю «исключительно в оптике российских интересов» [Пахлевская, 2005; Васькив, 2011]. Указывая (и отчасти справедливо),

на обилие в «официальной истории» России мифов и сознательных искажений, в украинской прессе предпочитают не замечать не менее активного мифотворчества со стороны собственных «наукознавців» [Сюндюков, 2006; Головки, 2011; Грабовський, 2012]. Разумеется, печатающиеся в СМИ профессиональные украинские историки, как правило, отсекают наиболее одиозные исторические теории, однако при этом продолжают ретранслировать набор националистических штампов, отвергаемых подавляющим большинством как российских, так и зарубежных специалистов по древнерусской истории [Зализняк, 2004].

Отдельно стоит отметить российское участие в конструировании украинской исторической памяти. Очевидно, что на страницах правых изданий приветствуются публикации лишь тех российских исследователей, чьи работы вписываются в искомый националистический контекст, внося свою лепту в формирование украинской культуры памяти. Из наследия дореволюционных историков национал-демократические масс-медиа часто обращаются к работам Н.И. Костомарова (прежде всего статье «Две русские народности» 1861 г.), которые рассматриваются как доказательство изначально имевших место исторических, культурных и этнических различий между малороссами (украинцами) и великороссами (русскими) [Кралоук, 2012а]. Примером сотрудничества с современными историками России могут служить публикации Б.В. Соколова, труды которого по истории

Второй мировой войны вызывают у специалистов серьезную критику за достаточно спорные оценки советских потерь в годы ВОВ [Сokolov, 2010; 2014]. Одобрительно отнеслись в украинских СМИ к изданной в России биографии И.С. Мазепы петербургского историка Т.Г. Таировой-Яковлевой [Махун, Щипоног, 2008; Kіpіanі, 2011]. В ней гетман предстает неоднозначной политической фигурой, заметно отличающейся от тех нелицеприятных портретов, что традиционно присутствовали в дореволюционной, а затем и советской историографии [Таирова-Яковлева, 2007; 2011].

Однако несмотря на все усилия либеральных и национал-демократических изданий, содержательное наполнение категории «мы» протекает чрезвычайно сложно и вызывает неоднозначную реакцию в различных слоях украинского общества. В условиях избирательного подхода нередко происходит персонификация исторической памяти с целью подачи событий прошлого в более доступной, упрощенной, эмоционально окрашенной форме. Однако субъективизация культуры памяти обедняет ее, выталкивает из исторического пространства идеологически чуждое «безмолвное большинство». Хедлайнерами украинской истории выступают те деятели прошлого, которые при всей своей незаурядности как правило выражали мнение незначительного, а порой и ничтожного меньшинства. Проблему усугубляет отсутствие в истории Украины бесспорных героев, одинаково привлекательных для

ведущих общественных и политических сил страны. Именно специфический характер персонификации национальной исторической памяти вызывает на страницах украинских СМИ наиболее жаркие дискуссии. Очевидно, что создание новых ценностных установок государственной политики памяти требует пересмотра прежних оценок исторических деятелей. Национал-демократические и отчасти либеральные издания поддерживают курс на воссоздание пантеона «собственных национальных героев», очищенных от скверны «чекистско-партийной» мифологии [Лосев, 2008].

Неудивительно, что далеко не все украинские издания приветствуют процесс «исторической люстрации», активизировавшейся после победы «помаранчевої революції». Критические статьи, посвященные «новым героям Украины», регулярно появляются на страницах популярных масс-медиа [Павликовский, 2009; Бузина, 2010]. Отчасти это объясняется тем, что крупнейшие газеты и журналы Украины начала XXI в. («Факты и комментарии», «Вести» «Сегодня», «2000», «Час Пик», «Корреспондент») распространяются преимущественно среди русскоязычной аудитории. Между тем русскоязычная Украина, прежде всего в лице старшего поколения, неоднозначно воспринимает нацеленный на националистически мыслящие массы процесс масштабного реформирования исторической памяти. В этих условиях русскоязычное информационное пространство не стремится активно участвовать в исторических

дискуссиях. Как правило, свою задачу оно видит в отсечении крайне националистических трактовок украинской истории, не выступая против информационного мейнстрима, направленного на формирование национально-ориентированной исторической памяти. Пытаясь «уйти» от обсуждения конфликтных тем, многие центристские издания предпочитают публиковать исторические материалы, носящие внеидеологический, чисто информативный характер, что стало особенно заметно с начала 2014 г. [Денисов, 2014; От варяг до ракет... 2015].

Действительно, начавшийся в это время на Украине политический кризис и последовавшее резкое обострение российско-украинских отношений в известной степени изменили тональность исторических публикаций в украинских СМИ. Дихотомия мнений стала еще более контрастной, позиция авторов обрела еще большие непримиримость, категоричность и догматизм [Васильченко, 2014]. Подобные тексты, зачастую имеющие откровенно памфлетный, провокационный характер, демонстрируют не только научный дилетантизм авторов, но и высокую степень их идеологической ангажированности [Якунов, 2014]. Скроенные по лекалу «мы-они», такие статьи, как правило, содержат в себе заметную антироссийскую/антисоветскую составляющую. В результате российская тематика в исторических публикациях становится своеобразным «маркером» патриотизма для журналистского и научного сообщества Украины. И прежде срав-

нительно редкие материалы, в которых общая история двух стран рассматривалась в позитивном контексте, окончательно исчезли, уступив место жесткому историческому прессингу, направленному на откровенную пропаганду и призванному максимально демонизировать не только настоящее, но и прошлое северного соседа.

Разумеется, в данной, сравнительно небольшой по объему статье невозможно осветить все аспекты конструирования национальной исторической памяти в украинских медиа. Свою задачу автор видел прежде всего в выявлении проблемных точек патриотического «перехлестывания» данного процесса, что чревато чрезмерным будированием культуры памяти, ее искажением, а в конечном счете – порождением новых, социально агрессивных мифов и заблуждений. Понятно, что строительство собственной, патриотической «historical memory» современной Украине необходимо, как, впрочем, и любой другой стране, стремящейся к сохранению в исторической перспективе своей национально-государственной идентичности. Однако столь же очевидно, что это «історичне будівництво» должно протекать в комфортной для большинства украинского населения форме, с учетом интересов всех значимых социально-политических, религиозных и этнических групп, без категорического отрицания и сплошного очернения прошлого исторического опыта. К сожалению, на Украине мы зачастую наблюдаем прямо противоположные явления. На сегодняшний день процесс формирования историче-

ской памяти там протекает в крайне конфликтной форме, подтверждая тезис о существовании в стране глубокого общественно-политического раскола. Идеологическое противостояние отразилось на ведущих изданиях страны, активно включившихся в обсуждение контуров формирующейся национально-исторической идентичности. Наибольшую активность в создании новых принципов политики памяти проявляют национал-демократические СМИ, позиция которых базируется прежде всего на радикальной ревизии прежних исторических оценок. Немаловажную роль при данном подходе играет обоснование тезиса о деструктивной роли России в исторической судьбе украинского народа.

REFERENCES

Akcija «Visla»: krovavaja reka pamjati [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2002. 27 apr. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/akcija-visla-krovavaya-reka-pamyati> (data obrashhenija 16.07.2015).

Atoev K. Kak istorija stala novym frontom informacionnoj vojny [Jelektronnyj resurs] // Novoe vremja. 2015. 21 apr. URL: <http://nv.ua/opinion/atoyev/kak-istoriya-stala-novym-frontom-informacionnoj-vojny-44871.html> (data obrashhenija 15.07.2015).

Atoev K. Ukraine nuzhno okonchatel'no vyrvat'sja iz kogtej «Tret'ego Rima» [Jelektronnyj resurs] // Novoe vremja. 2014. 19 dek. URL: <http://nv.ua/opinion/atoyev/ukraine-nuzhno-okonchatel'no-vyrvatsya-iz-kogtej-tretego-rima-25897.html> (data obrashhenija 17.07.2015).

Bezpj'atchuk Zh. Gaude, Mater Polonia [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'.ua. 2009.

25 sent. <http://tyzhden.ua/History/3454> (data obrashhenija 20.07.2015).

Bilins'kij V. Zvidki pohodit' Moskva ta Moskovija [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2011. 3 avg. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/08/3/48534/> (data obrashhenija 14.07.2015).

Brehunenکو V. D'javol, kak vseгда, kroetsja v detaljah. Nuzhna li nam takaja «polozhitel'no nasyshhennaja» istorija? [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2010. 29 apr. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/dyavol,_kak_vseгда,_kroetsya_v_detaljah__nuzhna_li_nam_takaya_polozhitel'no_nasyschennaya_istoriya.html (data obrashhenija 10.07.2015).

Brehunenکو V. «Kozak ja, ne moskal'». Mif pro dons'ke kozactvo [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'.ua. 2015. 1 maja. URL: <http://tyzhden.ua/History/134921> (data obrashhenija 13.07.2015).

Buzina O. Istorii ot Olesja Buzyny. Rus', Moskovija i Ukraina [Jelektronnyj resurs] // Segodnja. 2009. 30 okt. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/ictorii-ot-olecja-buzyny-ruc-moskovija-i-ukraina.html> (data obrashhenija 16.07.2015).

Buzina O. Istorii ot Olesja Buzyny. Bandera — dushitel' kotov [Jelektronnyj resurs] // Segodnja. 2010. 29 janv. URL: <http://www.segodnya.ua/life/stories/ictorii-ot-olecja-buzyny-bandera—dushitel-kotov.html> (data obrashhenija 21.07.2015).

Cherkas B. Bitva pid Orsheju. Knjaz' Ostroz'kij proti knjazja Moskovskogo // Ukrainskaja pravda. 2013. 24 ijulja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/07/24/131707/> (data obrashhenija 16.07.2015).

Chuhlib T. Brat'ja po krovi. Ukrainsko-pol'skoe voennoe vzaimodejstvie vo vremja poslednej popytki turok zavoevat' Evropu [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2004. 27 avg. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/bratya-po-krovi> (data obrashhenija 17.07.2015).

Chuhlib T. Proshhaj, moja Odessa... ili Pochemu v Ukraine uzhe est' pamjatniki Ekaterine II i Petru, no eshhe net monumentov Gitleru i Stalinu? [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2007. 7 sent. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/proshchay-moya-odessa> (data obrashhenija 15.07.2015).

Chuhlib T. Protiv Moskvy vmeste s Turciej. K 345-letiju zakljuchenija ukrainsko-osmanskogo sojuza getmanom P. Doroshenko [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2015. 4 ijunja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/protiv-moskvy-vmeste-s-turciej> (data obrashhenija 17.07.2015).

Denisov A. Ostanovka «1889 god» [Jelektronnyj resurs] // 2000. 2014. 27 nojab. URL: <http://www.2000.ua/v-nomere/aspekty/istorija/ostanovka-1889-god.htm> (data obrashhenija 18.07.2015).

Derev'janij I. Pol's'ka okupacija Zahidnoї Ukraїni v 1918–1939 rokah. Jak ce bulo [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2011. 3 fevr. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/02/3/21714/> (data obrashhenija 14.07.2015).

Dubrovnyk-Rohova A. «V Rossii – varvary». Oleg Panfilov: «Oni prisvaivajut chuzhoe i nikogda v jetom ne priznajutsja» [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2015. 27 fevr. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/v-rossii-varvary> (data obrashhenija 15.07.2015).

Filindash E. Golodomor-33: a byl li genocid? [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2008. 21 nojabrja. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2008/11/21/4455486/> (data obrashhenija 21.07.2015).

Gajdukevich V. Rossija samaja bol'shaja fal'shivka v mire [Jelektronnyj resurs] // Novoe vremja. 2014. 12 nojab. URL: <http://nv.ua/opinion/gajdukevich/rossiya-samaya-bolshaya-falshivka-v-mire-20014.html> (data obrashhenija 15.07.2015).

Galenko A. Teni tureckih predkov. Koe-čto ob istoricheskikh svjazjah Ukrainy i

nashem juzhnom sosede [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2006. 14 apr. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/teni-tureckih-predkov> (data obrashhenija 14.07.2015).

Galushhak M. «Volin' 1942–1944 rr.: vijna chi genocid?». Konspekt lekcii [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2013. 12 ijunja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/07/12/130339/> (data obrashhenija 21.07.2015).

Golovko T. O chem molchat «basnopiscy» rossijskoj istorii [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2011. 3 nojab. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraincy-chitajte/o-chem-molchat-basnopiscy-rossijskoj-istorii> (data obrashhenija 13.07.2015)

Gorobec V. Getman Ivan Mazepa: zhizn' «za» i «protiv» carja [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2003. 6 ijun. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/getman-ivan-mazepa-zhizn-za-i-protiv-carja> (data obrashhenija 20.07.2015).

Gorobec V. Nerealizovannaja mečta. Istoričeskaja alljuzija po povodu ocherednoj godovshhiny Gadjachskogo dogovora [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2004. 17 sent. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/nerealizovannaya_mechta_istoricheskaya_alljuziya_po_povodu_ochednoy_godovschiny_gadyachskogo_dogov.html (data obrashhenija 15.07.2015).

Gorohov A. Krovavaja legenda, zameshanaja na lzhi [Jelektronnyj resurs] // Versii.com. Fabrika analitiki. 2011. 14 okt. URL: <http://versii.com/news/241916/> (data obrashhenija 16.07.2015).

Grabovskij S. Mif «otečestva». «Otečestvennaja vojna» gotuvalasja jak zagarbnič'kij agresivnij stalins'kij proekt [Jelektronnyj resurs] // Tizhden.ua. 2010. 23 apr. URL: <http://tyzhden.ua/History/2158> (data obrashhenija 13.07.2015).

Grabovskij S. Kremlivs'ki «naukovci-manipuljatori» [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2012. 7 dek. URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/ukrayina-incognita/>

kremlivski-naukovci-manipulyatori (data obrashhenija 13.07.2015).

Grach L. Brat'ja-slavjane, podnimajtes', Otechestvo v opasnosti [Jelektronnyj resurs] // Kievskij vestnik. 2008. 16 maja. URL: http://kyiv-vestnik.com.ua/public_s51.html (data obrashhenija 16.07.2015).

Grabovskij S. Bol'shie evropejskie proekty dlja Ukrainy i ih gibel' [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2013. 23 dek. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/bolshie-evropejskie-proekty-dlya-ukrainy-i-ih-gibel> (data obrashhenija 16.07.2015).

Grivinskij R. «Rejderskij zahvat» istorii. Ukrainkij otvet [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2015. 30 janv. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/tema-dnya-podrobnosti/rejderskij-zahvat-istorii-i-ukrainskij-otvet> (data obrashhenija 14.07.2015).

Gromenko S. Jak kozaki z krims'kimi tatarami vid turkiv Krim boronili [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2014. 15 avg. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/08/15/144019/> (data obrashhenija 16.07.2015).

Gucalo E. Vsjaka hurda-murda, abo zh Chi Stambul – stolicja Rosii? [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'. ua. 2014. 12 ijulja. URL: <http://tyzhden.ua/History/113699> (data obrashhenija 15.07.2015).

Gudzik K. Kuda vedet nas nashe proshloe? [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2007. 18 janv. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/kuda-vedet-nas-nashe-proshloe> (data obrashhenija 21.02.2015).

Gunchak T. Shuhevich i batal'on «Nahtigal'». Fabrikacii Moskvy ob ukrainskom osvoboditel'nom dvizhenii [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2009. 24 ijulja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/shuhevich-i-batalon-nahtigal> (data obrashhenija 21.07.2015).

Himka Dzsh.-P. L'vivskij pogrom 1941-go: Nimci, ukrains'ki nacionalisti i karnaval'na jurba [Jelektronnyj resurs] // Ukra-

inskaja pravda. 2013. 12 ijunja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550/> (data obrashhenija 21.07.2015).

Il'jushin I. Volins'ka tragedija 1943–1944 rr.: poshuk mizh «dvoma pravdami» [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2011. 30 ijunja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/07/13/45611/> (data obrashhenija 21.07.2015).

Jakunov E. «Stalin reshil ottjapat' kusok Finljandii “po-mirnomu”. Finny okazalis' nesgovorchivymi» [Jelektronnyj resurs] // Fakty i kommentarii. 2014. 21 avg. URL: <http://fakty.ua/186722-stalin-reshil-ottjapat-kusok-finlyandii-po-mirnomu-finny-okazalis-nesgovorchivymi> (data obrashhenija 21.07.2015).

Kalinchuk D. «Skazhi-ka, djadja, ved' nedarom...». Zvidki vzjalisja osnovni mifi franko-rosijs'koj vijni 1812 roku [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'.ua. 2012. 8 sent. URL: <http://tyzhden.ua/History/59430> (data obrashhenija 10.07.2015).

Kaminskij L. Ne shukajmo legshogo shljahu [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2015. 25 maja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2015/05/25/148342/> (data obrashhenija 20.07.2015).

Karevin A. «To, chto skovali veka» [Jelektronnyj resurs] // 2000. 2010. 25 nojab. URL: http://www.2000.ua/v-nomere/svoboda-slova/ukraina_svoboda-slova/to-chto-skovali-veka_arhiv_art.htm (data obrashhenija 16.07.2015).

Kipiani V. «Ivan Mazepa i Rossijskaja imperija. Istorija “predatel'stva”» [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2011. 3 okt. URL: <http://www.istpravda.com.ua/reviews/2011/10/3/57614/> (data obrashhenija 15.07.2015).

Kot S. Pohititeli nashej istorii. Pretenzii Moskvy na «kievskoe nasledie»: istoki i simvoly [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2015. 23 ijulja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/po->

hititeli-nashey-istorii (data obrashhenija 24.07.2015).

Kovalevskaja O. Mif o Poltave posle 1709 goda [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2008. 28 nojab. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/mif_o_poltave_posle_1709_goda.html (data obrashhenija 20.07.2015).

Kraljuk P. Moskva slezam ne verit, ili Javlajutsja li rossijane slavjanami? [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2011. 28 ijulja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-ya/moskva-slezam-ne-verit> (data obrashhenija 11.07.2015).

Kraljuk P. Kak volynjane Moskoviju razvivali [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2012. 2 marta. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/kak-volynjane-moskoviyu-razvivali> (data obrashhenija 21.07.2015).

Kraljuk P. Nikolaj Kostomarov – o genezise vostochnoslavjanskih jetnosov [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2012a. 18 maja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-ya/nikolay-kostomarov-o-genezise-vostochnoslavjanskih-etnosov> (data obrashhenija 13.07.2015).

Kraljuk P. Mif o treh «bratskih vostochnoslavjanskih narodah» [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2014. 24 janv. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/mif-o-treh-bratskih-vostochnoslavjanskih-narodah> (data obrashhenija 11.07.2015).

Krivoje zerkalo istorii Ukrainy [Jelektronnyj resurs] // Chas Pik. 2009. 5 ijulja. URL: <http://www.chaspik.info/bodyfull/5286.htm> (data obrashhenija 16.07.2015).

Kul'chickij S. Skol'ko nas pogiblo ot golodomora 1933 goda? [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2002. 22 nojab. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/skolko_nas_pogiblo_ot_golodomora_1933_goda.html (data obrashhenija 21.07.2015).

Kuprienko S. «Ja ne vstrechal bolee varvarskogo naroda, chem moskovity» – missioner Pedro Kubero [Jelektronnyj resurs] // Gazeta.ua. 2015. 12 ijunja. URL:

http://gazeta.ua/ru/articles/history/_a-ne-vstrechal-bolee-varvarskogo-naroda-chem-moskovity-missioner-pedro-kubero/631441?mobile=true (data obrashhenija 11.07.2015).

Lipovec'kij S. Licari voli. Navit' najzapeklishi vorogi shiljali golovi pered stijkistju ta muzhnistju borciv za ukrains'ku nezalezhnist' [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'.ua. 2010. 5 marta. URL: <http://tyzhden.ua/History/3586> (data obrashhenija 20.07.2015).

Losev I. Nezavisimost' na pustom meste? [Jelektronnyj resurs] // Ukrain-skaja pravda. 2008. 24 oktjabrja. URL: <http://www.pavda.com.ua/rus/articles/2008/10/24/4453600/> (data obrashhenija 21.07.2015).

Mahun S. Perejaslavskaja Rada – 1654: politicheskoe porazhenie Ukrainy ili Den' vossoedinenija? [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2014. 24 janv. URL: http://gazeta.zn.ua/history/perejaslavskaya-rada-1654-politicheskoe-porazhenie-ukrainy-ili-den-vossoedineniya_.html (data obrashhenija 18.07.2015).

Mahun S., Shhiponog G. Tat'jana Tairova-Jakovleva: Otstupit' ot istoricheskikh stereotipov [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2008. 4 okt. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/tatyana_tairova-yakovleva-otstupit_ot_istoricheskikh_stereotipov.html (data obrashhenija 15.07.2015).

Mushketik Ju. Otkuda poshla zemlja Rus'skaja i kto my takie? Kak moskovity ukrali nashe nazvanie i nashu istoriju [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2015. 13 fevr. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/otkuda-poshla-zemlyarusskaya-i-kto-my-takie> (data obrashhenija 13.07.2015).

Mycik Ju. «Nastojashhie konotopy». K 350-letiju Konotopskoj bitvy [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2009. 10 ijul. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/nastoyashchie_konotopy_k_350-letiyu_konotopskoy_bitvy.html (data obrashhenija 15.07.2015).

Nahmanovich V. «Ridna vlada», abo Dosvid odniei uspishnoi okupacii [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2015. 5 maja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2015/05/5/148226/> (data obrashhenija 18.07.2015).

Nizovoj N. Ivan Fedorov (Fedorovich): Komu prinadlezhit ego pechatnoe nasledie? [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2010. 23 sent. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/ivan-fedorov-fedorovich> (data obrashhenija 14.07.2015).

Odnorozhenko O. «Zvichajna shema» ukraïns'koï istorii. Koncepcija vitchiznjanoi istorii potrebuje terminovogo pereformatuvannja [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'.ua. 2009. 25 dek. URL: <http://tyzhden.ua/History/3268> (data obrashhenija 11.07.2015).

Ogienko V. Petro Sagajdachnij – rus'kij bat'ko kozac'koï Ukraïni [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2010. 22 dek. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2010/12/22/10263/> (data obrashhenija 15.07.2015).

Ot varjag do raket. Istorija Dnepra kak transportnoj arterii [Jelektronnyj resurs] // Korrespondent.net. 2015. 15 maja. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/3517710-ot-variag-do-raketystoryia-dnepra-kak-transportnoi-arteryy> (data obrashhenija 18.07.2015).

Pahlevskaja O. Russkij jazyk i demokratija: nereshennaja dilemma istorii [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2005. 14 fevr. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/panorama-dnya/russkiy-yazyk-i-demokratiya-nereshennaya-dilemma-istorii> (data obrashhenija 15.07.2015).

Pahlevskaja O. «Tem Ukraina Evropa, chto ona znaet kategoriju “inoj”» [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2005a. 22 sent. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/akciya-dnya/okšana-pahlevskaja-tem-ukraina-evropa-chto-ona-znaet-kategoriyu-inoj> (data obrashhenija 15.07.2015).

Palij A. Spor Rusi s Moskoviej zakonchitsja pobedoj Ukrainy [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2007. 6 fevr. URL:

<http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2007/02/6/4412731/> (data obrashhenija 15.07.2015).

Palij A. Kul'turnaja katastrofa i ee istoki. Syn avtora «Sojuza nerushimogo» schitaet, chto «Moskovija» idet k neolitu [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2012. 23 mar. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/kulturnaya-katastrofa-i-ee-istoki> (data obrashhenija 15.07.2015).

Palij A. Finno-ugorskaja razgadka «zagadochnoj Rossii» [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2013. 16 okt. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/finno-ugorskaya-razgadka-zagadochnoy-rossii> (data obrashhenija 15.07.2015).

Pavlikovskij M. Mazepa i ego vremja. K 300-letiju Poltavskoj bitvy [Jelektronnyj resurs] // Kievskij vestnik. 2009. 26 ijunja. URL: http://kyiv-vestnik.com.ua/public_s876.html (data obrashhenija 21.07.2015).

Piljavec' R. Sevastopol' – misto ukraïns'koï slavi. Pro ukraïnciv u Krims'kij vijni [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2014. 9 ijulja. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/07/9/143699/> (data obrashhenija 17.07.2015).

Porshnev B.F. Social'naja psihologija i istorija. 2-e izd., dop. i ispr. M.: Nauka, 1979.

Posivnich M. Stepan Bandera u nimec'kih tjurmah i konctaborah [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2015. 1 janv. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2015/01/1/140665/> (data obrashhenija 20.07.2015).

Romashova N. «Recept» uspeshnoj Ukrainy. Nikolaj Zhulinskij: Nashi politiki budut nastupat' na odni i te zhe grabli, dazhe esli k nim oni pridelajut evropejskiju rukojatku [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2009. 29 dek. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/recept-uspeshnoy-ukrainy> (data obrashhenija 20.07.2015).

Rozdobud'ko I. Stepan Razin ta Omeljan Pugachov – ukraïnci? [Jelektronnyj resurs] // Tizhden'.ua. 2013. 17 maja. URL:

<http://tyzhden.ua/History/78717> (data obrashhenija 14.07.2015).

Rozdobud'ko I. Assimiljacija cherez krov'. Rasstreljannoe Vozrozhdenie na Donshine [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2014. 24 ijulja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/assimiljacija-cherez-krov> (data obrashhenija 15.07.2015).

Samohvalova E. Kirilo Galushko: «Koliska tr'oh narodiv zdrevnjue istoriju Rosii za nash rahunok» [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2012. 29 nojab. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2012/11/29/101954/> (data obrashhenija 14.07.2015).

Sergejchuk V. Vechnoe plamja nepovinoventija. Esli ne vspyhnet kazackoe soznanie v dushe kazhdogo ukrainca, my zavalim poslednjuju barrikadu [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2014. 5 dek. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/vechnoe-plamya-nepovinoventija> (data obrashhenija 20.07.2015).

Shama O. Krasnaja gvardija. Kak bol'sheviki vperve zahvatili Kiev i tri nedeli grabili i ubivali mestnyh zhitelej [Jelektronnyj resurs] // Novoe vremja. 2015. 20 fevr. URL: <http://nv.ua/publications/krasnaya-gvardiya-kak-bolsheviki-vperve-zahvatili-kiev-i-tri-nedeli-grabili-i-ubivali-mestnyh-zhiteley-35255.html> (data obrashhenija 15.07.2015).

Shapoval Ju. Golodomor 1932/1933: «utrata» i obretenie [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2006. 17 nojab. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/golodomor_19321933_utrata_i_obretenie.html (data obrashhenija 21.07.2015).

Shapoval Ju. Vtoraja mirovaja vojna: prepodavanje, issledovanie, manipuljacija [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. URL: 2013. 26 apr. <http://gazeta.zn.ua/history/vtoraya-mirovaya-vojna-prepodavanje-issledovaniya-manipuljacija-.html> (data obrashhenija 20.07.2015).

Sidoruk A. Kul'chickij i Mejs: dva puti k istoricheskoj pravde [Jelektronnyj resurs] //

Zerkalo nedeli. № 1. 2007. 12 janvarja. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/kulchitskiy_i_meys_dva_puti_k_istoricheskoy_pравde.html (data obrashhenija 21.07.2015).

Sjundjukov I. Korolevstvo krivyh zerkal [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2006. 15 apr. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/korolevstvo-krivyh-zerkal> (data obrashhenija 13.07.2015).

Sokolov B. Bandera malorossa [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2010. 25 janv. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/mirove-diskussii/bandera-malorossa> (data obrashhenija 13.07.2015).

Sokolov B. O «krivyh zerkalah» rossijskoj istorii. Vtoraja mirovaja vojna i Ukraina [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2014. 19 sent. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/o-krivyh-zerkalah-rossijskoj-istorii> (data obrashhenija 13.07.2015).

Soldatenko V. Golodnyj tridcat' tretij. Sub'ektivnye mysli ob ob'ektivnyh processah [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2003. 27 ijunja. URL: <http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/golodnyj-tridcat-tretij-subektivnye-mysli-ob-obektivnyh-protsessah.html> (data obrashhenija 21.07.2015).

Strigun Ju. Protiv Aleksandra Nevskogo na storone nemcev vystupili 200 zhitelej Pskova [Jelektronnyj resurs] // Gazeta.ua. 2012. 30 ijulja. URL: http://gazeta.ua/ru/articles/history/_protiv-aleksandra-nevskogo-na-storone-nemcev-vystupili-200-zhitelej-pskova/448123 (data obrashhenija 15.07.2015).

Tairova-Jakovleva T.G. Mazepa. M.: Molodaja gvardija, 2007.

Tairova-Jakovleva T.G. Ivan Mazepa i Rossijskaja imperija. Istorija «predatel'stva». SPb.: Centrpoligraf, 2011.

Timoshik N. Valuevskij cirkuljar: kak, kem, pochemu? O mehanizme unichtozhenija vsego ukrainskogo. Posledstvija. Recepty [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2013. 17 ijulja. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/valuevskiy-cir>

kulyar-kak-kem-pochemu (data obrashhenija 11.07.2015).

Tregub A. Natalja Jakovenko: «V Ukraïni dijala ne “sovetskaja vlast”, a radjans'ka vlada» [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2011. 6 dek. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/12/6/64212/> (data obrashhenija 21.07.2015).

Vasil'chenko B. Javljaetsja li jeta vojna sluchajnoj? Otvēt – v prošlom [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2014. 14 avg. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/pochta-dnya/yavlyaetsya-li-eta-voyna-sluchajnoj> (data obrashhenija 18.07.2015).

Vas'kiv N. «Privatizacija» Rusi. «Zapiski o Moskovii» Zigmunda Gerbershtejna v ruskoj recepcii – kak primer antinauchnogo manipulirovanija [Jelektronnyj resurs] // Den'. 2011. 27 okt. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-ya/privatizacija-rusi> (data obrashhenija 13.07.2015).

Volod'ko V. Ukraïnci, jaki stvorili imperiju. Chastina 1 – ideolog Prokopovich [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2011. 26 janv. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/01/26/18230/> (data obrashhenija 17.07.2015).

Zaloznjak L. O tripol'cah, semitah i nardepah-tripol'evedah [Jelektronnyj resurs] // Zerkalo nedeli. 2004. 14 maja. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/o_tripoltsah,_semitah_i_nardepah-tripolievedah.html (data obrashhenija 13.07.2015).

Zaloznjak L. Get' vid Moskvi, nazad u Evropu! [Jelektronnyj resurs] // Ukrainskaja pravda. 2014. 9 marta. URL: <http://tyzhden.ua/History/103436> (data obrashhenija 15.07.2015).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акция «Висла»: кровавая река памяти [Электронный ресурс] // День. 2002. 27 апр. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/akcija-visla-krovavaya-reka-pamyati> (дата обращения 16.07.2015).

Атоев К. Украине нужно окончательно вырваться из когтей «Третьего Рима» [Электронный ресурс] // Новое время. 2014. 19 дек. URL: <http://nv.ua/opinion/atoyev/ukraine-nuzhno-okonchatelno-vyrvatsya-iz-kogtey-tretegorima-25897.html> (дата обращения 17.07.2015).

Атоев К. Как история стала новым фронтом информационной войны [Электронный ресурс] // Новое время. 2015. 21 апр. URL: <http://nv.ua/opinion/atoyev/kak-istoriya-stala-novym-frontom-informacionnoy-voyny-44871.html> (дата обращения 15.07.2015).

Безп'ятчук Ж. Gaude, Mater Polonia [Электронный ресурс] // Тиждень. ua. 2009. 25 сент. <http://tyzhden.ua/History/3454> (дата обращения 20.07.2015).

Білінський В. Звідки походить Москва та Московія [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2011. 3 авг. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/08/3/48534/> (дата обращения 14.07.2015)

Брехуненко В. Дьявол, как всегда, кроется в деталях. Нужна ли нам такая «положительно насыщенная» история? [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2010. 29 апр. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/dyavol,_kak_vsegda,_kroetsya_v_detalyah__nuzhna_li_nam_takaya_polozhitelno_nasyschennaya_istoriya.html (дата обращения 10.07.2015).

Брехуненко В. «Козак я, не москаль». Міф про донське козацтво [Электронный ресурс] // Тиждень. ua. 2015. 1 мая. URL: <http://tyzhden.ua/History/134921> (дата обращения 13.07.2015).

Бузина О. Истории от Олеса Бузины. Русь, Московия и Украина [Электронный ресурс] // Сегодня. 2009. 30 окт. URL: <http://www.segodnya.ua/ukraine/ictorii-ot-olecja-buziny-ruc-moskovija-i-ukraina.html> (дата обращения 16.07.2015).

Бузина О. Истории от Олеся Бузины. Бандера — душитель котов [Электронный ресурс] // Сегодня. 2010. 29 янв. URL: <http://www.segodnya.ua/life/stories/istorii-ot-olecja-buziny-bandera—dushitel-kotov.html> (дата обращения 21.07.2015).

Васьків Н. «Приватизация» Руси. «Записки о Московии» Зигмунда Герберштейна в русской рецепции — как пример антинаучного манипулирования [Электронный ресурс] // День. 2011. 27 окт. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/privatizaciya-rusi> (дата обращения 13.07.2015).

Васильченко Б. Является ли эта война случайной? Ответ — в прошлом [Электронный ресурс] // День. 2014. 14 авг. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/pochta-dnya/yavlyaetsya-li-eta-voyna-sluchajnoju> (дата обращения 18.07.2015).

Володько В. Українці, які створили імперію. Частина 1 — ідеолог Прокопович [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2011. 26 янв. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/01/26/18230/> (дата обращения 17.07.2015).

Гайдукевич В. Россия самая большая фальшивка в мире [Электронный ресурс] // Новое время. 2014. 12 нояб. URL: <http://nv.ua/opinion/gajdukevich/rossiya-samaya-bolshaya-falshivka-v-mire-20014.html> (дата обращения 15.07.2015).

Галенко А. Тени турецких предков. Кое-что об исторических связях Украины и нашем южном соседе [Электронный ресурс] // День. 2006. 14 апр. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/teni-tureckih-predkov> (дата обращения 14.07.2015).

Галушак М. «Волинь 1942–1944 рр.: війна чи геноцид?». Конспект лекції [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2013. 12 июня. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/07/12/130339/> (дата обращения 21.07.2015).

Головко Т. О чем молчат «баснописцы» российской истории [Электронный ресурс] // День. 2011. 3 нояб. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraincy-chitajte/o-chem-molchat-basnopiscy-rossijskoj-istorii> (дата обращения 13.07.2015)

Горобец В. Гетман Иван Мазепа: жизнь «за» и «против» царя [Электронный ресурс] // День. 2003. 6 июн. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/getman-ivan-mazepa-zhizn-za-i-protiv-carja> (дата обращения 20.07.2015).

Горобец В. Нереализованная мечта. Историческая аллюзия по поводу очередной годовщины Гадячского договора [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2004. 17 сент. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/nerealizovannaya_mechta_istoricheskaya_allyuziya_po_povodu_ochedrednoj_godovschiny_gadyachskogo_dogov.html (дата обращения 15.07.2015).

Горохов А. Кровавая легенда, замешанная на лжи [Электронный ресурс] // Версии.com. Фабрика аналитики. 2011. 14 окт. URL: <http://versii.com/news/241916/> (дата обращения 16.07.2015).

Грабовский С. Большие европейские проекты для Украины и их гибель [Электронный ресурс] // День. 2013. 23 дек. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/bolshie-evropeyskie-proekty-dlya-ukrainy-i-ih-gibel> (дата обращения 16.07.2015).

Грабовський С. Міф «отечества». «Отечественная война» готувалася як загарбницький агресивний сталінський проєкт [Электронный ресурс] // Тиждень. ua. 2010. 23 апр. URL: <http://tyzhden.ua/History/2158> (дата обращения 13.07.2015).

Грабовський С. Кремлівські «науковці-маніпулятори» [Электронный ресурс] // День. 2012. 7 дек. URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/ukrayina-incognita/kremlivski-naukovci-manipulyatori> (дата обращения 13.07.2015).

Грач Л. Братья-славяне, поднимайтесь, Отечество в опасности [Электронный ресурс] // Киевский вестник. 2008. 16 мая. URL: http://kyiv-vestnik.com.ua/public_s51.html (дата обращения 16.07.2015).

Гривинский Р. «Рейдерский захват» истории. Украинский ответ [Электронный ресурс] // День. 2015. 30 янв. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/tema-dnya-podrobnosti/reiderskiy-zahvat-istorii-ukrainskiy-otvet> (дата обращения 14.07.2015).

Громенко С. Як козаки з кримськими татарами від турків Крим боронили [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2014. 15 авг. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/08/15/144019/> (дата обращения 16.07.2015).

Гудзик К. Куда ведет нас наше прошлое? [Электронный ресурс] // День. 2007. 18 янв. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/kuda-vedet-nas-nashe-proshloe> (дата обращения 21.02.2015).

Гунчак Т. Шухевич и батальон «Нахтигаль». Фабрикация Москвы об украинском освободительном движении [Электронный ресурс] // День. 2009. 24 июля. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/shuhevich-i-batalon-nahtigal> (дата обращения 21.07.2015).

Гуцало Є. Всяка хурда-мурда, або ж Чи Стамбул – столиця Росії? [Электронный ресурс] // Тиждень. ua. 2014. 12 июля. URL: <http://tyzhden.ua/History/113699> (дата обращения 15.07.2015).

Денисов А. Остановка «1889 год» [Электронный ресурс] // 2000. 2014. 27 нояб. URL: <http://www.2000.ua/v-nomere/aspekty/istorija/ostanovka-1889-god.htm> (дата обращения 18.07.2015).

Дерев'яний І. Польська окупація Західної України в 1918–1939 роках. Як це було [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2011. 3 февр. URL: <http://www.istpravda.com.ua/>

articles/2011/02/3/21714/ (дата обращения 14.07.2015).

Дубровык-Рохова А. «В России – варвары». Олег Панфилов: «Они присваивают чужое и никогда в этом не признаются» [Электронный ресурс] // День. 2015. 27 февр. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/v-rossii-varvary> (дата обращения 15.07.2015).

Зализняк Л. О трипольцах, семитах и нардепах-трипольеводах [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2004. 14 мая. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/o_tripoltsah,_semitah_i_nardepah-tripolievedah.html (дата обращения 13.07.2015).

Зализняк Л. Геть від Москви, назад у Європу! [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2014. 9 марта. URL: <http://tyzhden.ua/History/103436> (дата обращения 15.07.2015).

Льюшин І. Волинська трагедія 1943–1944 рр.: пошук між «двома правдами» [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2011. 30 июня. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/07/13/45611/> (дата обращения 21.07.2015).

Калинчук Д. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...». Звідки взялися основні міфи франко-російської війни 1812 року [Электронный ресурс] // Тиждень. ua. 2012. 8 сент. URL: <http://tyzhden.ua/History/59430> (дата обращения 10.07.2015).

Камінський Л. Не шукаймо легшого шляху [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2015. 25 мая. URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2015/05/25/148342/> (дата обращения 20.07.2015).

Каревин А. «То, что сковали века» [Электронный ресурс] // 2000. 2010. 25 нояб. URL: http://www.2000.ua/v-nomere/svoboda-slova/ukraina_svoboda-slova/to-cto-skovali-veka_arhiv_art.htm (дата обращения 16.07.2015).

Кітчані В. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства» [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2011. 3 окт. URL: <http://www.istpravda.com.ua/reviews/2011/10/3/57614/> (дата обращения 15.07.2015).

Ковалевская О. Миф о Полтаве после 1709 года [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2008. 28 нояб. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/mif_o_poltave_posle_1709_goda.html (дата обращения 20.07.2015).

Кот С. Похитители нашей истории. Претензии Москвы на «киевское наследие»: истоки и символы [Электронный ресурс] // День. 2015. 23 июля. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/pohititeli-nashey-istorii> (дата обращения 24.07.2015).

Кралуц П. Москва слезам не верит, или Являются ли россияне славянами? [Электронный ресурс] // День. 2011. 28 июля. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/moskva-slezam-ne-verit> (дата обращения 11.07.2015).

Кралуц П. Как вольняне Московию развивали [Электронный ресурс] // День. 2012. 2 марта. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/kak-volyunyane-moskoviyu-gazivali> (дата обращения 21.07.2015).

Кралуц П. Николай Костомаров – о генезисе восточнославянских этносов [Электронный ресурс] // День. 2012а. 18 мая. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/nikolay-kostomarov-o-genezise-vostochnoslavjanskih-etnosov> (дата обращения 13.07.2015).

Кралуц П. Миф о трех «братских восточнославянских народах» [Электронный ресурс] // День. 2014. 24 янв. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/mif-o-treh-bratskih-vostochnoslavjanskih-narodah> (дата обращения 11.07.2015).

Кривое зеркало истории Украины [Электронный ресурс] // Час Пик. 2009. 5 июля. URL: <http://www.chaspik.info/bodyfull/5286.htm> (дата обращения 16.07.2015).

Кульчицкий С. Сколько нас погибло от голодомора 1933 года? [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2002. 22 нояб. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/skolko_nas_pogiblo_ot_golodomora_1933_goda.html (дата обращения 21.07.2015).

Курпиенко С. «Я не встречал более варварского народа, чем москвиты» – миссионер Педро Куберо [Электронный ресурс] // Gazeta.ua. 2015. 12 июня. URL: http://gazeta.ua/ru/articles/history/_a-ne-vstrechal-bolee-varvarskogonaroda-chem-moskovity-missioner-pedro-kubero/631441?mobile=true (дата обращения 11.07.2015).

Липовецький С. Лицарі волі. Навіть найзапекліші вороги схиляли голови перед стійкістю та мужністю борців за українську незалежність [Электронный ресурс] // Тиждень.ua. 2010. 5 марта. URL: <http://tyzhden.ua/History/3586> (дата обращения 20.07.2015).

Лосев И. Независимость на пустом месте? [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2008. 24 октября. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2008/10/24/4453600/> (дата обращения 21.07.2015).

Махун С. Переяславская Рада – 1654: политическое поражение Украины или День воссоединения? [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2014. 24 янв. URL: http://gazeta.zn.ua/history/pereyaslavskaya-rada-1654-politicheskoe-porazhenie-ukrainy-ili-dennvossoedineniya_.html (дата обращения 18.07.2015).

Махун С., Щитюног Г. Татьяна Таирова-Яковлева: Отступить от исторических стереотипов [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2008. 4 окт. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/tatyana_tairova-yakovleva_otstupit_ot_istoricheskikh_stereotipov.html (дата обращения 15.07.2015).

Щитюног Г. Татьяна Таирова-Яковлева: Отступить от исторических стереотипов [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2008. 4 окт. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/tatyana_tairova-yakovleva_otstupit_ot_istoricheskikh_stereotipov.html (дата обращения 15.07.2015).

Мушкетик Ю. Откуда пошла земля Русская и кто мы такие? Как московиты украли наше название и нашу историю [Электронный ресурс] // День. 2015. 13 февр. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/otkudaposhla-zemlya-russkaya-i-kto-my-takie> (дата обращения 13.07.2015).

Мыцик Ю. «Настоящие конотопы». К 350-летию Конотопской битвы [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2009. 10 июл. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/nastoyaschie_konotory_k_350-letiyu_konotopskoy-bitvy.html (дата обращения 15.07.2015).

Нахманович В. «Рідна влада», або Досвід однієї успішної окупації [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2015. 5 мая. URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2015/05/5/148226/> (дата обращения 18.07.2015).

Низовой Н. Иван Федоров (Федорович): Кому принадлежит его печатное наследие? [Электронный ресурс] // День. 2010. 23 сент. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/ivan-fedorov-fedorovich> (дата обращения 14.07.2015).

Овiенко В. Петро Сагайдачний – руський батько козацької України [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2010. 22 дек. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2010/12/22/10263/> (дата обращения 15.07.2015).

Однороженко О. «Звичайна схема» української історії. Концепція вітчизняної історії потребує термінового реформатування [Электронный ресурс] // Тиждень. ua. 2009. 25 дек. URL: <http://tyzhden.ua/History/3268> (дата обращения 11.07.2015).

От варяг до ракет. История Днепра как транспортной артерии [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. 2015. 15 мая. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/3517710-ot-variah-do-raket-ystoryia-dnepra-kak-transportnoi-artery> (дата обращения 18.07.2015).

Павликовский М. Мазепа и его время. К 300-летию Полтавской битвы [Электронный ресурс] // Киевский вестник. 2009. 26 июня. URL: http://kyiv-vestnik.com.ua/public_s876.html (дата обращения 21.07.2015).

Палий А. Спор Руси с Московией закончится победой Украины [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2007. 6 февр. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2007/02/6/4412731/> (дата обращения 15.07.2015).

Палий А. Культурная катастрофа и ее истоки. Сын автора «Союза нерушимого» считает, что «Московия» идет к неолиту [Электронный ресурс] // День. 2012. 23 мар. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/kulturnaya-katastrofa-i-ee-istoki> (дата обращения 15.07.2015).

Палий А. Финно-угорская разгадка «загадочной России» [Электронный ресурс] // День. 2013. 16 окт. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/den-planety/finno-ugorskaya-razgadka-zagadochnoy-rossii> (дата обращения 15.07.2015).

Пахлевская О. Русский язык и демократия: нерешенная дилемма истории [Электронный ресурс] // День. 2005. 14 февр. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/panorama-dnya/russkiy-yazyk-i-demokratiya-nereshennaya-dilemma-istorii> (дата обращения 15.07.2015).

Пахлевская О. «Тем Украина Европа, что она знает категорию “иной”» [Электронный ресурс] // День. 2005а. 22 сент. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/aksiya-dnya/okšana-pahlevskaya-tem-ukraina-evropa-cto-ona-znaet-kategoriuyu-inoy> (дата обращения 15.07.2015).

Пилявець Р. Севастополь – місто української слави. Про українців у Кримській війні [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2014. 9 июля. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2014/07/9/143699/> (дата обращения 17.07.2015).

Пошинев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1979.

Посівнич М. Степан Бандера у німецьких тюрмах і концтаборах [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2015. 1 янв. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2015/01/1/140665/> (дата обращения 20.07.2015).

Роздобудько И. Степан Разін та Омелян Пугачов – українці? [Электронный ресурс] // Тиждень.ua. 2013. 17 мая. URL: <http://tyzhden.ua/History/78717> (дата обращения 14.07.2015).

Роздобудько И. Ассимиляция через кровь. Расстрелянное Возрождение на Донщине [Электронный ресурс] // День. 2014. 24 июля. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/assimilyaciya-cherez-krov> (дата обращения 15.07.2015).

Ромашова Н. «Рецепт» успешной Украины. Николай Жулинский: «Наши политики будут наступать на одни и те же грабли, даже если к ним они приделают европейскую рукоятку» [Электронный ресурс] // День. 2009. 29 дек. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/recept-uspeshnoy-ukrainy> (дата обращения 20.07.2015).

Самохвалова Е. Кирило Галушко: «Коліска трьох народів здревнює історію Росії за наш рахунок» [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2012. 29 нояб. URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2012/11/29/101954/> (дата обращения 14.07.2015).

Сергейчук В. Вечное пламя неповиновения. Если не вспыхнет казацкое сознание в душе каждого украинца, мы завалим последнюю баррикаду [Электронный ресурс] // День. 2014. 5 дек. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/vechnoe-plamyu-nerovinoveniya> (дата обращения 20.07.2015).

Сидорук А. Кульчицкий и Мейс: два пути к исторической правде [Электронный

ресурс] // Зеркало недели. №1. 2007. 12 января. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/kulchitskiy_i_meys_dva_puti_k_istoricheskoy_pravde.html (дата обращения 21.07.2015).

Соколов Б. Бандера малоросса [Электронный ресурс] // День. 2010. 25 янв. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/mirovye-diskussii/bandera-malorossa> (дата обращения 13.07.2015).

Соколов Б. О «кривых зеркалах» российской истории. Вторая мировая война и Украина [Электронный ресурс] // День. 2014. 19 сент. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/o-krivyh-zerkalah-rossiyskoy-istorii> (дата обращения 13.07.2015).

Солдатенко В. Голодный тридцать третий. Субъективные мысли об объективных процессах [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2003. 27 июня. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/golodnyu_tridtsat_tretiy_subektivnye_mysli_ob_obektivnyh_protessah.html (дата обращения 21.07.2015).

Стригун Ю. Против Александра Невского на стороне немцев выступили 200 жителей Пскова [Электронный ресурс] // Gazeta.ua. 2012. 30 июля. URL: http://gazeta.ua/ru/articles/history/_protiv-aleksandra-nevskogo-na-storone-nemcev-vystupili-200-zhitelej-pskova/448123 (дата обращения 15.07.2015).

Стюдюков И. Королевство кривых зеркал [Электронный ресурс] // День. 2006. 15 апр. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/korolevstvo-krivyh-zerkal> (дата обращения 13.07.2015).

Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007.

Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». СПб.: Центрполиграф, 2011.

Тимошик Н. Валуевский циркуляр: как, кем, почему? О механизме уничтожения всего украинского. Последствия. Рецепты [Электронный ресурс] //

День. 2013. 17 июля. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/valuevskiy-cirkulyar-kak-kem-pochemu> (дата обращения 11.07.2015).

Трегуб А. Наталя Яковенко: «В Україні діяла не “советская власть”, а радянська влада» [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2011. 6 дек. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/12/6/64212/> (дата обращения 21.07.2015).

Филлиндаш Е. Голодомор-33: а был ли геноцид? [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2008. 21 ноября. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2008/11/21/4455486/> (дата обращения 21.07.2015).

Химка Дж.-П. Львівський погром 1941-го: Німці, українські націоналісти і карнавальна юрба [Электронный ресурс] // Украинская правда. 2013. 12 июня. URL: <http://www.istpravda.com.ua/research/2012/12/20/93550/> (дата обращения 21.07.2015).

Черкас Б. Битва під Оршею. Князь Острозький проти князя Московського // Украинская правда. 2013. 24 июля. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/07/24/131707/> (дата обращения 16.07.2015).

Чухлиб Т. Братья по крови. Украинско-польское военное взаимодействие во время последней попытки турок завоевать Европу [Электронный ресурс] // День. 2004. 27 авг. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/bratyurokrovi> (дата обращения 17.07.2015).

Чухлиб Т. Прощай, моя Одесса... или Почему в Украине уже есть памятники Екатерине II и Петру, но еще нет монументов Гитлеру и Сталину? [Электронный ресурс] // День. 2007. 7 сент. URL:

<http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/proshchay-moya-odessa> (дата обращения 15.07.2015).

Чухлиб Т. Против Москвы вместе с Турцией. К 345-летию заключения украинско-османского союза гетманом П. Дорошенко [Электронный ресурс] // День. 2015. 4 июня. URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/protivmoskvy-vmeste-s-turciy> (дата обращения 17.07.2015).

Шама О. Красная гвардия. Как большевики впервые захватили Киев и три недели грабили и убивали местных жителей [Электронный ресурс] // Новое время. 2015. 20 февр. URL: <http://nv.ua/publications/krasnaya-gvardiya-kak-bolsheviki-vpervye-zahvatili-kiiev-i-tri-nedeli-grabili-i-ubivali-mestnyh-zhiteley-35255.html> (дата обращения 15.07.2015).

Шаповал Ю. Голодомор 1932/1933: «утрата» и обретение [Электронный ресурс] // Зеркало недели. 2006. 17 нояб. URL: http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/golodomor_19321933_utrata_i_obretenie.html (дата обращения 21.07.2015).

Шаповал Ю. Вторая мировая война: преподавание, исследование, манипуляции [Электронный ресурс] // Зеркало недели. URL: 2013. 26 апр. http://gazeta.zn.ua/history/vtoraya-mirovaya-voyna-prepodavanie-issledovaniya-manipulyacii_.html (дата обращения 20.07.2015).

Якунов Е. «Сталин решил оттяпать кусок Финляндии “по-мирному”. Финны оказались несговорчивыми» [Электронный ресурс] // Факты и комментарии. 2014. 21 авг. URL: <http://fakty.ua/186722-stalin-reshil-ottyapat-kusok-finlyandii-po-mirnomu-finny-okazalis-nesgovorchivymi> (дата обращения 21.07.2015).

ГОД ЯНА ГУСА В ЧЕХИИ

5–6 июля 2015 г. столица Чехии жила с именем Яна Гуса, 600-летие казни которого отмечалось в эти дни. В программе, открытой воскресным утром экуменическим богослужением в церкви Святого Николая и завершившейся траурным крестным ходом на Староместской площади, было собрано более полутора сотен мероприятий разного формата, одновременно проходивших на нескольких площадках¹. По мысли организаторов – пражской мэрии и Чехословацкой гуситской церкви, они должны были удовлетворить самые разнообразные пожелания потенциальной аудитории. От художественной декламации наиболее ярких отрывков из произведений реформатора до цирковых выступлений, включая концерты духовной музыки всех веков и стилей, премьер спектаклей и книжных новинок. Три конференции: «Гус в истории», «Гус сегодня» и «Гус и экуменическое движение», – состоялись одновременно в трех пражских церквях.

Мемориальные дни были кульминацией юбилейного года, программа которого, однако, оказалась намного шире. В конце мая 2015 г. на экраны Чехии вышел биографический мини-сериал, снятый Иржи

¹ См.: http://www.hus2015.cz/images/2015/HusovskeSlavnosti_Program_Brozura_160x160_CSNAhled_1.pdf (дата обращения 14.07.2015).

Свободой по роману Евы Кантурковой. В замке Вальдштейн действует выставка «Три жизни Яна Гуса – учитель и реформатор – еретик и святой – народный герой», на которую Карлов университет в Праге откликнулся своей выставкой, посвященной научной и преподавательской деятельности Гуса в стенах этого почтенного заведения. А 30 мая в городе Гусинец открылся «Дом Яна Гуса». Исследователей он должен привлечь своей специализированной библиотекой. Ее задача – собрать все издания на всех языках, в которых так или иначе упоминается имя магистра Яна, а также проводить конференции и коллоквиумы, посвященные знаменитому реформатору. Что касается туристов, то их рассчитывают привлечь постоянной экспозицией, посвященной чешскому средневековью, в том числе повседневной жизни простой крестьянской семьи, выходцем из которой был будущий проповедник и реформатор. В какой мере амбициозный проект сможет быть реализован, покажет будущее. Опыт Дома Жанны д'Арк в Орлеане и Дома Альбрехта Дюрера в Нюрнберге говорит скорее о том, что дом Гуса едва ли станет местом массового паломничества туристов и крупным научным центром, но в качестве еще одной чешской достопримечательности он более чем уместен.

Отдельного упоминания заслуживает состоявшаяся 15 июня в Ватикане встреча Папы римского Франциска с делегациями Чехословацкой гуситской церкви и Евангелической церкви чешских братьев, возглавляемых патриархом Томашем Буттой и старейшиной синода Йоэлем Румлем. После совместного богослужения в часовне коллегии Святого Яна Непомука римский первосвященник не только назвал казнь Яна Гуса трагедией (трагической называл расправу над Гусом и Иоанн Павел II, считавший его, тем не менее, еретиком, с которым поступили слишком жестоко), но и впервые в истории Святого Престола назвал чешского мученика реформатором. Франциск призвал «всех христиан изучать личность Яна Гуса, который был прежде предметом споров, а сегодня мог бы открыть путь к диалогу»².

Для гуситской церкви годовщина — дополнительный повод привлечь к себе общественное внимание в несколько большем объеме, чем это свойственно Чехии, одной из наиболее неверующих стран Европы. В ожидании этого момента состоящие в ее лоне интеллектуалы разработали набор методических рекомендаций: семь текстов, рассчитанных на общение церковных деятелей и активистов с разными аудиториями в год 600-летия³. В пре-

дисловии к сборнику Томаш Бутта призвал духовных работников и прихожан видеть в Яне Гусе «не только персонажа истории и исторической памяти», но и «представлять его как христианина, который своей верой, мыслями и решимостью наставляет нас в христовом учении».

В качестве примера приведем две разработки. В одной из них, предназначенной для детей 7–12 лет, Алена Найманова предлагает провести тематический детский христианский лагерь продолжительностью от одной до двух недель. Помимо обычного набора занятий в нём предполагается познакомиться с культурой и искусством средневековой Чехии (с музыкой, песнями, возможно, танцами), провести игру по станциям и конкурс рисунков. Во время последнего, полагает автор рекомендаций, будет необходимо поговорить с детьми о том, почему они рисуют Гуса именно таким, как рисуют. Содержит разработка и 11 предложений, взятых ею из произведений Гуса, которые неплохо было бы освоить или заучить. В частности: «Для кого Бог всякой прочей твари дороже, и кто более, чем всему остальному, Богу себя отдает, тот более Господа почитит и своей душе поможет, чем если бы за него сама Матерь Божия со всеми святыми молились...»

Ивана Крейчи, автор второй методички, призывает в работе со студентами поставить акцент на противоречии личности Яна Гуса, искавшего возможности «жить по правде» с критическим положением, в котором находились

² См.: <http://zpravy.proglas.cz/detail-clanku/papez-prijal-ceskou-ekumenickou-delegaci.html> (дата обращения 14.07.2015).

³ Подборка размещена на сайте Чехословацкой Гуситской Церкви. См.: <https://sites.google.com/a/ccsh.cz/nauka/prace-metodikua-ustredni-duchovni-pece> (дата обращения 14.07.2015).

общество и церковь в Чехии на рубеже XIV–XV вв. Глубокое внутреннее переживание этого конфликта привело магистра к практическому служению бедным и униженным сословиям посредством проповеди слова истины и христианского социального идеала. При этом она особо подчеркивает: студентам необходимо уяснить, что «гуситство не было фанатическим и экстремистским движением», для него были характерны консерватизм и способность пойти на соглашение с оппонентами. Важным моментом, по мнению автора рекомендации, должно стать осознание преемственности между Яном Гусом и современной церковью его последователей. Необходимо показать студентам, что заветы Гуса лежат в основе принципа шести солидарностей Чехословацкой гуситской церкви:

1. Солидарность между членами одной семьи.
2. Солидарность между представителями разных профессий в экономике.
3. Солидарность между поколениями в обществе,
4. Солидарность между народами в мире.
5. Солидарность между верующими в единого Бога.
6. Солидарность, связывающая человека с Богом.

В исторической науке Чехии годовщина вызвала как будто меньший резонанс, хотя мемориальный год

еще не закончен. Возможно, вторая половина года и принесет интересные новинки. Пока же необходимо констатировать, что в ведущих чешских исторических журналах *Česky Časopis Historický*, *Folia Historica Bohemica*, *Historica* и *Slovansky Přehled* за 2013–2015 гг. не найдется ни одной статьи, посвященной Гусу и гуситскому движению. Редким исключением стала работа Томаша Граффа, посвященная борьбе с гуситством краковского епископа Збигнева Олешницкого и критике повествования польского летописца Яна Длугоша как основного источника сведений об этом церковном деятеле [Graff, 2014]. Она была опубликована в специализированном журнале *Medievalia Historica Bohemica*, посвященном чешскому средневековью.

Тем не менее, обзревая работы, которые вышли в первые полтора десятилетия XXI в. в ожидании годовщины, можно обнаружить вполне определенные тенденции. Центральной из них является фактическое окончание споров о характере гуситского движения. Словосочетание «гуситская революция» утверждается в работах концептуального характера, что же касается исследований частных проблем, то в них оно выглядит уже настоящей аксиомой. Именно так отзывается о гуситском движении Иржи Юрок в сборнике статей, посвященных его региональным аспектам, а также участию в нём отдельных социальных групп. Это «безусловно, революция», несмотря на признание И. Юрока в том, что смысл этого слова для него не является полностью понятным [Jurok, 2006:

172–173]. Более понятно содержание понятия революции для одного из корифеев чешской исторической науки Петра Чорнея. В шестом томе «Великих деяний земли короны чешской» он формулирует четыре признака, позволяющие говорить о деятельности последователей Гуса как о революции:

1. Усилилась роль дворянства и городов в чешском обществе.
2. Власть правителя была существенным образом ослаблена.
3. Церковь утратила 90 % имущества и влияния (как можно измерять влияние в процентах? – П.К.).
4. Чешский язык стал языком государства, делопроизводства и культуры [Čornej, Bartlová, 2007: 11].

П. Чорнею отчасти вторит его коллега Франтишек Хоффманн, известный исследователь средневекового чешского города. Перемены, которые были принесены в города Богемии гуситским движением, подтверждают тезис о постигшей общество революции:

1. Изменение состава городского населения, как национального, так и социального.
2. Освобождение большого количества небольших местечек от сеньориальной зависимости и их превращение в своеобразные городские республики.
3. Превращение города в одну из главных опор королевской власти [Hoffmann, 2009: 97–99].

Тем не менее Ф. Хоффманн предостерегает от возможного понимания «гуситской революции» как «городской», поскольку, по его словам, «она была направлена главным образом против церкви и ее представителей» [Hoffmann, 2009: 87].

Значительную роль в том, чтобы закрепить понимание гуситского движения как революции, сыграл труд Франтишка Шмагеля, который, со своей стороны, стремится опровергнуть тезис о ее прямой зависимости от социального кризиса. Исследователь воспринимает случившееся как едва ли не случайный эксцесс, порожденный комбинацией разнообразных факторов – от вполне сложившейся в чешских землях практики противостояния светских и церковных властей, восстаний магнатов против короля, до особенностей интеллектуальной жизни в Пражском университете, обострения эсхатологических настроений после эпидемий начала XV в. и нападений католиков на последователей Гуса в Бехинском крае весной 1419 г., ставших, по его мнению, спусковым крючком волны насилия, охватившей страну в течение нескольких последующих месяцев [Šmahel, 2001: 36–39]. Утверждение современного чешского автора о том, что «социальный прогресс не всегда ускоряется революцией» [Šmahel, 2001: 43], вполне соответствует сегодняшним эволюционистским и легитимистским симпатиям, однако в итоге он всё же признаётся в позитивной оценке последствий революции даже для представителей податного сословия, коему времена чешской смуты принесли немало страданий. Ф. Шмагель

отмечает, что народ впервые принял участие в делах страны, получил в руки оружие и явочным порядком отменил некоторые разорительные подати. К тому же «гуситское движение было первым европейским движением сопротивления в делах веры» [Šmahel, 2001: 73–74].

Одновременно расширилось смысловое содержание термина «революция». Одно из самых ярких явлений чешской истории дает основания каждому из авторов делать акцент на своих критериях, чтобы поставить его в ряд прочих революций. Едва ли маловажен здесь и фактор застарелой обиды на то, что термин не мог быть использован применительно к гуситству в период социалистической Чехословакии.

В канун 600-летия появилось и несколько биографических работ. Одна из них, вышедшая вторым изданием, принадлежит перу Иржи Кейржа, живого классика чешской гуситологии. Основное внимание он уделяет конфликту Яна Гуса с Констанцским собором, завершившимся для магистра смертной казнью. Гус в глазах И. Кейржа вполне правоверный католик, но если руководствоваться внутренней логикой собора, то обвинение в ереси выглядит вполне закономерно и, как ни трагична вся ситуация, у констанцских заседателей не было другого выхода, как отправить Гуса, демонстративно отказывавшегося признать их полномочия в качестве высшей церковной инстанции, на костер [Kejř, 2013].

Биография Гуса, написанная в преддверии годовщины Ф. Шмагелем,

содержит ответ И. Кейржу. Он указывает на то, что процессы А.Я. Вышинского с точки зрения советской юстиции выглядят юридически безупречными, но с позиций высшей справедливости они недопустимы, потому что представляют собой политический спектакль с заранее запрограммированным финалом. То же самое касается и осуждения магистра Яна, относительно которого «историк, в отличие от правоведа, может вершить суд на основе высшего принципа, которым в данном случае является право человека на свободу слова» [Šmahel, 2013: 234]. В целом же сочинение написано в жанре «тотальной истории», блестящий образец которой применительно к биографии был продемонстрирован в книге Жака Ле Гоффа «Святой Людовик» [Le Goff, 1996], и естественным образом с ней местами перекликается. Впрочем, Ф. Шмагель не отказывает себе в праве идти вслед за своим героем и имеющимся в его распоряжении материалом. Видимо, по этой причине очень большой объем книги о Гусе посвящен Карлову университету и Вифлеемской часовне — двум пражским адресам, с которыми была связана почти вся жизнь чешского реформатора. Богословская дискуссия о пресуществлении хлеба и вина в плоть и кровь Христову освещена при этом настолько подробно, что именно теологический спор в ученой и студенческой среде может предстать в глазах читателя едва ли не главной причиной произошедшего впоследствии в Чехии социального взрыва. Одновременно автор не опасается вносить существенные нюансы в распространенные массовые пред-

ставления о личности Яна Гуса и его деятельности. Так, он напоминает о политическом контексте знаменитой антинемецкой проповеди лета 1401 г., — об осаде Праги войсками майсенского маркграфа Вильгельма I, когда немецкий враг был в прямом смысле у ворот [Šmahel, 2013: 48]. Еще более значимым выглядит замечание Ф. Шмагеля об обстоятельствах провозглашения 18 января 1409 г. королем Вацлавом IV Кутногорского декрета, перераспределившего соотношение голов между чешской и остальными тремя нациями Пражского университета. Современный чешский автор указывает на то, что приоритет, отданный королем магистрам чешской нации, явился следствием их поддержки королевской позиции при формировании делегации для участия в церковном соборе в Пизе [Šmahel, 2013: 72]. Читателю, по сути дела, предлагается пересмотреть традиционный для историографии взгляд на Кутногорский декрет как на символ победы чехов над немцами в стенах университета, а на Гуса как на национального вождя, указывая на то, что декрет был обусловлен политическими соображениями правителя, притом соображениями весьма сиюминутного характера.

Продолжается работа чешских историков над отдельными темами, так или иначе связанными с гуситским периодом истории страны, некоторые из которых представлены в сборнике статей, посвященном Франтишку Шмагелю. Ян Адамек представил исследование о погроме доминиканского монастыря в Писеке, произошедшем 20 августа

1419 г., отмечая, как в каждом новом источнике сведений о количестве сожженных гуситами монахов число жертв умножается [Adamek, 2004]. Биография одного из ярких представителей гуситской знати, Зденека Костки из Поступиц, стала предметом статьи Мартина Шандеры [Šandera, 2004]. Небольшой этюд Яна Стейскала об откликах на гуситское движение в Италии XV в., сочетавших неприятие «чешской ереси» с критикой церковной иерархии, злоупотребления которой весьма способствовали успехам гуситов, заполняет собой лауну в истории Реформации, возникшую между Гусом и Лютером [Stejskal, 2004]. Наконец исследование Павла Соукопа, посвященное проповеди магистра Якоубека из Стржибра, произнесенной в память об основателе Пражского университета короле Карле IV на текст из Послания к римлянам: «...итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим. 13:12), выявляет, насколько тема духовной брани была востребована в чешской среде накануне вооруженной фазы гуситского движения, нашедшего в лице университетов своих вдохновителей и парламентаров [Soukup, 2004].

И пока Петр Главачек целенаправленно уходит от гуситской темы и посвящает свою книгу нелегкой судьбе чешских францисканцев на рубеже средневековья и нового времени [Hlaváček, 2005], авторы коллективной монографии об истории женщин в Чехии сполна отдают дань уходящей моде на гендерные исследования. Сестры-гуситки были, по их мнению, более последовательными участниками движения, чем братья,

часто руководствующиеся прагматическими причинами в вопросах выбора вероисповедания. Одновременно «таборитские женщины-воины могли тогда считаться равноправными Божьими ратниками рядом с мужчинами, и достичь наивысшего уровня равноправия в период чешского средневековья» [Žena v českých zemích... 2009: 183]. Возможно, исходя из этой установки, авторы приводят целую серию доводов в пользу историчности известия Лаврентия из Бржезовой об участии женщин в войне на стороне гуситов, которое многие предшествующие авторы считали вымыслом [Žena v českých zemích... 2009: 342–344].

В целом же, несмотря на эпизодическое появление невероятных для чешской историографии прошлых лет формулировок, таких как «генетический код гуситства» [Čornej, Bartlová, 2007: 17], вполне утвердилось представление о том, что эпопея Яна Гуса и его последователей не была ни аномалией, ни минутой славы чешской истории, но столкновением нескольких истин, приведшим к известному результату. Сам же чешский реформатор накануне 600-летия его гибели на костре в Констанце выглядит в первую очередь человеком, осознающим свою правду и свое право о ней заявлять, готовым ее держаться и отвечать за свои слова...

REFERENCES

Adamek J. Mučedníci pisěčtí. K zániku píseckého dominikánského kláštera roku 1419 // *Evropa a Čechy na konci středověku. Sborník příspěvků věnovaných Františku Šmahelovi* / Vyd. E. Doležalová, R. Novotný a P. Soukup. Praha, 2004. S. 221–231.

Čornej P., Bartlová M. Velké dějiny Zemí Koruny České. Sv. VI. 1437–1526. Praha; Lytomyšl: Paseka, 2007.

Graff T. Biskup krakowski Zbigniew Oleśnicki (1423–1455) wobec husytyzmu i polityki polsko – czeskiej // *Mediaevalia Historica Bohemica*. Sv. 17. Č. 1. 2014. S. 127–167.

Hlaváček P. Čeští františkáni na přelomu středověku a novověku. Praha, 2005.

Hoffmann F. Středověké město v Čechách a na Moravě. Praha: Lidové Noviny, 2009.

Jurok J. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce. České Budějovice: Němec-Veduta, 2006.

Kejř J. Jan Hus známý i neznámý. Praha, 2013.

Le Goff J. Saint Louis. Paris: Gallimard, 1996.

Šandera M. Zdeněk Kostka z Postupic – přítel krále, nepřítel církve // *Evropa a Čechy na konci středověku. Sborník příspěvků věnovaných Františku Šmahelovi* / Vyd. E. Doležalová, R. Novotný a P. Soukup. Praha, 2004. S. 323–336.

Šmahel F. Husitské Čechy: struktury, procesy, ideje. Praha, 2001.

Šmahel F. Jan Hus. Život a dílo. Praha: Argo, 2013.

Soukup P. Rytíře ducha na pražské univerzitě: Jakoubkovo kázání Abicimus opera tenebrarum // *Evropa a Čechy na konci středověku. Sborník příspěvků věnovaných Františku Šmahelovi* / Vyd. E. Doležalová, R. Novotný a P. Soukup. Praha, 2004. S. 413–431.

Stejskal J. Memory and heresy. Few remarks on Hussites in Italian polemics of XVth century // *Evropa a Čechy na konci středověku. Sborník příspěvků věnovaných Františku Šmahelovi* / Vyd. E. Doležalová, R. Novotný a P. Soukup. Praha, 2004. S. 85–90.

Žena v českých zemích od středověku do 20. století / Ed. M. Lenderová, B. Kopiczková, J. Burešová, E. Maur. Praha, 2009.

С.Е. Эрлих

ЭТА МАЛЕНЬКАЯ КНИЖЕЧКА...

Рец.: Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 207 с. (Сер. «Россия в поисках себя»)

В исследованиях памяти история пересекается с политологией. Выпускница истфака МГПИ им. Ленина, доктор философских наук Ольга Малинова своим примером доказывает, что для хождения по минному полю «актуального прошлого» политолог должен быть профессиональным историком.

В книге рассматривается работа с памятью, осуществляемая «властными элитами» постсоветской России. Для обозначения этой работы предлагается оригинальный термин «символическая политика». По мнению автора, потребность еще в одном «подходе», которыми изобилуют исследования политического аспекта памяти, вызвана тем, что уже имеющиеся — «историческая политика», «политика прошлого», «политическое использование истории» и др. — недостаточны. Они описывают только целенаправленные действия власти по созданию потребной ей коллективной идентичности. Малинова предлагает расширить рамки анализа, рассматривая также «побочные результаты решения задач, которые субъективно не связаны с конструированием идентичности» (с. 9). Поскольку символы всегда укоренены

в культурном наследии, то переименование работы власти с историей в «символическую политику» само по себе возражений не вызывает. В данном случае неважно, как называть яхту. Важно, как она поплывет.

Жанр «маленькой монографии» (8 а. л.) вынудил ограничить объект исследования. В центре внимания находятся высказывания трех президентов РФ: Ельцина, Путина, Медведева. Методами контент- и дискурс-анализа исследуются их ежегодные послания Федеральному Собранию. Исторические вкрапления в этих «прагматических» текстах справедливо рассматриваются как примеры политического использования памяти. Другой важный источник — «памятные речи» президентов в ходе ежегодных государственных праздников, а также юбилеев исторических событий, деятелей отечественной истории и культуры, городов, учреждений и т. д. В жанре «президентской коммеморации» достижение сиюминутных политических целей уступает место долговременной задаче построения связных исторических нарративов. Президентские интервью, «прямые линии», «встречи

с народом», «круглые столы» и прочие жанры, в которых воспроизведение «заготовок» спичрайтеров уступает место импровизациям, использовались, в отличие от «посланий» и памятных речей, лишь выборочно. Данное ограничение источниковой базы, на мой взгляд, противоречит заявленной методологии исследования. Импровизированные исторические экскурсии в подобных выступлениях первых лиц государства, несомненно, производят в коллективной памяти те самые «побочные» эффекты, ради исследования которых Малинова ввела термин «символическая политика». Кроме того, сравнение речей, подготовленных президентским штабом, со спонтанной рефлексией по поводу «непредсказуемого прошлого» дает возможность выявить «зазор» между пропагандой и «интимными» образами истории, присущими национальным лидерам новой России¹. В качестве риторического фона приводятся высказывания «предшественника» постсоветских президентов — президента СССР Горбачева, «оппозиционера» Зюганова, других политиков и публицистов. Учитывая традиционную концентрацию власти в России на верхушке ее «вертикали», такой «точечный» подход представляется адекватным для обрисовки силуэта «символической политики», который может быть детализирован в последующих исследованиях.

Малинова показывает, как менялся официальный образ большевистской революции. В советской идеологии миф Октября играл роль «ми-

фа происхождения». Со свержения «власти буржуазии и помещиков» начиналась история, устремленная в светлое будущее. При Горбачеве «революционная перестройка» считалась возвращением к чистому истоку Октябрьской революции, замутненному сталинскими репрессиями и брежневским застоём. В 1990-е власть провозглашала возвращение с тупикового пути, по которому большевики повели страну в октябре 1917, на магистральную дорогу «рынка и демократии». В раже отрицания проклятого революционного прошлого радикальные преобразования «команды Гайдара» демонстративно нарекли «реформами». Концепт «Октября» долгое время был связан с бескомпромиссными символическими «разрывами»: в советскую эпоху — с дореволюционной Россией, в перестройку — с «репрессиями» и «застоем», в «постперестройку» — со всем советским прошлым.

Разрывая с коммунистическим наследием, демократический режим во главе с бывшим кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС не смог внятно обозначить, в чём заключается «связь времен» с дореволюционной Россией. В одной из речей Ельцина упоминалось, что мы связаны памятью с рыночной демократией Великого Новгорода, реформами царя-освободителя Александра II, самоотверженными деятелями земского движения. Однако не было предпринято целенаправленных усилий для внедрения этих мест либеральной памяти в общественное сознание (с. 42). Автор считает, что власть совершила стратегическую ошибку, отдав укоренен-

¹ Ср.: [Эрлих, 2014].

ный в сознании посредством многочисленных нарративов и «мест памяти» образ Великой Октябрьской революции на откуп зюгановским коммунистам.

КПРФ творчески переработала концепт Октября. В новой интерпретации он означает не разрыв с прежней государственностью, а ее величайший этап, прорыв к мировому лидерству. Революция большевиков была единственным способом спасти русскую империю, поставленную последним Романовым на грань уничтожения. К сожалению, автор не обратил внимания, что, «вписывая» Октябрь в непрерывную традицию «тысячелетней русской цивилизации», современные коммунисты во многом опирались на сталинскую историософию времен «построения социализма в одной стране». В середине 1930-х классовый подход был потеснен этническим патриотизмом. К «прогрессорам» ленинских трех поколений вместе с деятелями культуры были тогда добавлены «прогрессивные» русские князья и цари, полководцы и государственные деятели.

После сомнительной победы Ельцина над Зюгановым на президентских выборах 1996 власть попыталась по-новому аранжировать память Октября. 7 ноября был переименован в День согласия и примирения. Попытка преодолеть символический раскол общественного сознания не увенчалась успехом. Поиск компромиссов не привел к созданию эффективных ритуалов, способных придать новый «примиряющий» смысл большевистской революции.

Путинский режим продолжил работу «примирения» памяти противоборствующих социальных групп. Принятие в 2000 в качестве государственных символов герба Московского царства, флага Российской империи и гимна СССР стало по сути «рейдерским захватом» патриотической риторики КПРФ о славной тысячелетней традиции русской государственности. Отличие «оппозиционного» и властного подходов состоит в том, что для коммунистов «светлое прошлое» является контрастом неприглядному настоящему. В мифодизайне суверенной демократии «темные века» постепенно были ограничены «лихими девяностыми». Малина подчеркивает, что путинская «тысячелетняя традиция» не представляет связного нарратива. Из разных этапов истории по необходимости выдергиваются «полезные примеры». «Трудные моменты» власть старательно обходит стороной. В современной «символической политике» технологи заменили идеологов. Решение сиюминутных задач подменяет работу на перспективу.

Большевистская революция входит в число вопросов, на которые у путинского режима нет приемлемых для пропаганды ответов. Компромиссное переосмысление Октября было предложено рабочей группой по созданию «историко-культурного стандарта» школьного учебника. Совокупность Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны в «стандарте» именуется «Великой русской революцией». Эта символическая — «три в одном» — компрессия позволяет

рассуждать о противоречивом событии русской истории, имеющем мировое значение.

«Объективный» подход «исполнителей» наталкивается на субъективные особенности «заказчика». «Профессиональные» конспирологические фобии выходца из советских секретных служб приводят к тому, что революция рассматривается им как заговор геополитических соперников. Несколько раз в высказываниях трижды президента РФ о большевиках прорывался термин «национальное предательство» (с. 79). В подтексте этого определения угадывается предательский Брестский мир, заключенный агентами германского Генерального штаба. Автор допускает, что страх распространения конспирологически понимаемой украинской «оранжевой революции» 2004 привел к такому радикальному действию «символической политики», как вычеркивание Дня согласия и примирения 7 ноября из числа нерабочих дней (с. 77).

Замена ему была найдена в праздновании условной исторической даты 4 ноября — освобождения Кремля от польских захватчиков. Новый праздник — День народного единства до сих пор не укоренился в коллективной памяти. В общественном сознании отсутствует необходимая «инфраструктура». Единственными бенефициарами праздника, придуманного *ad hoc*, стали участники националистических «Русских маршей». Трудно предположить, что власть ожидала такого эффекта своей праздничной «символической политики» (с. 76).

Память о «Великой русской революции» в постсоветский период стала яблоком раздора для коллективной памяти. Память о Великой Отечественной войне с советских времен являлась символом общественного сплочения. Триумф 1945 представлял главное свидетельство правильного выбора пути, по которому большевики в 1917 повели страну. Победа искупала все «трудности» (эвфемизм, которым в послесталинскую эпоху обозначались сталинские репрессии).

Ельцинский режим внес новый подход в понимание этого фундаментального образа национальной памяти. Победа — заслуга народа, осуществленная вопреки бесчеловечному советскому государству. В одном из интервью Ельцин заявил, что если победа над Гитлером обеспечена раскулачиванием и ГУЛАГом, то тогда победа над Наполеоном одержана благодаря крепостному строю (с. 94). В середине девяностых и в отношении памяти о войне наблюдаются (подобно коммеморации Октября) компромиссные политические решения. «Изобретается традиция» ежегодных «советских» военных парадов на Красной площади 9 мая. На самом деле в советское время такие парады после 1945 долгое время не проводились. Лишь в 1965 они были возрождены по юбилейным (раз в пять лет) датам. Красное знамя было признано официальным Знаменем Победы. Тем не менее, считает автор, дискурс тотального отрицания советского периода не позволял достичь консенсуса памяти о победе СССР в Великой Отечественной войне.

Путинский режим вернул празднику советский смысл победы государства. Более того, день Победы превратился в «миф происхождения» новой России. Об этом в частности свидетельствует отказ Путина во время своего «второго срока» от речей по поводу Дня России. Обретение «суверенитета» на закате перестройки «мифом основания» по многим причинам служить не может. (Прежде всего потому что большинство современников усматривают в этом тактическом маневре Ельцина, направленном на «перехват власти» у Горбачева, одну из причин «крупнейшей геополитической катастрофы века» — распада тысячелетней империи.) Выборочное использование полезного примера «героического прошлого» не сопровождается выработкой связного нарратива. Память о Победе существует в историческом вакууме. Власть избегает обсуждать «трудные моменты» довоенного и послевоенного времени.

Проблема усугубляется тем, что внутрироссийская память с середины 2000-х активно атакуется версиями памяти ряда бывших советских республик и прежних советских сателлитов из «лагеря социализма». В официальной пропаганде многих из этих государств советская «оккупация рассматривается в качестве бóльшего зла, в сравнении с которым зло меньшее — германский нацизм предстает едва ли не благодеянием. Гитлеровские коллаборационисты приобретают статус национальных героев. Активное участие местного населения в истреблении евреев в годы Второй мировой войны замалчивается».

Малинова подчеркивает, что такая версия противоречит западной традиции памяти, где гордость подвигами союзников по антигитлеровской коалиции и бойцов Сопротивления сочетается со стыдом за Холокост. Массовое уничтожение безоружных людей стало возможным благодаря равнодушию большинства граждан западноевропейских стран к судьбе своих еврейских соотечественников (с. 117). Удивительная терпимость современных западноевропейцев к проводимой новыми членами Евросоюза ревизии европейской памяти о войне с Гитлером, несомненно, стимулирует «антисоветский», переходящий в русофобию, настрой «изобретателей традиции» многих восточноевропейских государств. Однако при всей уязвимости позиций восточноевропейских участников современных «войн памяти» путинский режим, отказываясь обсуждать «трудные моменты» предвоенной, военной и послевоенной политики советского государства, не может эффективно противостоять оппонентам на международном уровне (с. 122). Малинова фиксирует изменение риторики президентских речей на празднованиях 9 мая: от совместной победы цивилизованных стран и всех народов СССР к «единоличному» триумфу русского оружия. Такая «самоизоляция» памяти не обеспечивает эффективной внешней политики.

Анализ исторического репертуара посланий Федеральному Собранию и памятных речей, предпринятый автором, свидетельствует, что, в отличие от большевиков, развернувших бурную «монументальную

пропаганду» в разгар Гражданской войны, ельцинские демократы и путинские державники провалили «символическую политику». Они не смогли создать связные исторические нарративы и основанные на них «места памяти», способные заменить советскую символику. Отсутствие такой инфраструктуры вынуждает лепить память «из того что было» — переосмысливать символы, доставшиеся по наследству от СССР. Ограниченный репертуар памяти приводит к ее фиксации на фантомных болях былого величия. Заикленность на «непроработанном» русском прошлом мешает выработать эффективные стратегии созидания конкурентоспособного на международной арене русского будущего.

Невозможно упомянуть в рецензии все интересные, порой неожиданные, наблюдения, которые содержатся в книге Малиновой. Несомненным достоинством «этой маленькой книжечки» является эффект, используя советскую военную

терминологию, «кадрированной части». В любой момент она может быть развернута в детализированное исследование, в котором будет проведен сплошной учет исторических «меседжей» первых лиц постсоветского государства, будет проанализирована реакция на них со стороны «экспертного сообщества», изучено их эхо во «мнении народном». В таком исследовании нуждается не только научное сообщество, но и общественность страны с непредсказуемым прошлым.

REFERENCES

Jerliĥ S.E. Vid na Senatskuju iz Krem-lja [jelektronnyj resurs] // Politru. 2014. 2 fevralja. URL: <http://polit.ru/article/2014/02/02/dec/> (data obrashhenija 27.07.2015).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Эрлих С.Е. Вид на Сенатскую из Кремля [электронный ресурс] // Политру. 2014. 2 февраля. URL: <http://polit.ru/article/2014/02/02/dec/> (дата обращения 27.07.2015).

М.А. Базанов

ДВЕ «ПАРАДИГМЫ» И ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ С.Б. КРИХУ И О.В. МЕТЕЛИ

Историография – одна из самых стремительно развивающихся вспомогательных исторических дисциплин. Как правило, современный бум историографических исследований объясняют крушением советского проекта, вызвавшего потребность в осмыслении характера взаимодействия науки, государства и общества. На наш взгляд, это явное преувеличение – СССР исчез два с половиной десятилетия назад, эмоции по этому поводу уже улеглись, в то время как интенсивность историографических изысканий не идет на спад. Полагаем, внешний фактор (распад СССР, отмена цензуры, уничтожение препятствий для знакомства с зарубежной научной литературой) оказывал определяющее влияние на развитие историографии лишь в первой половине 1990-х гг., главной причиной ее стремительного взлета является обновление методологического инструментария этой исторической

дисциплины. Принципы и методы таких научных направлений, как интеллектуальная история и историческая антропология, существенно трансформировали представления о предмете исследования историографа. Пожалуй, самое яркое свое воплощение новая трактовка предмета исследования нашла в выдвинутом Ю.Л. Троицким концепте «историографического быта», актуализировавшего изучение не только готового продукта – собственно сочинений историков – сколько условий и механизмов его создания [Троицкий, 1995; Алеврас, 2011; 2012]. Широкого хождения в литературе термин не получил, однако в этом направлении и развивалось творчество российских историографов.

Подобные бурные методологические трансформации порождают потребность в рефлексии, появля-

ются статьи, посвященные теории и методологии историографии [Репина, 2011; Коновалова, Метель, 2011; Корзун, 2012; Тихонов, 2012 и др.]. Современный этап развития историографии рисуется в них в виде прямой восходящей линии. Наука, освободившаяся от жесткого идеологического контроля, стремительно реализует свой потенциал, успешно осваивает методологические достижения зарубежной гуманитарной сферы и применяет их к изучению российских источников. Сколь-либо значимых преград, стоящих на пути развития историографии, они не отмечают. Однако некоторый диссонанс в эту картину попытались привнести омские историографы С.Б. Крих и О.В. Метель, выступившие со своей весьма критической статьей на страницах журнала «Вопросы истории» [Крих, Метель, 2014]¹.

Произошедшие в историографии методологические сдвиги они видят в «антропологическом перевороте» (с. 161), сутью которого стало «растворение объекта научной деятельности в субъекте» (с. 160). Поэтому «антропологическая парадигма» требует «сфокусировать внимание исследователей на самом историке — вначале всего как личности, а уже исходя из этого — как ученом» (с. 161). Первостепенное значение для «антропологистов» приобретает повседневный быт и круг общения изучаемого персонажа. В противовес ей продолжает существовать «концептуалистская парадигма», свое основное внимание

¹ Далее все ссылки на эту работу приводятся непосредственно в тексте статьи в круглых скобках.

концентрирующая именно на научных трудах, исходящая из постулата об «объективном существовании мира и его способности оказывать воздействие на историка-исследователя» (с. 164). Свои симпатии авторы явно отдают «концептуальной парадигме», в то время как «антропологическая» подвергается ими существенной критике. Во-первых, полагают они, последней присуща «размытость методов» и неразработанность собственной методики работы с историками. Результатом этой ситуации является то, что сторонники «антропологической парадигмы» лишь декларируют свою приверженность новым методам исследования, в то время как при анализе источников руководствуются элементарными соображениями «здравого смысла». Во-вторых, в «антропологической парадигме» отсутствует четкое понимание предмета исследования. Таковым для нее является человек-исследователь, но остается неясным, какие его качества и стороны деятельности должны в первую очередь попасть в поле зрения исследователей, появляется «методологическая опасность» — «обратившись к выяснению мелких подробностей личной жизни историка, потерять саму цель их изучения» (с. 162). Истинное назначение любого ученого, полагают они, состоит в том, чтобы «искать истину». Применительно к целям существования историографии это означает рефлексию об основах исторической науки и экспертную оценку ее современного состояния. Отсутствие этого целеполагания делает бессмысленным существование всей парадигмы в целом. В финале своей статьи ав-

торы, впрочем, заявляют: «...мы ни в коем случае не считаем желательным такой исход, при котором один подход одержит безоговорочную победу, а другой будет повержен» (с. 165), однако все предыдущие суждения более чем ясно показывают их симпатии и антипатии. Но не являются ли уязвимыми их собственные критические утверждения?

Вызывают возражения уже сами критерии, на основе которых авторы выделяют из общего числа историографических работ «антропологическую парадигму». Они совершенно верно ухватили ее суть — стремление изучить процесс получения нового знания, механизмы его производства и воспроизводства. Однако означает ли это, что в центре такового исследования непременно должна оказаться именно фигура историка и повседневные условия его существования? Так, например, в Омске сложилось весьма плодотворное сообщество ученых-историографов, объединенных идеей изучения образов науки и механизмов их трансформации². К какой из «парадигм» следует отнести его представителей? Повседневная жизнь, детали быта, личные взаимоотношения и психологический облик историков не являются центральной темой их исследований, но в то же время они не изучают конкретно-исторических и концептуальных построений ученых. Другой пример — диссертация О.В. Богомазовой о В.О. Ключевском как «месте памяти» сообщества россий-

ских историков [Богомазова, 2013]. Формально ее можно было бы отнести к «антропологической парадигме», но и некрологи, и юбилеи, и обустройство музеев для автора является не деталью повседневного быта, а частью коммеморативных практик сообщества, которые носят коллективный, достаточно обезличенный характер. Цели проникнуть в психологический, внутренний мир историков автор при этом перед собой не ставил. Ближе к концу статьи мы перечислим еще несколько примеров работ, не вписывающихся в выделенные С.Б. Крихом и О.В. Метелью «парадигмы» (а таких в литературе немало), на данном этапе ограничившись лишь этими двумя.

Конечно, это можно было бы объяснить тем, что авторы пытались ухватить лишь наиболее яркие черты двух «парадигм», которым отнюдь не должны полностью соответствовать отдельные исследования, выстроили некие «идеальные типы» («исследовательские утопии»). Однако нам представляется, что С.Б. Крих и О.В. Метель уже в самой основе своих размышлений допустили неточность, которая затем и привела их к ряду неверных выводов и суждений. Они излишне узко сформулировали предмет исследования «антропологической парадигмы» (мы и далее будем пользоваться этим термином, хотя его неудачность была продемонстрирована выше), усмотрев его исключительно в личности исследователя и его повседневных практиках, в то время как более правомерно говорить о социокультурных механизмах производства исторического знания. «Антро-

² Перечислим лишь наиболее яркие из их работ: [Корзун, 2000; Кефнер, 2006; Корзун, Колеватов, 2005; 2006; 2007; Кныш, 2009; Трансформация образа... 2011].

пологическая парадигма» не столь «антропологична», как ее пытаются изобразить С.Б. Крих и О.В. Метель. Более адекватен, скорее, термин «социокультурная парадигма» или «социальная история исторической науки».

В определенной степени это определяет уость их анализа — «антропологическая парадигма» рассматривается ими сквозь призму либо биографических исследований, либо историй научных школ, в результате чего, например, за пределами их внимания остались интересные попытки рассмотреть историю исторической науки сквозь призму генерационного подхода³. С.Б. Крих и О.В. Метель стремятся дать картину торжества «мелкотемья» в историографии, ее перегруженности эмпирическими исследованиями, фрагментации и парцелляризации поля исследований, в то время как обозначаемые нами выше работы, напротив, свидетельствуют о достаточно мощном стремлении к широким обобщениям и генерализации полученных выводов, а потому не вписываются в их схему (и, соответственно, не упоминаются в статье).

Возражения вызывает и телеологичность их построений. Историк, полагают С.Б. Крих и О.В. Метель, «пришел в науку не для того, чтобы общаться с коллегами, жить в определенном времени и пространстве, а для того, чтобы... как бы пафосно это ни прозвучало, искать истину» (с. 163). Фактически это их центральное замечание, из которого

затем и исходит вся дальнейшая критика работ «антропологистов». Основное предназначение историка видится им столь четко и ясно, что всё остальное предстает в виде чего-то вторичного и незначительного, а потому не представляющего интереса для историографа.

Полагаем, искусственность подобных построений ясна всем, кому приходилось длительное время тесно общаться с представителями научной среды. Личная жизнь заботит их не менее, чем занятия научной деятельностью, а элементарные человеческие симпатии зачастую определяют даже их концептуальные воззрения. Тех, кого не убеждает в этом личный опыт, вполне можно отослать к работам такого классика социологии, как П. Бурдьё [Бурдьё, 2001; 2007]. Убежденность и преданность своему делу авторов статьи не может не вызвать положительного отклика, но изучать историю науки следует исходя из ее реальных свойств, а не из представлений о том, какой она должна была бы быть.

Можно было бы перечислить еще ряд более мелких возражений С.Б. Криху и О.В. Метели, но, полагаем, что вполне можно ограничиться тем, что уже было высказано. Однако наш критический анализ неполон, пока мы не ответили на вопрос: были ли суждения С.Б. Криха и О.В. Метели порождены исключительно их тенденциозностью, или же они зафиксировали некоторые проблемы в развитии современной историографии?

Среди основных лейтмотивов суждений, направленных против «ан-

³ См. напр.: [Сидорова, 2008].

тропологической парадигмы», наиболее четко прослеживается упрек в невнимании к результатам научной деятельности, выпадении из их поля зрения собственно научных идей и концептуальных построений историков. Соответствует ли это действительности?

В качестве примера возьмем коллективную монографию омских историографов, посвященную трансформации образа советской исторической науки в послевоенные годы [Трансформация образа... 2011]. С нашей точки зрения, это ярчайшая среди работ, посвященных именно социокультурным механизмам функционирования исторической науки. Обстоятельно останавливаться на достоинствах этого исследования не будем. Отметим тот факт, что помимо реконструкции образов науки коллектив авторов проанализировал и ряд иных связанных с ними характеристик советской историографии (ее пространственное расположение, типичные модели выстраивания научной карьеры и т.д.). Одна из, безусловно, позитивных ее характеристик заключается в том, что она основана на широком круге историографических источников — в их число вошли и материалы периодической печати, и протокольная документация, и даже художественный фильм. На этом фоне весьма неожиданно выглядит та незначительная роль, которая отведена в ней традиционно основному виду историографических источников — научным трудам. Если они и фигурируют в изложении, то лишь изредка, в качестве неких иллюстраций, без которых исследование вполне могло

бы существовать. Научные концепции и методологические воззрения историков оказались за пределами фокуса внимания ученых. Такой пробел, с точки зрения автора данной статьи, порождает вполне закономерный и очень важный вопрос: а не имели ли реконструируемые авторским коллективом образы исключительно декларативный характер? Историография относится к числу вспомогательных исторических дисциплин, а потому на нее распространяются все общепризнанные научным сообществом принципы исторической науки. Исключение же из поля зрения историографов научных работ означает отход от таких норм исследования, как принцип всесторонности и системности.

С.Б. Крих и О.В. Метель возводят этот недостаток в ранг системных, делают вывод о некоей ущербности всей «антропологической парадигмы». Однако выше мы уже говорили о тенденциозно сформулированных критериях, на основе которых они выделяют две «парадигмы». В реальности существует немало историографических работ, объединяющих в себе черты той и другой «парадигмы». Так, например, А.М. Дубровский вполне уместно сочетает исследование концепции истории СССР феодального периода с изучением социокультурной атмосферы эпохи и психологического облика советских историков [Дубровский, 2005]. Монография А.В. Гордона посвящена историографии Великой французской революции, однако, пытаясь понять причины и ход трансформации идей историков, историограф

обращается к перипетиям их личных взаимоотношений, привлекая к своему исследованию помимо научных трудов еще и источники личного происхождения [Гордон, 2009]. Совершенно напрасно С.Б. Крих и О.В. Метель относят к «концептуальной парадигме» работы А.Л. Юрганова — для него изучение конвенции о Русском национальном государстве является лишь инструментом, посредством которого он проникает в «жизненный мир» историков 1930–1940-х гг., изучает саму структуру их сознания (т.е. фактически его цели соответствуют именно «антропологической парадигме») [Юрганов, 2011]. Авторы статьи приписывают А.Л. Юрганову идею о том, что «тексты имеют свою эволюцию, свою логику развития» (с. 164), тем самым игнорируя его методологические убеждения, базирующиеся на идеях феноменологии [Юрганов, 2001; Каравашкин, Юрганов, 2005].

Итак, подведем итоги. С.Б. Крих и О.В. Метель зафиксировали один из изъянов современных историографических исследований, а именно имеющую место тенденцию к сужению поля внимания историографов, постепенное вытеснение из него собственно научных трудов, идей и концепций историков. Однако, отметив данный недостаток, они возвели его в ранг системного сбоя. Их призыв вернуться в лоно «концептуальной парадигмы» губителен, как губительна и неплодотворна сама попытка выделения этих двух «парадигм». Авторы фактически призывают лечить болезнь тем же, что ее и вызвало, но далеко

не в гомеопатических дозах. В ответ на выпадение из поля зрения историографов научных концепций и идей они призывают к исключению из него повседневного быта историков. Выход же из положения заключается в максимально возможном расширении предмета историографического исследования, а вовсе не в выборе между научной деятельностью и личной жизнью ученых.

Остается надеяться, что статья С.Б. Криха и О.В. Метели всё же вызовет некоторый отклик у российских историографов, тем более что опубликована она была в ведущем историческом журнале. Полагаем, что отечественной историографии была бы полезна широкая дискуссия о целях, задачах и принципах современных историографических исследований, и работа С.Б. Криха и О.В. Метели как нельзя лучше соответствовала бы «зачину» таковой. Остается лишь сожалеть, что на настоящий момент она так и не вызвала должной реакции научного сообщества, предпочитающего, по видимости, не замечать критики в свой адрес...

REFERENCES

Alevras N.N. Chto takoe «istoriograficheskij byt»: iz opyta razrabotki i vnedrenija istoriograficheskoi definicii // *Istoricheskaja nauka segodnja: teorii, metody, perspektivy*. M., 2011. S. 516–534.

Alevras N.N. Istoriograficheskoe znanie i problema istoriograficheskogo byta: smysl i proishozhdenie nauchnoj kategorii // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 22 (276). Ser. Filologija. Sociologija. Kul'turologija. Vyp. 27. S. 79–85.

Bogomazova O. V. V. O. Ključevskij: istoriko-nauchnye i social'nye praktiki uvekovečivanija pamjati ob istorike v XX — nachale XXI veka: Dis. ... kand. ist. nauk. Cheljabinsk, 2013.

Burd'e P. Kliničeskaja sociologija polja nauki // Socioanaliz P'era Burd'e. Al'manah Rossijsko-Francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk. M.; SPb., 2001. S. 49–96.

Burd'e P. Pole nauki // Burd'e P. Social'noe prostranstvo: polja i praktiki. M.; SPb., 2007. S. 473–517.

Dubrovskij A. M. Istorik i vlast': istoričeskaja nauka v SSSR i koncepcii istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950). Brjansk, 2005.

Gordon A. V. Velikaja Francuzskaja revoljucija v sovetskoj istoriografii. M., 2009.

Jurganov A. L. Opyt istoričeskoj fenomenologii // Voprosy istorii. 2001. № 9. S. 36–52.

Jurganov A. L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo: zhiznennyj mir istorikov jepohi stalinizma. M., 2011.

Karavashkin A. V., Jurganov A. L. Region Dokska. Istočnikovedenie kul'tury. M., 2005.

Kefner N. V. Nauchnaja povsednevnost' poslevoennogo pokolenija sovetskih istorikov: Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2006.

Knysh N. A. Obraz sovetskoj istoričeskoj nauki v pervoe poslevoennoe desjatiletie: Dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2009.

Konovalova N. A., Metel' O. V. Myslit' «strategičeski»: razmyshlenie o celostnom strategičeskom znanii // Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vv. Cheljabinsk, 2011. S. 54–58.

Korzun V. P. Nauchnye soobshhestva istorikov Rossii: praktika antropologičeskogo opisanija (iz lekcionnogo opyta) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 16 (270). Ser. Istorija. Vyp. 51. S. 99–109.

Korzun V. P. Obrazy istoričeskoj nauki na rubezhe XIX – XX vekov (analiz oteče-

stvennyh istoriografičeskikh koncepcij). Ekaterinburg; Omsk, 2000.

Korzun V. P., Kolevatov D. M. «Russkaja istoriografija» N. L. Rubinshtejna v sociokul'turnom kontekste jepohi // Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii. M., 2007. Vyp. 20. S. 24–62.

Korzun V. P., Kolevatov D. M. Social'nyj zakaz i istoričeskaja pamjat' (nauchnoe soobshhestvo sibirskih istorikov v gody Velikoj Otečestvennoj vojny) // Mir istorika: istoriografičeskij sbornik / Pod red. G. K. Satretdinova. Omsk, 2005. Vyp. 1. S. 75–95.

Korzun V. P., Kolevatov D. M. Social'nyj zakaz i transformacija istoričeskoj nauki v pervoe poslevoennoe desjatiletie («Na klassikov ravnjajs'!») // Mir istorika: istoriografičeskij sbornik / Pod red. G. K. Satretdinova. Omsk, 2006. Vyp. 2. S. 199–224.

Krih S. B., Metel' O. V. Dve paradigmy v sovremennoj istoriografii // Voprosy istorii. 2014. № 1. S. 159–166.

Repina L. P. Istoriko-istoriografičeskoe issledovanie v kontekste sovremennoj intellektual'noj kul'tury // Istorija i istoriki v prostranstve nacional'noj i mirovoj kul'tury XVIII–XXI vv. Cheljabinsk, 2011. S. 21–35.

Sidorova L. A. Sovetskaja istoričeskaja nauka v seredine XX veka: sintez treh pokolenij. M., 2008.

Tihonov V. V. Mezhdisciplinarnyj podhod v istoriografičeskom issledovanii: sovremennyj rossijskij opyt // Steny i mosty. Mezhdisciplinarnye podhody v istoričeskikh issledovanijah. M., 2012. S. 251–258.

Transformacija obraza sovetskoj istoričeskoj nauki v pervoe poslevoennoe desjatiletie: vtoraja polovina 1940-h gg. — seredina 1950-h gg.: Kollekt. monografija / Pod red. V. P. Korzun. Omsk, 2011.

Troickij Ju. L. Istorografičeskij byt jepohi kak problema // Kul'tura i intelligencija Rossii v jepohu modernizacij (XVIII–XX vv.): Materialy Vtoroj vseros. nauch. konf. T. II: Rossijskaja kul'tura: modernizacionnye opyty i sud'by nauchnyh soobshhestv. Omsk, 1995. S. 164–165.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алеврас Н.Н. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). Сер. Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. С. 79–85.

Алеврас Н.Н. Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 516–534.

Богомазова О.В.В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начале XXI века: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2013.

Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-Французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: СПб., 2001. С. 49–96.

Бурдые П. Поле науки // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2007. С. 473–517.

Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.

Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепции истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950). Брянск, 2005.

Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Регион Докса. Источниковедение культуры. М., 2005.

Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006.

Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009.

Коновалова Н.А., Метель О.В. Мыслить «стратегически»: размышление о целостном стратегическом знании // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. Челябинск, 2011. С. 54–58.

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практика антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). Сер. История. Вып. 51. С. 99–109.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX веков (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000.

Корзун В.П., Колеватов Д.М. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 20. С. 24–62.

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка: историографический сборник / Под ред. Г.К. Сатретдинова. Омск, 2005. Вып. 1. С. 75–95.

Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков равняйся!») // Мир историка: историографический сборник / Под ред. Г.К. Сатретдинова. Омск, 2006. Вып. 2. С. 199–224.

Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

Репина Л.П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI вв. Челябинск, 2011. С. 21–35.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука в середине XX века: синтез трех поколений. М., 2008.

Тихонов В.В. Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт // Стены и мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 251–258.

Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х гг. — середина 1950-х гг.: Коллект. монография / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2011.

Троицкий Ю.Л. Историографический быт эпохи как проблема // Культура

и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.): Материалы Второй всерос. науч. конф. Т. II: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ. Омск, 1995. С. 164–165.

Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 36–52.

Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

А.В. Гринёв

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИСТОРИКА О ПРОБЛЕМАХ НАУКОМЕТРИИ

В советское время и в первые два десятилетия постсоветского периода наука в вузах традиционно занимала третье по значимости место после учебной и учебно-методической работы. О научной деятельности вспоминали в основном лишь в отчетный период, когда подводились итоги учебного или календарного года, а также при поступлении на работу или при проведении конкурса на замещение должности. Однако с начала 2010-х гг. ситуация постепенно стала меняться, и внимание вузовской администрации всё чаще начинают привлекать показатели НИР, которые становятся важным критерием при аттестации того или иного университета, определении его места в рейтинге вузов и общей оценке его престижности. Неудивительно, что параллельно возрастает значение такой дисциплины, как наукометрия, которая превращается в один из главных инструментов для всесторонней оценки научной деятельности как отдельного преподавателя, так и ППС вуза в целом.

Наукометрия — дисциплина, изучающая развитие науки через разнообразные измерения и статистическую обработку научной

информации в основном библиографического порядка (количество опубликованных научных статей, цитируемость автора и т.д.). Сам термин «наукометрия» был введен еще в 1969 г. В.В.Налимовым и З.М.Мульченко, хотя попытки «обсчитать» результаты научной деятельности предпринимались и ранее, прежде всего на Западе, когда Дирек Прайс (Derek J. Price) и особенно Юджин Гарфильд (Eugene Garfield) стали широко применять количественные методы для изучения эволюции науки. Последний организовал в Калифорнии Институт научной информации и в 1961 г. приступил к подготовке «Индекса научных ссылок» (Science Citation Index, сокращенно SCI), который оказался весьма эффективным инструментом исследования в науковедении [Налимов, Мульченко, 1969: 5].

С той поры наукометрия продвинулась далеко вперед, составляя вместе с библиометрией и вебометрикой (от англ. *webometrics* — дисциплина, исследующая количественные аспекты информационных ресурсов интернета) [Almind, Ingwersen, 1997; Thelvall, 2012 и др.] важную интегральную часть ин-

фометрии. Наряду с простым подсчетом количества научных работ и индексом цитирования (который учитывает число ссылок на работы конкретного ученого) появились новые инструменты наукометрического анализа, в частности широко известный ныне «индекс Хирша» (ИХ, критерий Хирша, *h*-индекс). Он был разработан в 2005 г. аргентинско-американским физиком Хорхе Хиршем (Jorge E. Hirsch) из университета Сан-Диего (Калифорния) [Hirsch, 2005]. Согласно индексу Хирша, ученый имеет индекс *h*, если *h* из его *N* статей цитируются как минимум *h* раз каждая: например, *h*-индекс, равный 3, означает, что ученым было издано не менее 3 работ, каждая из которых была процитирована 3 и более раз. При этом количество работ, процитированных меньшее число раз, может быть любым. Специфика индекса Хирша состоит в том, что он будет одинаково низким как для автора одной очень популярной статьи, так и для автора множества работ, процитированных не более одного-двух раз. Этот показатель будет высоким лишь для тех, у кого немало публикаций, и все они (или по крайней мере многие из них) достаточно востребованы, т.е. регулярно цитируются другими исследователями. При этом значение *h*-индекса существенно зависит от области науки и возраста исследователя (чем он старше, тем показатели выше из-за накопления цитирований). Как правило, высокий *h*-индекс имеют специалисты-медики и биологи, заметно меньший – физики и совсем небольшой – историки, так как они чаще ссылаются на документы и другие письменные источники,

а не на работы своих коллег [Тихонов, 2013: 95]. Неудивительно, что из-за определенных недостатков индекс Хирша вызывает у части ученых полное неприятие и вполне обоснованную критику [Бедный, Сорокин, 2012: 26–27; Полянин, 2014: 141; Bornmann, Mutz, Daniel, 2010: 407–408 и др.].

Кроме индекса Хирша с 2006 г. используется, хотя в неизмеримо меньших масштабах, так называемый *g*-индекс, предложенный бельгийским ученым Лео Эггэ (Leo Egghe) для измерения научной продуктивности на основе библиометрических показателей [Egghe, 2006]. Этот индекс также рассчитывается на основе распределения цитирований публикаций ученого.

Наряду с количественным анализом научной эффективности отдельных ученых в библио- и наукометрии подобные расчеты ведутся также в отношении научных журналов, воплощаясь в так называемом «импакт-факторе» (ИФ). Он представляет собой формальный численный показатель важности научного журнала и демонстрирует, сколько раз в среднем цитируется каждая изданная в журнале статья в течение двух последующих лет после ее выхода. При этом ИФ журналов динамичны и отличаются в разы для разных дисциплин. Например, специализированный журнал по биологии будет иметь импакт-фактор примерно в 6 раз выше, чем исторический. Естественно, что чиновники от науки и университетское начальство дружно рекомендуют публиковаться в научной периодике с высоким ИФ. Вместе с тем

не стоит излишне фетишизировать ИФ, поскольку, как отмечали после его анализа зарубежные специалисты-математики, «использовать только импакт-фактор в оценке журнала — это всё равно что при оценке здоровья человека учитывать только его вес» [Адлер, Эвинг, Тейлор, 2011: 7]. И еще один немаловажный момент: импакт-фактор является индикатором эффективности работы журнала, а не исследователя, напечатавшего в нем свою работу.

Однако не только публикационная активность ученых и научных журналов служит объектом наукометрии, но и аналогичная деятельность целых научных коллективов. Для этого применяется специальный *i*-индекс, который рассчитывается на основе подсчета индекса Хирша ученых данного научного учреждения. Соответственно, конкретная научная организация имеет индекс *i*, если не менее *i* ученых из этой организации имеют *h*-индекс не менее *i*. Поэтому чем выше *h*-индекс ученых данного коллектива, тем больше суммарный *i*-индекс и тем выше «научный вес» организации.

Здесь следует оговориться, что сам по себе подсчет всех этих индексов и показателей невозможен без специальных библиографических баз. В них аккумулируются данные о наиболее важных научных работах, прежде всего статьях, опубликованных в солидных научных журналах, а также ведется постоянный мониторинг цитирований этих статей. История создания баз (или указателей) научного цитирования начинается с 70-х гг. XIX в.,

когда в США появляются индекс юридических документов Shepard's Citations в 1873 г. и индекс научных публикаций по медицине Index Medicus в 1879 г. На сегодняшний день существует большое количество международных систем цитирования (библиографических баз): ISI Web of Science, Scopus, Springer, Agris, Google Scholar (GS) и др. К самым авторитетным из них относится американская Web of Science (WoS) — аналитическая и цитатная база данных статей из научных и профессиональных периодических изданий, формируемая Институтом научной информации США (Institute of Scientific Information, владелец — компания Thomson Reuters). Другой не менее авторитетной базой выступает главный конкурент WoS — сравнительно молодая система Scopus, базирующаяся в Нидерландах (владелец — издательская корпорация Elsevier). Обе базы являются коммерческими проектами, и доступ к их данным стоит немалых денег. Журналы, входящие эти базы, официально признаются ВАК РФ. Правда, социогуманитарная тематика и периодика представлены в WoS и Scopus достаточно скромно. Помимо прочего, WoS фиксирует главным образом научные статьи, оставляя «за бортом» монографии, а ведь именно они наиболее высоко ценятся среди гуманитариев, особенно у историков. Во многом монопольное положение WoS, как отмечает в частности Н.В. Мотрошилова, по сути искажает картину развития науки, поскольку данные сильно «американизированы», чем закладывается представление о превосходстве американской науки и имеет место

неравенство (дискриминация) возможностей для ученых других стран [Мотрошилова, 2011: 138, 140, 144]. Это проявляется еще и в том, что ссылки, сделанные на кириллице, WoS вообще не учитывает, и в итоге достижения российских историков почти не принимаются в расчет [Тихонов, 2013: 90].

В этом плане более привлекательным выглядит крупнейшая в мире международная реферативная база данных научной информации Scopus, которая содержит относительно более широкую номенклатуру научных журналов, включая некоторые русскоязычные периодические издания исторического профиля [Международная база данных... 2012]. Среди последних можно назвать следующие: «Российская история» (учитывается также в базе WoS), «Былые годы. Российский исторический журнал», «Археология, этнография и антропология Евразии», «Вопросы истории естествознания и техники», «Этнографическое обозрение» (еще один известный исторический журнал – «Вопросы истории» – учитывается в базе WoS). В настоящее время идет подготовка к включению в базу Scopus петербургского исторического журнала «Клио».

Относительно небольшое представительство отечественных журналов в зарубежных базах предопределяется тем, что их аккредитация возможна только при условии выполнения редакцией журнала достаточно жестких требований. Так, для Scopus это обязательное дублирование названия публикуемых статей, аннотаций, ключевых слов и ссы-

лок на английском языке; строгие сроки выхода очередного номера журнала; публикация его содержания в интернете и т.д. [Кириллова, 2013]. Если журнал перестает соблюдать эти требования, он автоматически исключается из базы Scopus, приобретая статус Inactive. При этом надо иметь в виду, что кроме статей и обзоров из научных журналов – основных источников информации – Scopus учитывает материалы конференций, диссертации, рефераты, патенты, а с 2014 г. также монографии, вышедшие в академических или университетских зарубежных издательствах, в первую очередь европейских и американских. Всё это дает Scopus дополнительную фору по сравнению с Web of Science, которая постепенно теряет популярность у нас в стране из-за антиамериканских настроений и политики российских властей в связи с обострением отношений с США в 2014 г. после присоединения Крыма.

Внимание к данным зарубежных библиографических баз резко возросло в России после обнародования указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. за № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Появление указа было вызвано постоянным снижением доли российских научных публикаций, признаваемых в мире, что отрицательно сказывалось на международном престиже страны. Впрочем, учитывая финансирование и организацию науки в России в сопоставлении с ситуацией в ведущих зарубежных странах, ничего удивительного в этой тенденции нет.

Сам же президентский указ предусматривал увеличение к 2015 г. доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science, до 2,44 %. Очевидно, что поставленная задача так и не была выполнена, иначе об этом раструбили бы основные государственные СМИ. Тем не менее в ряде вузов публикациям в журналах, входящих в реферативные базы WoS и Scopus, стали отдавать приоритет, а в некоторых университетах даже ввели за них значительные денежные надбавки, премии или гранты [Ефимова, 2012: 105–106; Усачев, 2013: 71]. На этой почве появились фирмы, которые в интернете предлагают всем желающим опубликовать за немалые деньги статью в журнале из списка Scopus (подобные услуги предоставляет, например, издательство «Аналитика Родис» – см. его официальный сайт в интернете: <http://publishing-vak.ru/form.htm>).

Вместе с тем не следует, на мой взгляд, слепо преклоняться перед зарубежными библиографическими базами и их показателями, поскольку в них (помимо далеко не полного перечня работ российских историков) порой содержатся упущения и ошибки. Сошлось на собственный опыт. Так, например, сотрудники WoS и Scopus при регистрации статьи, вышедшей в США в 2010 г. (*A Brief Survey of the Russian Historiography of Russian America of Recent Years // Pacific Historical Review*, 2010. Vol. 79. N 2. P. 265–278), в качестве моего соавтора упомянули переводчика

Р.Л. Блэнда (R.L. Bland). Он очень хороший переводчик, но не автор, и несмотря на мои неоднократные просьбы исправить недоразумение необходимые поправки так и не были внесены. А вот и совсем свежий пример: лишь после многонедельной переписки весной 2015 г. сотрудники Scopus наконец указали мою правильную аффилиацию (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) в пристатейной информации к недавно вышедшей в Великобритании работе. Один мой коллега из США, профессор А.А. Знаменский, фигурирует в Scopus разом на двух авторских профилях с разным набором публикаций и разным *h*-индексом, как будто это не один человек, а два разных. И подобные примеры можно продолжать перечислять.

Общим серьезным недостатком Scopus, WoS и других библиографических баз является, с моей точки зрения, то, что они лишь однократно учитывают ссылку на конкретный научный труд, игнорируя тот факт, что подобных ссылок может быть несколько. Другими словами, для WoS или Scopus безразлично, сколько ссылок (сносок) сделано на вашу работу – одна или десять. Будет учтена только одна, что зачастую очень сильно искажает исходные наукометрические показатели того или иного автора и резко снижает объективность наукометрического подхода при использовании данных этих баз. Это происходит из-за того, что в библиометрии в целом под ссылкой понимается только пункт в списке литературы, а не сама ссылка и их количество

в тексте, тем более что в различных странах и науках система ссылок/сносок может быть совершенно различна. Кроме того, некоторым оправданием может служить также стремление уменьшить возможность злоупотреблений в случае комплиментарного цитирования («цитатный обмен», по выражению П.А. Лоуренса [Лоуренс, 2011: 42]).

Если теперь посмотреть на зарубежные базы с точки зрения российского историка, то в целом наблюдается довольно безрадостная картина, поскольку отечественные специалисты по истории и их работы представлены в них весьма скромно. Причин для этого несколько: малое число российских журналов исторической направленности, индексируемых WoS и Scopus; незначительное количество российских ученых, публикующихся в зарубежных периодических изданиях, входящих в эти базы; слабое знание многими английского языка; невысокий научный уровень и культура цитирования значительной части публикаций¹ и т. д.

Выходом из ситуации могло бы стать обращение к отечественному аналогу зарубежных библиографических баз — Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ). Этот проект разрабатывался с 2005 г. компанией «Научная электронная библиотека» (eLibrary.ru) и первоначально спонсировался государством, но уже через несколько лет бюджетное финансирование было прекращено, и РИНЦ ныне

выступает как негосударственная коммерческая организация, которая существует на деньги, которые она может заработать самостоятельно. Следует отметить, что подобное положение не лучшим образом сказывается на деятельности нашей крупнейшей библиографической базы, о чем речь пойдет ниже. Тем не менее ряд исследователей отмечает, что на сегодняшний день система РИНЦ выступает как главный источник информации для характеристики научной эффективности отечественных ученых и организаций, а также популярности научных изданий и альтернативы этой системе у нас в стране не существует, особенно для публикаций по общественным наукам [Бедный, Сорокин, 2012: 22, 27; Ефимова, 2012: 103 и др.]. С другой стороны, находится немало критиков РИНЦ, и упреки в его адрес регулярно появляются на страницах научной периодики и в интернете. Некоторые авторы лишь мягко журят РИНЦ, ссылаясь на его относительную «молодость» [Мотрошилова, 2012: 3; Тихонов, 2013: 90, 99 и др.], в то время как другие выступают с резкими обвинениями за искажение и даже намеренную фальсификацию библиометрических данных [Каленов, Селоцкая, 2010; Кузнецов, 2014 и др.].

Мне самому довелось совершенно случайно натолкнуться в интернете на РИНЦ еще пять лет назад. Естественно, решил проверить свои показатели. Выглядели они, мягко говоря, довольно бледно: в авторском профиле тогда находилось всегонавсего 6 научных статей. Подобные результаты могли вызвать лишь

¹ Об «особенностях» российской культуры цитирования см. подробнее: [Гринёв, 2014; Аврус, 2015].

снисходительную ухмылку: к лету 2010 г. только в академическом журнале «Советская этнография» / «Этнографическое обозрение» вышло 12 моих статей, не считая еще нескольких десятков в иных отечественных (включая журналы списка ВАК) и зарубежных изданиях. Мысленно посетовав на халтурный сайт, закрыл его и забыл. Как оказалось, напрасно. Через пару лет он напомнил о себе самым непосредственным образом. Дело в том, что в конце весеннего семестра 2012 г. администрация вуза потребовала в приказном порядке немедленно зарегистрироваться в РИНЦ всем преподавателям и срочно предоставить данные о своей научной работе, которые отражены в нем с учетом индекса Хирша. Вероятно, тогдашний аврал с РИНЦ был связан с президентским указом от 7 мая 2012 г. за № 599. Как бы то ни было, но на тот момент у меня всё так же числилось в РИНЦ менее десятка статей, а *h*-индекс составлял что-то около нуля. Глядя на эти цифры, зав. кафедрой посетовала на мои низкие показатели: мол, вроде бы вы много публикуетесь, а в РИНЦ не на что смотреть. Учитывая начальственную критику, тем более что теперь низкие данные в РИНЦ отражались и на показателях кафедры, решил связаться непосредственно с людьми в Москве, курирующими первую общероссийскую научную библиометрическую базу. С большим трудом и упорными двухнедельными препирательствами в РИНЦ зарегистрировали часть посланных по электронной почте библиографических данных опубликованных в разные годы статей и увеличили *h*-индекс до 3. При этом зарубежные

публикации в РИНЦ тогда отказались принимать в принципе, хотя среди них находилось несколько работ, упомянутых в Web of Science и Scopus.

Дело в том, что первоначально РИНЦ ориентировался только на статьи, напечатанные в отечественных реферируемых журналах (в основном из списка ВАК). Однако с 2013 г. у РИНЦ появилось немаловажное преимущество – возможность регистрировать не только научные статьи, но и монографии, словари, диссертации, авторефераты и другие разновидности научной печатной продукции и ссылки на них. К сожалению, РИНЦ на этом не остановился и стал учитывать в авторских профилях вузовские учебники, учебные пособия, методички и даже школьные учебники для 7–8-го класса (!). Здесь сам собой возникает недоуменный вопрос: какое отношение к науке имеют подобные творения? Ведь сам РИНЦ расшифровывается как Российский индекс НАУЧНОГО цитирования. Совершенно очевидно, что учебники (хоть вузовские, хоть школьные) не являются и не могут быть научными произведениями, так как в них происходит не публикация принципиально новой авторской научной информации, а лишь та или иная интерпретация уже известного и хорошо изученного материала.

С какой целью РИНЦ начал учитывать учебники и пособия, остается только гадать. Вероятно, эту идею пролоббировала вузовская общественность, администрация или представители Российской акаде-

мии образования, заинтересованные в регистрации учебных трудов и увеличении в связи с этим своего *h*-индекса и общих показателей публикационной активности. А представители РИНЦ с удовольствием пошли навстречу, получая немалые средства за регистрацию учебной литературы в своей базе данных. Однако можно повторить, что в отличие от монографий, статей и других собственно научных публикаций (их перечень представлен в официальных ГОСТах), учебные и учебно-методические работы, как правило, не содержат никаких новых достижений и результатов авторских научных открытий, а сам текст представляет собой обычно компиляцию уже достаточно хорошо известных фактов и теорий [Котляров, 2009: 44]. Тем не менее фиксация учебников не только искажала данные о научной работе людей, чьи учебные разработки оказались включены в базу РИНЦ, но и породила волну новых компилятивных учебных пособий, которые тем не менее будут засчитаны РИНЦ в качестве научных публикаций после соответствующей оплаты. Если всё же следовать строгим критериям научного подхода, то необходимо исключить все учебные и учебно-методические работы из перечня РИНЦ или составить для них отдельный каталог.

Но учебных и учебно-методических трудов сотрудникам РИНЦ, видимо, показалось мало, и они начали упоминать в авторских профилях статьи из популярных журналов, например «Вокруг света» (правда, не регистрируя сам журнал на официальной основе у себя

в базе), а также заметки и труды низкокачественных периодических изданий ряда вузов и их филиалов. Подобная тенденция привлекла внимание научной общественности, выступившей с резким осуждением подобной практики. Так, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН Рашид Хантемиров в своей статье указал на высокую долю журналов низкого научного уровня в базе РИНЦ, которую он без обиняков сравнил с «огромной помойкой». Более того, по его словам, администрация РИНЦ поддерживает различные виды мошенничества с показателями цитируемости отдельных «ученых» и импакт-фактором низкосортных журналов своей пассивной позицией, чем дискредитирует не только использование наукометрических показателей, но и саму научную деятельность в России [Хантемиров, 2014]. Выходом из ситуации Р.М. Хантемиров считает замену РИНЦ другой информационно-аналитической системой, разработанной в 2012–2013 гг. — «Картой науки». Однако вряд ли стоит уповать на нее, так как этот проект оказался мертворожденным, в чем может легко убедиться каждый, зайдя на соответствующий сайт в интернете. Достаточно сказать, что «Карта науки» охватывает только статьи российских ученых лишь в интервале с 2007 по 2012 г., хотя многие из них имеют публикации вне этого временного отрезка.

Фиксируя за плату в своих базах и авторских профилях всё подряд, РИНЦ тем не менее зачастую не регистрирует некоторые вполне

сложившиеся научные издания, в частности выходящий с 2001 г. в городе на Неве журнал «История Петербурга», статьи в котором публикуются с полноценным справочным научным аппаратом, а в редколлегию входят преимущественно специалисты с докторскими степенями. С другой стороны, даже публикация статьи в журнале из списка ВАК не является гарантией попадания в РИНЦ. Так, лишь спустя несколько лет после выхода моей статьи в центральном историческом журнале «Вопросы истории» [Гринёв, 2009] она была включена в авторский профиль после настоятельного напоминания сотрудникам РИНЦ. Опять же, одну статью, опубликованную мной в журнале «Советская этнография» (№ 5) за 1986 г. РИНЦ учел, а другую в том же журнале и за тот же год — нет. Спрашивается, почему?

К сожалению, одной неполнотой библиографии дело не ограничивается. Бывают и обратные казусы. Поскольку в СПбПУ вместе со мной работал полный тезка Андрей Гринёв (отчества, правда, у нас разные), в РИНЦ по ошибке мне приписали 5 его статей по проблемам топливно-энергетических ресурсов. И только после неоднократных просьб РИНЦ убрал эти работы из авторского профиля. С подобным, очевидно, уже приходилось сталкиваться другим авторам, особенно имеющим наиболее распространенные фамилии, имена и отчества.

Порой в РИНЦ встречается вариант, описанный в известном ироничном стихотворении Владимира Маяковского о бюрократе, кото-

рый раздвоился, чтобы присутствовать сразу на двух заседаниях. Так и РИНЦ «размножил» некоторых ученых, дважды зарегистрировав их у себя в базах. Подобное произошло, например, с одним знакомым профессором на кафедре истории СПбПУ, который долгое время присутствовал в Российском индексе научного цитирования сразу в двух ипостасях, причем его авторские профили разительно отличались между собой. Сходное явление «раздвоения личности» уже было отмечено другими коллегами, писавшими, что наряду с дублированием РИНЦ не всегда указывает заслуженных ученых [Тихонов, 2013: 100].

Пара слов на эту тему. В 2014 г. помимо публикации различных библиографических и наукометрических сведений РИНЦ выдал «Топ-100 самых цитируемых российских ученых по данным РИНЦ: История. Исторические науки»². Это нечто. Достаточно сказать, что в перечне числились покойные советские академики Е.В. Тарле, Б.А. Рыбаков, Ю.В. Бромлей, Б.Д. Греков и другие видные деятели советской науки. Здесь невольно начинаешь подозревать РИНЦ в симпатии к советскому режиму, так как в списке почему-то отсутствуют еще более известные историки-академики, правда, Императорской АН — Н.М. Карамзин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский. Вместо них в список попали люди, вообще не имеющие никакого отношения к истории и истори-

² См. в интернете по адресу: URL: <http://dissertation-info.ru/index.php/-100-/155-2014-01-18-00-54-07.html> (дата обращения 09.09.2014).

ческим наукам, например А.В. Вебер, представляющий ОАО «Центр технологии судостроения и судоремонта» в Санкт-Петербурге (№ 77) или Я.В. Кузьмин из Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (№ 11). Последнего, однако, опередил на одну позицию, как вы думаете, кто? Наш президент В.В. Путин! Составители списка явно поскромничали, не поставив его на первое место среди российских историков. Правда, в 2015 г. список топ-100 был обновлен и некоторые ныне покойные деятели исторической науки были из него удалены, но добавились новые, например, известный археолог академик А.П. Окладников (всего фамилии покойных составляют минимум 20% от всего перечня). Кроме того, РИНЦ сохранил «добрую» традицию включать в список наиболее цитируемых представителей исторической науки ученых, стяжавших славу в совсем иных сферах научной мысли, например, Л.Я. Боркина (№ 44) из Зоологического института РАН. Сохранился в списке и В.В. Путин, демократично передвинутый составителями на 24-е место³.

И еще. При просмотре списка топ-100 бросается в глаза явный перекосяк в пользу археологов, востоковедов и этнографов, что, безусловно, связано со спецификой соответствующих дисциплин и особенностями цитирования в оных⁴. Неудивительно, что 1-е место и по числу цитирований (почти 12 000) и по *h*-индексу

(49) занимает директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая академик В.А. Тишков. В связи с этим РИНЦ следовало бы ради большей объективности разделить свой список по отраслевому принципу: отдельно историки, отдельно археологи, отдельно этнографы/этнологи. Однако есть то, что есть. Хотя РИНЦ всё же не мешало наладить более жесткий контроль за своими материалами и избегать совершенно очевидных «ляпов» хотя бы при составлении подобных перечней.

Это касается и ссылок на обычные научные публикации, которые зачастую оформлены в РИНЦ с явными нарушениями элементарных библиографических правил. Могу судить на основании собственной практики: из 71 работы, числящейся в моем авторском профиле на июль 2015 г., примерно в 40 случаях (т.е. более половины) указаны либо неполные, либо ошибочные данные. Чаще всего РИНЦ «забывает» дать целиком страницы произведений, ограничившись почему-то лишь первой цифрой, или выдает заведомо неверные данные о томе или номере публикации (например № 88–100). Бывают и более серьезные упущения: вместо названия на русском языке, как в оригинале, работа и фамилия автора даны латинскими буквами, как будто речь идет об иностранном издании. Три статьи для чего-то продублированы дважды (причем частью на латинице с разными страницами). И, наконец, по какой-то непонятной логике (или милости?) в мой авторский профиль под № 38 была включена статья Д. Эдгара «Великобритания

³ Там же (дата обращения: 06.07.2015).

⁴ Это обстоятельство уже было отмечено и объяснено В.В. Тихоновым [Тихонов, 2013: 100–101].

в современном мире», изданная в Санкт-Петербургском университете профсоюзов в 2006 г.⁵

Публикуя в авторском профиле заведомую чепуху, РИНЦ в то же время последовательно игнорирует присылаемые правильные и полные библиографические материалы, неизменно ссылаясь на то, что их регистрация осуществляется в основном через научные или учебные организации. Правда, за весьма приличную плату. Абонирование осуществляется на год, а стоимость зависит от количества авторов (сотрудников вуза): в случае с университетом, где я тружусь последние 8 лет, ежегодная плата составит около 600 тыс. руб. Поскольку администрация не торопится расстаться с указанной суммой, в моем авторском профиле до сих пор не зафиксировано более половины всех научных работ, остальные нередко даны с ошибками, а *h*-индекс занижен примерно вдвое. С ним одно время вообще происходили довольно странные вещи, когда РИНЦ произвольно уменьшал его, чего происходить в принципе не должно, поскольку *h*-индекс либо остается стабильным, либо растет по мере увеличения числа публикаций и их цитирования в научной литературе. Тем не менее в 2013–2014 гг. дважды по неизвестным причинам мой *h*-индекс в РИНЦ был сокращен на единицу. На недоуменный запрос, как же такое могло случиться, сотрудники РИНЦ отвечали, что *h*-индекс у них вычисляется автоматически. Однако вскоре после со-

ответствующих протестов *h*-индекс «автоматически» был возвращен к прежнему значению. К сожалению, нет никаких гарантий, что в будущем «автоматика» РИНЦ будет работать исправно.

Всё это было бы забавно, если бы «наукометрические» данные РИНЦ не использовались официальными государственными структурами и администрацией вузов для оценки научного вклада ученых или результатов НИР целых коллективов, при выделении грантов, при проведении экспертизы заявок на финансирование в рамках федеральных целевых программ и т.п. Как говорится, всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно. При этом воздействовать на РИНЦ достаточно сложно, поскольку это частная коммерческая организация.

Выводы напрашиваются сами собой. Теоретически РИНЦ мог бы стать очень полезным и важным инструментом отечественной наукометрии. У него много полезных функций и даже сейчас он может иногда помочь в поиске публикаций тех или иных авторов, указать на их аффилиацию и т.д. Однако пока не будут решены перечисленные выше проблемы, о его подлинной объективности вряд ли может идти речь, а потому к приводимой РИНЦ библиографической и наукометрической статистике надо относиться с большой долей скепсиса. Одной из мер, призванных улучшить ситуацию, могло бы стать возвращение государственного руководства и финансирования, увеличение штата сотрудников для более полного и внимательного учета всё возрас-

⁵ URL: http://elibrary.ru/author_items.asp (дата обращения 06.07.2015).

тающего объема библиографической информации и ужесточение контроля над предоставляемыми и публикуемыми материалами. Пока же приходится констатировать, что для превращения в полноценную наукометрическую базу РИНЦ предстоит проделать еще достаточно долгий путь.

Не является панацеей и упование на зарубежные библиометрические базы, о чём уже говорилось выше. Насколько различны наукометрические показатели российских ученых, зарегистрированных у нас в РИНЦ и в иностранных библиографических базах, наглядно демонстрирует пример академика В.А. Тишкова, который является несомненным лидером в плане цитирования среди отечественных представителей исторических дисциплин. Согласно данным РИНЦ, на лето 2015 г. его *h*-индекс в авторском профиле составляет внушительную цифру 49, в то время как в Scopus его *h*-индекс всего лишь 4 балла, т. е. на порядок меньше.

Подводя общий итог, следует сказать следующее. Наукометрия в нашей стране имеет большой и пока не реализованный потенциал, она нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании своего инструментария. Пока же ее данные и инструменты используются далеко не лучшим образом, очень часто приводя не к выявлению объективной информации, а к искажению истины, манипулированию и нарушению элементарной справедливости. В этой связи приходится с сожалением констатировать, что один из основных центров развития отече-

ственной библио- и наукометрии — РИНЦ, в его нынешнем состоянии в принципе неспособен выполнять возложенные на него общественные и научные функции и нуждается в кардинальном реформировании.

REFERENCES

Adler R., Ewing J., Taylor P. Statistiki tsitirovaniya // Igra v tsifir', ili Kak teper' ocenivajut trud uchenogo (sbornik statej o bibliometrike). М., 2011. S. 6–38.

Almind T.C., Ingwersen P. Informetric analyses on the World Wide Web: Methodological approaches to «Webometrics» // Journal of Documentation. 1997. Vol. 53. N 4. P. 404–426.

Avrus A.I. Ob eticheskikh normakh v nauchnykh publikatsiyakh i dissertatsiyakh // Klio. 2015. № 1. S. 196–200.

Bednyi B.I., Sorokin Ju. M. O pokazatelyakh nauchnogo tsitirovaniya i ikh primeneniui // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 3. S. 17–28.

Bornmann L., Mutz R., Daniel H.-D. The *h* index research output measurement: Two approaches to enhance its accuracy // Journal of Informetrics. 2010. No. 4. P. 407–414.

Efimova G.Z. Analiz effektivnosti nauko-metricheskikh pokazatelei pri otsenke nauchnoi deyatel'nosti // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 8. S. 101–108.

Egghe L. Theory and practise of the *g*-index // Scientometrics. 2006. Vol. 69. N 1. P. 131–152.

Grinëv A.V. Geopoliticheskie interesy Rossii v Amerike i na Tikhookeanskom severe. XVIII — pervaya polovina XIX v. // Voprosy istorii. 2009. № 3. S. 48–65.

Grinëv A.V. Problemy tsitirovaniya v otechestvennoi istoriografii (na primere nauchnykh rabot po istorii Russkoi Ameriki) // Klio. 2014. № 10. S. 136–141.

Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102. No. 46. P. 16569–16572.

Kalenov N.E., Seljuckaja O.V. Nekotorye otsenki kachestva Rossiiskogo indeksa nauchnogo tsitirovaniya na primere zhurnala «Informatsionnye resursy Rossii» // Informatsionnye resursy Rossii. 2010. № 6. S. 2–13.

Khantemirov R.M. RINC: ot primitivnogo moshennichestva do rastleniya maloletnikh // Troickii variant. 2014. № 163 ot 23 sentyabrya. S. 6.

Kirillova O.V. Redaktsionnaya podgotovka nauchnykh zhurnalov po mezhdunarodnym standartam. Rekomendatsii eksperta BD Scopus. Ch. 1. M., 2013.

Kotlyarov I.D. Upravlenie produktivnost'yu nauchnoi raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2009. № 5. S. 41–48.

Kuznetsov A.V. Dlya nachala nado navesti poryadok v sushchestvuyushhei sisteme RINC // Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk. 2014. T. 84. № 3. S. 268–369.

Lawrence P.A. Poteryannoe pri publikatsii: kak izmerenie vredit nauke // Igra v tsifir', ili Kak teper' otsenivayut trud uchenogo (sbornik statei o bibliometrike). M., 2011. S. 39–45.

Mezhdunarodnaya baza dannykh SciVerse Scopus: osnovnye vozmozhnosti dlya nauchnogo poiska i kontaktov: Metod. rekomendatsii / Sost.: P.S. Volegov, M.A. Tashkinov, O.D. Tsvetova. Perm', 2012.

Motroshilova N.V. Nedobrokachestvennye segmenty naukometrii // Rossiiskoi Akademii nauk. 2011. T. 81. № 2. S. 138–144.

Motroshilova N.V. Sistema RINC primenitel'no k filosofskim naukam // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 3. S. 3–16.

Nalimov V.V., Mu'chenko Z.V. Naukometriya. Izuchenie razvitiya nauki kak informatsionnogo protsessa. M.: Nauka, 1969.

Polyanin A.D. Nedostatki indeksov tsitiruемости i Hirsha. Indeksy maksimal'noi tsitiruемости // Matematicheskoe modelirovanie i chislitel'nye metody. 2014. № 1. S. 131–144.

Thelwall M. A history of Webometrics // Bulletin of the American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 38. No. 6. P. 18–23.

Tikhonov V.V. Rossiiskaya istoricheskaya nauka i indeksy nauchnogo tsitirovaniya // Novyi istoricheskii vestnik. 2013. № 2. S. 89–106.

Usachev A.S. Rossiiskie istoriki i zarubezhnye zhurnaly: nekotorye razmyshleniya specialista po istorii Rossii // Novyi istoricheskii vestnik. 2013. № 1. S. 69–73.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аврѹс А.И. Об этнических нормах в научных публикациях и диссертациях // Клио. 2015. № 1. С. 196–200.

Адлер Р., Эвинг Дж., Тейлор П. Статистики цитирования // Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М., 2011. С. 6–38.

Бедный Б.И., Сорокин Ю.М. О показателях научного цитирования и их применении // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 17–28.

Гринёв А.В. Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере. XVIII – первая половина XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 48–65.

Гринёв А.В. Проблемы цитирования в отечественной историографии (на примере научных работ по истории Русской Америки) // Клио. 2014. № 10. С. 136–141.

Ефимова Г.З. Анализ эффективности наукометрических показателей при оценке научной деятельности // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 101–108.

Каленов Н.Е., Селюцкая О.В. Некоторые оценки качества Российского индекса научного цитирования на примере журнала «Информационные ресурсы России» // Информационные ресурсы России. 2010. № 6. С. 2–13.

Кириллова О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus. Ч. 1. М., 2013.

Котляров И.Д. Управление продуктивностью научной работы профессорско-преподавательского состава // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 5. С. 41–48.

Кузнецов А.В. Для начала надо навести порядок в существующей системе РИНЦ // Вестник Российской Академии наук. 2014. Т. 84. № 3. С. 268–369.

Лоуренс П.А. Потерянное при публикации: как измерение вредит науке // Игра в цифирь, или Как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике). М., 2011. С. 39–45.

Международная база данных SciVerse Scopus: основные возможности для научного поиска и контактов: Метод. рекомендации / Сост.: П.С. Волегов, М.А. Ташкинов, О.Д. Цветова. Пермь, 2012.

Мотрошилова Н.В. Недоброкачественные сегменты наукометрии // Вестник Российской Академии наук. 2011. Т. 81. № 2. С. 138–144.

Мотрошилова Н.В. Система РИНЦ применительно к философским наукам // Высшее образование в России. 2012. № 3. С. 3–16.

Налимов В.В., Мульченко З.В. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969.

Полянин А.Д. Недостатки индексов цитируемости и Хирша. Индексы максимальной цитируемости // Математическое моделирование и числительные методы. 2014. № 1. С. 131–144.

Тихонов В.В. Российская историческая наука и индексы научного цитирования // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 89–106.

Усачев А.С. Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России // Новый исторический вестник. 2013. № 1. С. 69–83.

Хантемиров Р.М. РИНЦ: от примитивного мошенничества до растления малолетних // Троицкий вариант. 2014. № 163 от 23 сентября. С. 6.

Almind T.C., Ingwersen P. Informetric analyses on the World Wide Web: Methodological approaches to «Webometrics» // Journal of Documentation. 1997. Vol. 53. N 4. P. 404–426.

Bornmann L., Mutz R., Daniel H.-D. The h index research output measurement: Two approaches to enhance its accuracy // Journal of Informetrics. 2010. No. 4. P. 407–414.

Egghe L. Theory and practise of the g-index // Scientometrics. 2006. Vol. 69. N 1. P. 131–152.

Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2005. Vol. 102. N 46. P. 16569–16572.

Thevall M. A history of Webometrics // Bulletin of the American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 38. No. 6. P. 18–23.

С.А. Панарин

ЭДВАРД САИД: КНИГА СОФИЗМОВ

Вклад Саида и сам его творческий гений во многом заключается <...> в том, что он полемику поставил выше исследования, этого неременного основания гуманитарного знания. Входя в академическое сообщество, он по необходимости придерживался пока еще действующих в нем правил игры, в соответствии с которыми должно дистанцироваться от явной неправды, раз уж она явлена. Но он не только никогда не связывал себя обязательством строго придерживаться лишь тех фактов, которые можно проверить, – весь его проект прямо противен этому¹.

В статье, наверное, уже в тысячный раз, речь пойдет об «Ориентализме» Эдварда Вади Саида, в 1978–1980 гг. опубликованном сразу несколькими издательствами. По одному из этих первых изданий я и изучал главный труд Саида [Said, 1980]. Переиздания «Ориентализма» и другие произведения Саида не добавляют ничего существенного к содержанию и накалу полемики вокруг его главной книги, и я их касаться не буду.

Как правило, разбор книги того или иного ученого начинается с изложе-

¹ Эпиграф взят из поста одного из анонимных участников онлайн-дискуссии по поводу статьи Дж. Муравчика. См.: [Muravchik, 2013].

ния его взглядов на исследуемую им проблему с выделением его вклада в избранное исследовательское поле. Затем творчество разбираемого автора соотносится с творчеством предшественников и современников. В зачине моей статьи нет ни того, ни другого. Первого нет потому, что содержание «Ориентализма» излагалось уже столько раз, что делать это снова – всё равно что пересказывать образованному человеку Нагорную проповедь. К тому же даже тот, кто не слышал об «Ориентализме», составит представление об основных тезисах автора, прочитав мой разбор введения к этой книге. На ее историографическом контексте я не останавливаюсь из-

за его скудости. О ней свидетельствует любопытный факт: всего за одним — или единственным мне известным — исключением², никто из писавших об «Ориентализме» без восторга не соотнес эту книгу с какой-либо иной научной традицией или школой, кроме философии Мишеля Фуко.

С апологии — вот с чего начну я статью. Никогда я не писал целиком полемических статей; мне куда интереснее и, честно добавлю, комфортнее предложить собственный взгляд на проблему, чем нападать на чужой. Но это означает, что к анализу текста, перешедшего уже в разряд сакральных, я намерен приступить, будучи неискушенным в необходимых для этого приемах и техниках. Тем не менее и сознавая свою уязвимость, я рискну вторгнуться в неосвоенную область. Причин тому несколько; я остановлюсь на двух главных.

I

Одна причина, побудившая меня к написанию статьи, заключается в той силе негодования, которую у меня вызывал «Ориентализм» в процессе чтения. При встрече с новым человеком, новой страной, новой идеей и т. д. я в первую

² Это единственное исключение — схема генезиса основных идей «Ориентализма», предложенная Верой Тольц: школа барона Розена → Сергей Ольденбург → статья «Востоковедение» во втором издании «Большой советской энциклопедии» → Анвар Абдель Малек → Эвард Саид [Tolz, 2008]. Я бы добавил сюда и Самира Амина, хотя его замечания в адрес «Ориентализма» говорят о том, что его самого это не порадовало бы [Amin, 1989: 101–103].

очередь замечаю хорошую сторону. Собственно, таким стихийным альтруизмом, подчас избыточным, видимо, и объясняется нежелание самому сочинять полемические тексты. Но по прочтении первых страниц «Ориентализма» эта предрасположенность к позитивному восприятию испарилась без остатка. Более того, приходилось обуздывать быстро образовавшийся и всё сильнее бушевавший негативизм. Знаменательно и то, что отторжение «Ориентализма» возникло у меня почти спонтанно. «Почти» в данном случае означает, что я знал о грубом ответе Саида человеку, которого я глубоко уважал, — Эрнесту Геллнеру [Хазанов, 1998: 228]. Наверное, этот факт предрасполагал к негативному восприятию автора — но все-таки не книги; книга вообще могла заслонить неприятные личные качества.

Первоначальным мотивом, подвигнувшим меня в 2010 г. засесть наконец за «Ориентализм», было элементарное желание ликвидировать пробел в образовании. Но чем больше я удалялся от первой страницы, тем сильнее становился иной мотив: стремление оспорить читаемый текст — и сделать это исходя из самого текста. Поэтому я читал очень внимательно, читал добрых полтора месяца, не пропуская ни слова, ничего из тех и вправду восхитительных словесных фиоритур, арабесок и пинаклей, на которые так щедр был их автор. И, читая, постоянно переводил большие куски текста, казавшиеся мне ключевыми, тут же записывая свои комментарии к ним. В итоге набралось более ста страниц своеобразного

диалога; и меньшая их часть — в сокращенном и заново структурированном виде — составит основное содержание этой статьи. Они несут отпечаток впечатления субъективного, но в то же время непосредственного, незамутненного чтения текстов, как критических по отношению к «Ориентализму», так и таких, какие я назвал бы правоверными писаниями послушников саидовского ордена.

С похвалами «Ориентализму» я сталкивался на протяжении 32 лет не раз и долго принимал их на веру. Они вызвали симпатию к непрочитанной тогда книге: в ней говорилось о том же, о чем одно время хотелось говорить и мне. В конце концов, я сам опубликовал в 1993 г. статью об изъянах восприятия русскими восточных народов [Панарин, 1993]. (Правда, я старался показать в ней, что эти изъяны не были чем-то вечносущим, каким у Саида предстает западное восприятие Востока, изменялись со сменой эпох и далеко не всегда были принижаящими Восток.) А вот критику «Ориентализма» я прочитал только сейчас, готовя статью. Она поставила меня в трудное положение: многое из того, что хотелось сказать, уже сказано, нередко блестяще³. Всё же я надеюсь, что в моих комментариях читатель найдет нечто новое или, как минимум, новые оттенки уже прозвучавшего.

³ В особенности критика Бернарда Льюиса [Lewis, 1982], Ибн Варрака [Ibn Warraq, 2007] и Кита Уайндшаттла [Windschuttle, 1999]. См. также весьма содержательный анализ западных, восточных и российских текстов за и против Саида, сделанный Вероникой Цибенко [Цибенко, 2014].

Что касается сочинений откровенно «саидистских», то некоторые из них, собственно говоря, и послужили второй главной причиной, побудившей меня взяться за очередной антисаидовский опус. Я имею в виду сочинения, написанные на русском языке либо переведенные на него. Они появляются всё чаще, касаясь иногда предметов, сильно удаленных от предметного поля «Ориентализма»⁴. По моему мнению, это доказывает, что вслед за искусствами «дискурса власти» и «конструирования Другого» научное и особенно квазинаучное сознание в России начинает всё больше соблазняться искусством ориентализма и его деривата, постколониальной исследовательской парадигмы. Соблазняют малых сих — искушению легче поддаются души, незащищенные горьким опытом. Саид с его «Ориентализмом» долго был в России неинтересен, а потому и малоизвестен. Но сейчас положение меняется, и причина того и другого была четко сформулирована Сергеем Серебряным [Serebryanu, 2012: 29]: «Главная причина, на мой взгляд, заключается в том, что в сегодняшней России большинство ученых инстинктивно отвергают всё, что отдает марксизмом, да и вообще любым “измом” <...> лишь сравнительно молодых людей, не получивших иммунитета или, скажем так, аллергии ко всем разновидностям марксизма, могут заинтересовать постколониальные исследования и в особенности книги Саида».

⁴ Яркий пример — статья об отношении к мигрантам в странах ЕЭС [Барберо, 2014], где ориентализм буквально притянут за уши.

Серебряный заключает, что эти лишённые иммунитета молодые люди «редки и разобщены». Наверное, так и было, еще даже в 2006 г., когда появился перевод «Ориентализма», стилистически настолько неуклюжий, что не привлекал к книге, а отталкивал от нее⁵. Тогда в России «Ориентализм» прочитали преимущественно русские националисты вроде К.А. Крылова, автора послесловия к переводу. Однако в 2010 г., когда были написаны процитированные выше слова Серебряного, они уже расходились с действительностью. Уже тогда «молодые» русскоязычные поклонники Саида, уверовавшие в его идеи и овладевшие «убийственно постколониальной» парадигмой⁶, не были ни редки, ни разобщены, и в среде тех, чье вхождение в российское академическое сообщество пришлось на 2000-е гг., Саид сделался такой же «священной короной», как и в американских университетах.

Отдали дань «Ориентализму» и некоторые из тех российских востоковедов, кого никак нельзя причислить к разряду новичков; напротив, это высокообразованные опытные исследователи, заслуженно пользующиеся известностью в международном научном сообществе. Некоторые из них к тому же были, казалось, вообще застрахованы от попадания под чары Саида как раз тем, чем тот не обладал, — богатым опытом полевых исследований

в различных регионах Востока. Возможно, нечто в «Ориентализме» оказалось для них созвучным настроению момента; возможно, сейчас их отношение к Саиду становится более сложным и прохладным. Но, какими бы обстоятельствами ни объяснялось их первоначальное увлечение и как бы ни было глубоко последующее, мною чаемое, разочарование, в промежутке между первым и вторым они немало содействовали популяризации «Ориентализма» в России. Кто-то откликнулся на смерть Саида полным патетических преувеличений эссе [Малахов, 2003]; кто-то концептуализацией по Саиду предварял собственную статью, словно бы защищая его текст, совершенно в том не нуждающийся [Абашин, 2012]; кто-то готовил учебное пособие для вузов, выдержанное в духе саидовских интерпретаций отношения Запада к Востоку [Северный Кавказ... 2007].

Период невинности от незнания в России закончился. Доказательство тому — курсы по ориентализму в российских вузах. Книга Саида фигурирует в качестве **единственного** основного материала для чтения по дисциплине «Оксидентализм и ориентализм: история и перспективы развития», предлагаемой аспирантам исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова [ЯрГУ, 2015]. Включена она и в круг основного чтения слушателей курса «Orientalism in Fine Art» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» [НИУ ВШЭ, 2015]. Еще пример: один из разделов основной маги-

⁵ См. великолепную и оправданно разгромную рецензию на этот перевод Владимира Бобровникова [Бобровников, 2008].

⁶ Метафора заимствована из романа Джеймса Хайнса «Рассказ лектора». См. [Хайнс, 2004: 31].

стерской программы по всеобщей истории в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена озаглавлен «Ориентализм и его история» [РГПУ, 2015]. Цель его — «приобщение к современной методологии компаративного изучения исторического развития Запада и Востока на основе современной исследовательской категории “ориентализм”». Хотите, господа магистранты, стать аж дважды современными — овладевайте познавательными возможностями, будто бы появившимися у названия научной дисциплины после того, как оно было обесславлено Саидом.

Скорее всего, авторы этих программ руководствуются простым соображением: Саид — признанный классик «у них», всё больше на слуху «у нас», почему бы и не последовать наконец-то добравшейся до России интеллектуальной моде? Но в сегодняшней России, пребывающей в состоянии конфронтации с главным источником мирового зла, США, и с покорной им, бездуховной, однако всё равно ужасно заразной «Гейропой», антизападный пафос «Ориентализма» вполне может быть востребован и в политическом смысле. И теперь — уже без всяких намеков, к которым прибегал автор послесловия к русскому переводу «Ориентализма»⁷, а с точным указанием, в пользу кого и против кого должна быть мобилизована возве-

⁷ «Есть народы, исключенные из сферы какой бы то ни было “политкорректности”, даже самой минимальной, которую сумели завоевать себе палестинцы. Есть те, кому не только не позволено говорить о себе, но о которых молчат другие. К северу от Иерусалима, к Востоку от Польши» [Крылов, 2006: 635].

денная в ранг концепции дисторсия *a la Said*.

Критики «Ориентализма» занимались и секретом его популярности⁸. Если суммировать их выводы, получается, что зиждется она, во-первых, на постмодернистском релятивизме. Во-вторых, на левизне значительной части американского университетского сообщества. В-третьих, на комплексе «жертвы» в бывших колониях — ведь «ориентализм удобен: что отдельному человеку, что сообществу он дает возможность представлять себя жертвой злонамеренных внешних сил» [Aretov, 2012: 72] — и таким образом снимать с себя ответственность за собственное обустройство в мире. В-четвертых, на «тирании покаяния», ставшего в бывших метрополиях прямо-таки нормой восприятия истории взаимоотношений Запада с остальным миром [Bruckner, 2006]. Сюда же можно причислить язык Саида, обильно уснащенный метафорами и эмоционально напряженный, уж точно не оставляющий читателя равнодушным.

Всё же самое сильное оружие Саида — это его мастерство в искусстве софистики, понимаемой в данном случае как применение для доказательства тезиса отступлений от принципа достаточного основания. «Ориентализм» держится именно на такой прикладной софистике, хотя, когда это выгодно Саиду, он, будучи в одних случаях ригористом эссенциализма, в дру-

⁸ См. напр. [Kramer, 2001: 27–43; Muravchik, 2013; Windschuttle, 1999].

гих берет на вооружение доводы наследников Протагора: ссылается на относительность понятий, познания и восприятия. Можно сказать и так: софистика как античный предшественник современных широко распространившихся релятивистских интерпретаций просвечивает сквозь словесную вязь, покрывающую страницы «Ориентализма», лишь время от времени; софистика же, понимаемая как совокупность софизмов – постоянно используемый Саидом метод, помогающий ему прийти к тем выводам, к каким ему хочется прийти и подвести к ним читателя. Именно об этой, второй, софистике и пойдет в основном речь в моей статье.

«Ориентализм» состоит из введения и трех частей. Софизмы встречаются в каждой из структурных составляющих «Ориентализма» настолько часто, что, ограничься я только одной из них, всё равно пришлось бы писать многостраничный трактат о том, как автор, постоянно упрекающий Запад в систематическом производстве фикций о Востоке, сам не менее систематически производит фикции о Западе, востоковедении и востоковедах. Поэтому я вынужден сосредоточиться лишь на нескольких примерах того, как Саид пользуется искусством софистики. Но их я разбираю подробно, с цитированием оригинала и указанием в скобках цитируемых страниц.

В первую очередь я подробно рассматриваю Введение, поскольку в нём Саид раскрывает смыслы, приписываемые им ключевому понятию «ориентализм» и проводит

границы своего исследования феномена, означаемого этим понятием. В остальных разделах статьи читатель не найдет разбора каждой из трех частей книги целиком. Дело в том, что ориентализм в том виде, в каком он *репрезентируется* (да будет мне дозволено воспользоваться любимым *mot* Саида) в книге, предельно персонифицирован. В поле критики ее автора лорд Бальфур и генерал Бонапарт соседствуют с Карлом Марксом и строителем Суэцкого канала Лессепсом. А длинному ряду кабинетных по преимуществу ученых (Бартелеми д'Эрбло, Сильвестр де Саси, Эрнест Ренан, Гамильтон Джибб, Луи Массиньон, Бернард Льюис и т. д.) соположен ряд тех, для кого пребывание на Востоке стало частью яркого экзистенциального опыта (Жерар де Нерваль и Гюстав Флобер, Эдвард Лейн и Ричард Бёртон, Лоуренс Аравийский и Гертруда Белл и т. д.). Опять-таки, в рамках статьи невозможно детально проследить, как Саид обходится с ними всеми. Поэтому я оставляю в стороне всё сказанное им по поводу повинных в ориентализме политиков и писателей; что касается ученых, выбранных Саидом для доказательства тезиса о пристрастности и дефектности западного востоковедения, я анализирую репрезентацию им лишь трех, – но в его системе доказательств чрезвычайно значимых, – персонажей: француза Эрнеста Ренана (1823–1892), англичанина Эдварда Лэйна (1901–1976) и американца Бернарда Льюиса (1916).

В критике «Ориентализма» я исхожу из *личного* (а как бы я смог покинуть самого себя?) убеждения, что

всякий довод должен доказываться корректно — не посредством софизмов, а по правилам формальной логики, в соответствии с которыми вывод, полученный некорректным образом, признается ничтожным независимо от того, нравится он нам или нет. Это значит, что я сосредоточусь не на содержании инвектив Саида в адрес ориентализма, а на том, как эти инвективы им обосновываются.

И последнее предварительное замечание. Все цитаты из иноязычных работ приводятся в статье в моем переводе, в том числе и в первую очередь — цитаты из «Ориентализма». Я отнюдь не считаю, что в моих переводах Саида нет погрешностей, но убежден, что они более точно передают и мысль, и в особенности стиль автора «Ориентализма», чем русский перевод 2006 г.

II

Ответы на вопрос, что такое ориентализм, есть в разных местах книги Саида, но в основном они собраны во введении (р. 1–12). В результате их обобщения у меня получилось, что ориентализм:

— это научное умозрение и в то же время дискурс власти, формирующийся в поле культуры в ходе ее взаимодействия с властью;

— дихотомическое мировидение, заранее предполагающее неравенство членов бинарной оппозиции «Запад–Восток»; оно легитимирует культурную гегемонию Запада

и способствует его политическому доминированию;

— обусловленная культурой система координат для восприятия Другого; однако в основе ее лежит политическое событие, факт или опыт, не относящийся к области культуры;

— цензор представлений о Востоке в западной культуре и ретранслятор их «подцензурной» версии;

— питаемая интересами совокупность устремлений понять Другого, дабы манипулировать им.

Определять предмет всегда трудно. Даже тот, кто просто солидаризируется с имеющимся определением, понимает, что выбор надо обосновать. Куда сложнее положение того, кто, подобно Саиду, сам создает предмет. Саид формулирует суть феномена *до* конвенциональных процедур познания, при этом определение ориентализма преподносится им не как гипотеза, что сняло бы противоречие, а в виде серии суждений о разных сторонах предмета. Но все они нанизаны на ось одной аксиомы: ориентализм есть не что иное, как «западный стиль доминирования на Востоке, структурирования заново Востока и властвования над ним»; все производны от нее и потому, усиливая ее видимую убедительность, не делают определения доказанным. *Idem per idem* — **невяжное отождествление гипотезы с аксиомой, суждения — с аргументом** и есть первое софистическое оружие Саида.

Саид исключает возможность получения знания, не «зараженного»

культурно и исторически обусловленным восприятием познающего (р. 11–12). По видимости, он отбрасывает саму идею, что «только черный может писать о черных, мусульманин — о мусульманах и т. д.» (р. 322). Но это — всего лишь декларация. Ибо из тезиса о непеременимой «зараженности» Своим знания о Другом следует именно то, что только черный может писать о черных. Да, всякое знание, рождаясь в поле одной культуры, содержит компонент ценностной оценки, даже идеологии, препятствующий полноте познания другой культуры. Но непонятно, почему культурная принадлежность обязательно возобладает над индивидуальным выбором? Уже до того, как был написан «Ориентализм», «время сделалось фактором, независимым от инертных неизменных величин, которыми измеряются пространства суши и морей», и заняло таким образом место «активного партнера в супружестве пространства и времени» [Bauman, 2000: 111]. Новые информационно-коммуникационные технологии, умножение и ускорение средств передвижения по поверхности планеты и осознание людьми по всему миру возможностей, созданных этими изменениями, привели к тому, что время еще больше убыстрилось и уплотнилось. Реальная и виртуальная встреча-столкновение различных культурно-исторических обусловленностей происходит всё чаще, что ведет к их большому взаимопониманию. Но старт этому ускорению дан давно! Достаточно сравнить 1800 г. с 1950, чтобы осознать, насколько за полтора века участились межкультурные контакты и,

соответственно, насколько должна была возрасти их познавательная сила, чтобы усомниться в сущностной неизменности ориентализма. Впрочем, и полутора веков не требовалось, чтобы рассеять некоторые предвзятые представления европейцев о не-европейцах. Показательно в этом отношении, как изменилось описание африканцев Жюлем Верном всего за 15 лет, разделяющих два его романа: «Пять недель на воздушном шаре» (1863) и «Пятнадцатилетний капитан» (1878)⁹. В первом они предстают кровожадными дикарями и ничем более¹⁰. Потом он прочитывает Ливингстона — и во втором романе плохи уже не негры, а их князьки и белые работорговцы.

Накопление знания может кардинально изменить восприятие Другого, и для этого вовсе не надо проходить инструктаж у Саида. Достаточно, чтобы отложившийся в знании опыт общения обрел критическую массу, способную разрушить и неблагоприятные первые впечатления, и произросшие на их почве стереотипы. Как просто-душно, но мудро заметил в 1701 г. русский путешественник в Египет Иван Лукьянов [Египет... 2013: 172]: «Такой был ужас от арабов, что мы боялись со двора сойти. Страшные, ходят нагие; девки лет двенадцати-пятнадцати ходят нагие. А когда уже

⁹ Даты даны по библиографии сочинений Ж. Верна, приведенной в биографической книге о нём [Андреев, 1956: 307].

¹⁰ Особенно впечатляет сцена битвы двух африканских племен: женщины дерутся из-за отрубленных вражеских голов, а воины прямо по ходу боя пожирают мясо поверженных противников [Verne, 1863: 120].

присмотрелись, то и с ними уже нормально стало». Именно присмотрелись... В конце концов, и то, в чём Саид обличает ориентализм, — присвоение Востока западными методами описания, понятиями и идиомами, аналогиями с историей Запада — было таким «присматриванием». Без него Восток так и оставался бы чужим и чуждым. Можно даже предположить, что если бы он сразу понимался правильно и правильными средствами, отказ ему в праве на самость и на человеческое отношение длился бы *дальше*.

Ограничивая свое исследование в пространстве и времени, Саид полностью сосредоточился на арабских странах Ближнего Востока. Основной по населению массив Востока остался за бортом «Ориентализма», а Запад сужен до Англии, Франции и США. В качестве же исходной точки для последовательного движения во времени Саид выбрал египетскую экспедицию Наполеона.

Чем обернулись эти ограничения? Как верно было замечено, «большинство критиков сходятся в одном пункте: Саид подобрал только те факты, которые годились для доказательства существования “дискурсивной формации”, названной им ориентализмом» [Kramer, 2001: 29]. Добавлю свое подтверждение тому, кажется, еще не звучавшее. Парфяне и Сасаниды громили римские легионы; арабы завоевали Испанию и Сицилию; Османская империя до 1683 г. владела почти десятой частью Европы¹¹ — Запад

при взаимодействии с Востоком и домусульманским, и мусульманским не раз оказывался стороной слабейшей и культурно влияемой¹², и резонно предположить, что «обиды», нанесенные Востоком, и его былое превосходство повлияли на восприятие «обидчика» Западом. Но чтобы это выявить, надо было отодвинуть нижнюю границу *систематического* анализа хотя бы до падения Константинополя.

Не менее важно было посмотреть, сформировалась ли аналогичная обусловленность восприятия Запада Востоком в период и сквозь призму превосходства Востока? И, если да, что с ней произошло при изменении соотношения сил в пользу Запада, при встрече с ориентализмом? В этом смысле описание египтянином Рифа а Рафи ат-Тахтави его пребывания во Франции в 1830-х гг. оставляет двойственное впечатление. Он в восторге от западной науки и находит нечто позитивное даже в свободном поведении французенок. Но он же демонстрирует спокойную уверенность в превосходстве мироорганизующей силы ислама и шариата [Тахтави, 2009]. Еще более двойственный взгляд зафиксирован для Османской империи эпохи Танзимата: признавалось военно-техническое могущество Европы, но одновременно утверждалось *сущностное* превосходство Востока над Западом [Basbug, 2012:

¹¹ Подсчитано по [Атлас, 2006: 9–15].

¹² Что касается арабского влияния на Запад, здесь я ограничусь отсылкой к классике [Watt, 1972]. Недавно появилась работа, автор которой доказывает, что реформы XV–XVI вв. в Московском царстве, даже мода и некоторые нормы поведения следовали авторитетному тогда османскому образцу [Нефёдов, 2010: 216–226].

206]: «По мнению одного из интеллектуалов того времени, Шинаси, цель Танзимата заключалась в том, чтобы “повенчать зрелый ум Востока с девственными идеями Запада”. В этой брачной метафоре... доминирует Восток. Также и Намук Кемаль, другой интеллектуал той эпохи, определяет ее суть как супружеский союз между выношенными идеями Востока и девичьими мечтаниями Запада. <...> пусть даже модернизация по самой сути своей предполагала подражание Западу, деятелям эпохи Танзимата Запад виделся пассивной половиной в браке с мужским доминированием». При чем делалось это с помощью метафоры, которая, используя ее европейцы, послужила бы для Саида бесспорным доказательством наличия в глубине ориентализма «ассоциирования Востока с сексом» (р. 188), предписывания Востоку женственной сущности и его сексуальной эксплуатации Западом.

Саид не случайно обошел стороной и примеры восточного вестернализма, и то, что можно было бы посчитать созданными самим Востоком историческими предпосылками недоброжелательного отношения к нему Запада. Включи он те и другие в свой анализ, это противоречило бы его стратегии доказательств; а она строится на **предвосхищении основания для выводов и потому позволяет выдавать *conclusio a priori* за *consequentia a posteriori***. Свои исследовательские предпочтения Саид формулирует с помощью еще одной аксиомы (р. 21–22, здесь и далее все выделения Саида. — С.П.): «...В письменных языках невозможно непосредственное присутствие

предмета речи; в них есть только его изображенное присутствие, *репрезентация*. Соответственно ценность, действенность, сила, очевидная достоверность письменного суждения о Востоке лишь в малой степени опираются... на Восток как таковой. Напротив, письменное суждение дает читателю ощущение присутствия предмета речи именно в силу того, что им, этим суждением, исключается, устраняется, делается излишней любая такая *реальная вещь*, как “Восток”. Ориентализм предшествует Востоку и далек от Востока; если он и имеет вообще какой-то смысл, смысл этот зависит более от Запада, чем от Востока, почерпнут ориентализмом напрямую из западных техник репрезентации, делающих Восток видимым и ясным, Востоком “здесь” — присутствующим в дискурсе о нём».

При такой неадекватности письменного языка на чём следует сосредоточиться при изучении ориентализма? «В первую очередь можно — на самом деле должно — анализировать власть» (р. 20). А вот ответ, как это делать (р. 20–21): «Ориентализм зиждется на внеположенности (*exteriority*), т. е. на том факте, что ориенталист, будь он поэтом или ученым, заставляет Восток говорить, описывает Восток, открывает его тайны Западу и ради Запада; сам же Восток заботит его лишь постольку, поскольку является первопричиной его речи. Чтобы он ни говорил и ни писал... сказанное и написанное предназначено показать, что и по своей жизни, и по своей морали ориенталист — за пределами Востока. Важнейшим продуктом такой внеположенности,

конечно же, является репрезентация как ознакомление, и уже в пьесе Эсхила “Персы” Восток из отдаленного и нередко угрожающего Другого преобразован в нечто относительно знакомое <...> В своем анализе ориенталистского текста я поэтому делаю акцент на примерах *репрезентирующего изображения* Востока, а не на его “естественных” изображениях. Примеры такого рода равно бросаются в глаза и в текстах, общепризнанно художественных, т. е. явно построенных на воображении, и в так называемых правдивых текстах – исторических и филологических исследованиях, политических трактатах. *Не* на корректность репрезентирующего изображения, *не* на верность его оригиналу, а на его стиль, фигуры речи и их обрамление, на приемы описания, исторические и социальные обстоятельства – вот на что надо обращать внимание».

Взяв за отправную точку своих рассуждений бесхитростный трюизм – язык не может представить пред светлые очи читателя никого и ничего **непосредственно** – Саид тут же приходит к куда более многозначающему заключению, будто письменное суждение дает читателю ощущение присутствия предмета речи именно потому, что им устраняется любая «реальная вещь». Изображения Востока ориентализмом – продукты письменного языка. Как таковые, они убеждают потому, что исключают их предмет, «реальную вещь» – Восток. Но Саид говорит тоже письменным языком. Отсюда возможны два следствия. Первое: в его книге подлинный предмет тоже исключен, ориен-

тализма нет – есть фикция. Саид, разумеется, такого вывода не делает – им он лишил бы смысла всю свою критику. Но почему тогда, рискуя быть обвиненным в непоследовательности, он так принижает письменный язык в его отношении к реальности? Потому что это позволяет ему сделать второе следствие – обесмыслить саму идею сверки представлений ориентализма о Востоке с оригиналом.

Именно этот его ход вызвал массу возражений. Выделю голос философа, изучающего ксенологические модели сознания [Лысенко, 2012: 38]: «Говорит ли Саид что-нибудь о самом Ориенте, т. е. Востоке? – ничего кроме того, что он *не такой*, каким его представляет западный дискурс власти. Никакая модель иной, незападной идентичности не предлагается. Вместо положительной контриденности – туманная гипотетическая незападность, самоутверждение сводится к чистому отрицанию, критике ради критики».

Можно предположить и другие объяснения, почему Саид не стал сличать копии с оригиналом. Но чем бы он ни руководствовался, категорически отказываясь сравнивать с Востоком репрезентацию Востока, результат отказа очевиден. На том месте, где могла дать свои свидетельские показания «реальная вещь» Восток, образовалась – из-за того, что свидетель этот так и не был вызван, – пустота, чудесным образом послужившая Саиду еще одним основанием репрезентации ориентализма в качестве изначаль-

но порочного, изначально виновного порождения Запада.

В действительности Саид синтезирует эту порочность и виновность вовсе не из работ классиков востоковедения и не из путевых заметок побывавших на Востоке писателей, а из постмодернистского завета Мишеля Фуко: знание + интерпретация = власть. В нынешней России, где видимость знания и просто *н*знание стали пропуском к принятию решений, от которых зависит судьба знающих, постулат этот может вызвать только горькую усмешку; но в Колумбийском университете положение знающего, наверное, и вправду сопряжено с властью. Тем не менее и в России Фуко стал сейчас непререкаемым авторитетом, каким он был в год выхода «Ориентализма» на Западе, когда уже начались, говоря словами Мишеля Уэльбека [Houellebecq: 72], «десятилетия бессмысленного превознесения (*des décennies de surestimation insensée*)» трудов великого столпа постмодернизма. Под его священной сенью Саид сотворил и свой труд, превративший его в не менее почитаемый столп. Дискурс власти для постмодернистов – такая же непререкаемая догма, как для марксистов – примат экономического базиса. Саиду же он позволил выстроить стройную конструкцию: где знание – там власть → где власть – там неравенство → где неравенство – там одни диктуют и подчиняют, другие подчиняются; знание о Востоке находится на Западе → значит, Запад диктует, Восток – подчиняется.

Получилась столь же впечатляющая, сколь и жесткая, нисколько

не релятивистская, а чисто детерминистская, словно из изданий советских философов позаимствованная, схема ориентализма. Это именно схема, поскольку реальная историческая жизнь всегда «репрезентирует» непредвзятому наблюдателю, в том числе и наблюдателю извне, альтернативные и смешанные варианты. Но даже в рамках схемы утверждение Саида, будто чем дальше ориентализм от реальности, тем он убедительнее, явно чрезмерное. Будь так на самом деле, разнообразные вложения (*investments*) Запада в Восток, специально выделяемые Саидом в качестве и компонентов ориентализма, и его причин, не были бы, как он признает, действительно «продуктивными» (р. 6). Значит, не было бы и ориентализма.

III

Ориентализм в его классической форме начинается для Саида с Сильвестра де Саси, которому он посвятил семь страниц. Вдвое больше места он отвел Эрнесту Ренану. Однако из текста Саида (р. 130) следует, что для классического востоковедения первый сделал больше, чем второй: создал европейскую по масштабам школу востоковедения, методики обучения восточным языкам, учебники и хрестоматии из им же переведенных отрывков восточных текстов, по которым учились востоковеды всей Европы. Ренан известен главным образом как автор «Жизни Христа» да знаменитого отождествления нации с постоянным плебисцитом, тогда как его исследования семитских языков забыты до такой степени,

что в некоторых авторитетных историях востоковедения его имя не упоминается (р. 140). Чем же тогда объясняется особая релевантность Ренана для Саида? Тем, что характерному для Саси способу познания Востока, который заключался в обучении и относительно пассивно относился к используемому восточному материалу, Ренан противопоставил идеал «филологической лаборатории», активно осуществляющей «созидание» или «творение» (creation).

По утверждению Саида, Ренан неоднократно заявлял, будто и семитские языки, и сами семиты были именно «творениями» востоковедного исследования, проведенного в филологической лаборатории. Правда, по поводу «неоднократно» есть некоторые сомнения: Саид дает только одну соответствующую ссылку (в сноске к р. 338), вводя ее известным приемом через словцо «например», а к нему прибегают и тогда, когда аналогичные высказывания есть в других местах, и тогда, когда их больше нет. Но будем считать, что в данном случае за «например» действительно кроется масса примеров. Тогда что имел в виду Ренан, когда говорил, что востоковеды *сотворили* семитские языки и семитов? Саид реконструирует три смысла creation у Ренана. Первый: соединение познающего субъекта с объектом, благодаря чему тот и становился объектом, обретал существование. Второй: «сотворить» означало выявить и описать среду существования объекта. Третий: творение равно классификации, в которую объект помещался с помощью сравнения и тем самым

обретал законченную сущность (р. 140). Ренан соединил научное наблюдение с семитскими языками → описал среду их формирования и бытования → сравнил их с языками индоевропейскими, тем самым встроив их в систему языковых семей → в итоге создал их как артефакт культуры. Следовательно, они и их носители – его творение.

После этого легко воздвигаются два сильных обвинения против Ренана, а в его лице – и против всех востоковедов XIX в. (р. 145–146). Прежде всего, они виновны в гипертрофированной вере в познавательную силу науки в целом и научного сравнения и классификации в частности. Вера в науку позволяла им подменять реальность продуктами «филологической лаборатории», а это вело к морально отрицательным последствиям: «Ренан... научное доказательство ставит выше опыта; временное и преходящее ссылает в область опыта обыденного, вообще бесполезного [для науки]; такие же специальные методы, как периодизация культур и их сравнение наделяются им значением, далеко превосходящим моральное представление, из чего и рождаются этноцентризм, расовая теория и экономическое угнетение».

Из первого обвинения следует второе – в конструировании реальности, посредством которого Другому отказано в самодостаточности и равенстве: «...В сравнении со зрелыми языками и культурами индоевропейской группы... семитическое представляет для Ренана феномен остановленного развития. Парадокс заключается в том, что,

даже побуждая нас смотреть на языки как на некое соответствие “живым существам природы”, Ренан в то же время доказывает, что “его” восточные языки — языки семитские — суть неорганические, оставившиеся в развитии, иссушенные, неспособные к возрождению. Иначе говоря, он доказывает, что они неживые, а потому и семиты — создания нежизненные. <...> Что ж, поддерживать представление, инкорпорирующее и скрепляющее воедино живые и почти живые творения, такие как индоевропейские языки и европейская культура, с параллельными им монструозными и неорганическими феноменами, такими как семитские языки и восточные культуры — это уж точно лабораторное свершение европейского ученого. Он *конструирует* — и самый акт конструирования есть знак его имперской силы, овладевающей непокорными феноменами, равно как и подтверждение доминирования его культуры и ее “натуральности”».

Периодизация действительно подразумевает движение от менее развитого к более развитому, а сравнение — соотнесение с неким стандартом, с неким «должным». Периодизация невозможна без сравнения, а сравнение зависит от периодизации, образующей шкалу времен, на которой фиксируется и легитимируется стандарт. Сравнение и периодизация действительно могут быть использованы для обоснования представления о том, что одни народы/расы, показавшие движение во времени от низшего состояния к высшему, сами являются высшими, тогда как другие, убе-

дительными свидетельствами такого движения не располагающие, могут быть ранжированы как низшие. Но утверждать на этом основании, что в появлении расизма повинен аналитический инструментарий науки, значит прибегать к еще одному оружию софистов. Это оружие — **императивно устанавливаемая мнимая логическая связь**. Оружие многофункциональное: умозаключение, к которому оно подводит публику: а) неверно, б) заслоняет собой действительно сложную проблему и в) будучи само упрощенным, эту проблему редуцирует.

Сама же проблема заключается в следующем. Представим некий набор культурных свершений: священный текст — Коран, художественный текст — роман Николая Чернышевского «Что делать?», музыкальный текст — «Кольцо Нибелунгов» Рихарда Вагнера, метод познания — сравнение или периодизацию, понятие — «расу», «религию» или «цивилизацию». Повинны ли они в тех коннотациях, которыми обрастают по мере их освоения учениками, толкователями и потребителями как элитарной, так и массовой культуры? И в том использовании их самих и их коннотаций, которое действительно противоположено морали и влечет за собой угнетение, насилие и страдание? Можно ли утверждать, что Пророк несет прямую ответственность за террористов, взрывающих женщин и детей, а Чернышевский — за то, что увлечение его романом подростка Владимира Ульянова со временем обернулось построением террористическими методами на скудной российской

почве еще более скудного социалистического фаланстера? Что между музыкальными фестивалями в Байрёйте и триумфами воли в Нюрнберге протягивается прямая каузальная связь? Можно пойти и дальше: не является ли первопричиной угнетения, насилия и страдания *любой анализ, любая рефлексия*? Ведь они раздробляют в сознании время и пространство целостного мира и потому могут быть квалифицированы как акты мыслительного насилия над бытийным опытом. С появлением делений появляется сравнение — и вот уже и простейший из простецов делает умозаключение не только типа «Сегодня погода лучше, чем вчера», но и «Пока я об этом не знал, я жил счастливо»¹³.

С одной стороны, писания, романы и оперы, сколь бы вневременными и внелокальными ни были их идеи и образы, созданы в определенное время и в определенном месте; периодизация и сравнение — эвристические методы и не более; понятия размечают мир и вместе с ним меняются. С другой стороны, creations — а значит, и те, кто сделал их изощренными и общепризнанными, — способствовали обоснованию расизма или других осуждаемых «измов». Перевешивает ли второе первое, должно ли отвергнуть, ска-

жем, какой-то метод из-за того, что им пользовались исторические персонажи, уличенные в расизме, следовательно, в этот метод не встроены внутренние предохранители на случай «нехорошего» его использования и он доступен как ангелу, так и демону?

Для меня как для заскорузлого позитивиста все эти риторические вопросы предполагают ответ «нет». Для Саида в одной из его ипостасей, постмодернистской — а есть еще и марксистская, и фрейдистская — ответ не менее однозначен: да. Стоит, однако, согласиться с тем, что нацизм — *непосредственное* следствие вагнеровских опер, Ленин — *непосредственная* инкарнация литературного героя Рахметова, а террорист-смертник — *прямой* потомок Пророка, и следующий шаг в той эвентуалистской логике, воцарению которой в западном сознании Саид очень помог, очевиден: *должно* забыть или разоблачить — а по сути очернить — все свершения культуры, посредством которых может передаваться представление о неравенстве. Не только понятия «раса» и «расовое различие», так же обесславленные Гобино и Гитлером, как Саид обесславил ориентализм, но вообще любые слова, указывающие на различие!

Это будет — да нет, это уже *есть* — не просто создание и инструктирование «реальной вещи» в ренановской лаборатории. Это уже «сотворение» с помощью постмодернистского новояза Прекрасного Нового Мира, в котором принуждение к политкорректности парадоксальным образом соседствует

¹³ Возможную разрушительную силу рефлексии хорошо передал Гайто Газданов [Газданов, 2012: 276]. Федорченко, один из его персонажей, совершенно непривычный к размышлениям на отвлеченные темы, ощущает, «что с той минуты, как у него возникли первые сомнения, перед ним появилась угроза его личной безопасности». Он буквально изнемогает от этой, как он сам говорит, «опухли в душе» и кончает жизнь самоубийством.

с представлением о всепроникающей (и всё извиняющей) относительности любых понятий, включая моральные. В этом волшебном мире стоит всем уверовать, что раса — это лишь ментальная «формация», придуманная для воспроизводства неравенства и не имеющая ничего общего с «реальной вещью», как все его обитатели, включая не только стопроцентного WASPa, с молодых ногтей инструктируемого должным образом, но и одичалого бритоголового, просто не увидят, встретив чернокожего, что кожа у того черная, — и с расизмом будет покончено раз и навсегда.

Утверждать, что исторические персонажи ответственны за то, что делалось от их имени и/или под предлогом следования их методу спустя десятилетия и даже столетия после их смерти — то же самое, что игнорировать временное и преходящее, чем, по утверждению Саида, часто грешил Ренан. Равным образом, это свидетельство приверженности безоглядному эссенциализму, в котором Саид обвиняет Ренана. Есть немало примеров тому, что формы, теории и методы, оставленные прошлым, содержат в свернутом виде потенциальное зло; в определенных обстоятельствах оно может развернуться, выплеснуться буйством насилия. Однако выход заключается не в том, чтобы вместе с коннотациями, возникшими после и помимо первоначального смысла, осудить сам смысл, отвергнуть сам метод на том основании, что он изначально чреват злом. А в том, чтобы, избегая соблазна всеохватных генерализаций, при обращении к любому методу, казалось

бы, испытанному, к наследию любого культурного героя, казалось бы, неоспоримому во всех его деталях, стараться понять — и делать это снова и снова — когда, почему и в каких условиях некогда доброе зерно прорастает ядовитым плевелом.

IV

Если бы Саид на деле ограничился *исследованием* стиля, фигур речи, приемов описания и т. п., представленных в западных текстах о Востоке, думаю, претензий к его книге было бы не больше, чем к любому добротному академическому труду. Но «Ориентализм» насквозь аксиоматичен и аксиологичен, автор его не столько исследует, сколько постоянно и агрессивно утверждает, оценивает и судит. Суд, однако, предполагает адвоката — пусть даже это адвокат такого дьявола, как ориентализм; адвокат же просто обязан задавать вопросы, неудобные для обвинения.

Обвинением сказано, что люди, внеположенные Востоку, не могут, наблюдая Восток, отрешиться от его предустановленного восприятия. Допустим, это верно, но тогда ответьте, пожалуйста, можно ли вообще составить хотя бы относительно адекватное представление о Другом? Если нельзя, то стоит ли обвинять ориентализм в том, что он искажает Восток «под себя»? Ведь он по-другому и не может, и мешает ему в этом не его особенность, а свойство, общее *всем* познающим субъектам, к каким бы культурным мирам они ни принадлежали. Если же можно, то как это сделать? Настоящее

постижение Востока невозможно ни по хрестоматиям Саси, ни в филологической лаборатории Ренана; но не поможет ли глубокое долговременное погружение в восточную среду, и в поисках отражения Востока в западном сознании, пусть не аутентичного, но всё же менее искажающего оригинал, надо обратиться к наследию тех, кто прошел через такое погружение? Например, к Эдварду Лэйну и его знаменитой книге «Нравы и обычаи современных египтян»?

Забегая вперед, отвечу: да, при разборе книги Лэйна Саид дает понять, каков единственный путь постижения Востока. Но сначала — о самом разборе. И автор, и его текст вызывают у Саида сильнейшее негодование. Только этим я могу объяснить появление на посвященных Лэйну страницах рядом с утонченными софизмами способов аргументации, поражающих откровенной пристрастностью и примитивной алогичностью.

Итак, читаем (р. 160–161): «Как рассказчик, Лэйн выступает в двойном качестве — того, что выставляется и того, кто выставляет напоказ; одним ударом обретает он двойное доверие, демонстрирует жажду к получению опыта двух сортов: восточного — в виде увлекательного его дружеского (или кажущегося таковым) общения и западного — в виде получения знания, полезного и дающего власть.

Ничто не иллюстрирует это лучше, чем последний трехчастный эпизод во Введении. В нём Лэйн описывает — как компаньона и дикови-

ну — своего главного информатора и друга шейха Ахмеда. Оба делают вид, что Лэйн мусульманин; и всё же встать в мечети рядом с Лэйном и молиться Ахмед решается только после того, как преодолевает страх, вызываемый в нём дерзким притворством Лэйна. Этому финальному свершению предшествуют два эпизода, в которых Ахмед фигурирует как многоженец и человек, испытывающий странное пристрастие к поеданию стеклянных предметов. С каждой частью рассказа об Ахмеди дистанция между ним как мусульманином и рассказчиком увеличивается, хотя в самом действии она как будто и сокращается. Как посредник в передаче поведения мусульман и, так сказать, его переводчик, Лэйн разделяет образцы этого поведения с иронией и только в тех пределах, какие необходимы для их описания уравновешенным английским слогом. В самой сути [изображения им] плохой веры лежит его идентичность: он и притворный правовеерный, и привилегированный европеец, и второе подрубает первое по определению. Как следствие, представляющийся фактологическим отчет о том, как поступает *один*, достаточно своеобразный мусульманин, сделан Лэйном так, что создается впечатление, будто в этих поступках — стержень *всей* мусульманской веры, простодушно выставленный на свет. И Лэйн словно не замечает, что предаёт свою дружбу с Ахмедом и с другими, кто обеспечивал его информацией. Что имеет для него значение, так это чтобы его отчет выглядел точным, полным и бесстрастным и чтобы английский читатель убедился, что автор неповинен ни в ереси, ни

в отступничестве. Человеческое содержание предмета книги Лэйна напроочь вычеркивается автором из текста ради придания тому научной обоснованности».

С моральной точки зрения поведение Лэйна и вправду небезупречно. Он сообщает широкой публике достаточно интимные вещи о человеке, которому многим обязан; в пределах мусульманской среды он выбирает для себя комфортные уголки; он только притворяется мусульманином, оставаясь христианином. Правда, первая и вторая претензии не обусловлены принадлежностью Лэйна к порочному клану востоковедов, их можно предъявить любому исследователю, работающему «в поле». В большинстве полевых исследований исследователь сталкивается с теми же проблемами, что пришлось решать Лэйну. Первая проблема — где жить: где гигиеничнее и есть возможность для уединения или в самой гуще респондентов. Выбор в пользу гигиены и приватности не имеет никакого отношения к культурной принадлежности выбирающего: его делают потому, что в противном случае (но, конечно, не всегда) цели исследования вообще могут быть не достигнуты. Вторая проблема; что этично сообщать, а что нет. Лэйн выбрал сообщать о многом, в том числе и о том, за что его бичевал Саид. Но таким образом он пустил в научный оборот интереснейшие факты, и благодаря этому представил современный ему Египет гораздо полнее, чем его предшественники.

Да и маскировался Лэйн не из любви к передеваниям и не потому,

что ему доставляло удовольствие водить за нос правоверных. Не прибегая к маскировке и притворству, он просто не смог бы собрать информацию о некоторых важнейших сторонах жизни египтян. У него не было другого выхода — и не было потому, что сама среда, само общество такого выхода ему не оставили, поскольку то было общество, закрывшее иноверцу доступ в мечеть. Вернее, один выход у него был, но какой? Чтобы уйти от ситуации притворства и, соответственно, одностороннего обмена (когда востоковед, мимикрируя, имитирует Восток, а тот об этом не подозревает и потому как бы исключается из взаимодействия), Лэйн должен был стать *настоящим* мусульманином. Другими словами, должен был отказаться от собственной идентичности. Но разве это не означало бы такого обмена, когда, чтобы получить знание, ему пришлось бы пожертвовать личностью и судьбой? И разве, навязывая только такой открытый способ подлинно инсайдерского взаимодействия и взаимопонимания, изучаемая Лэйном среда не делала то же самое, в чем Саид обвиняет ориентализм, — стремилась структурировать Другого по своему образу и подобию?

Дадим, однако, слово самому Лэйну [Lane, 1923: xviii]: «Я общался, за редким исключением, с одними мусульманами из разных слоев общества. Жил я, как они, сообщаясь с общими им привычками; и дабы самому стать для них лицом привычным, с которым говорят без утайки на любую тему, я всегда выказывал согласие с ними в тех мнениях, с какими позволяла согласиться

моя совесть, а при несогласии воздерживался в большинстве случаев от его выражения — равно как и от всякого действия, каковое могло бы сообщить им отвращение ко мне: не ел того, что запрещает есть их религия, не пил вина и даже воздерживался от обыкновений, несогласных с их обыкновениями, — от таких, как пользование ножом и вилок или еда в одно и то же время. Ознакомившись со всеми общими им религиозными церемониями, я был способен, всякий раз, когда считал это необходимым, сделаться очевидцем мусульманского ритуала или праздника, не вызывая в людях незнакомых подозрения в том, что не имею права находиться среди них. Хотя по платью, каковое я счел наиболее удобным для ношения, в народе меня принимали за турка, знакомцы мои знали, конечно, что я англичанин; но так как я по своей воле соглашался с тем, что введение и распространение религии Ислама — дело Провидения, а спрошенный о вере, заявлял, что верую, согласно сказанному в Коране, в Мессию как в слово Божье, зароненное в утробу Девы Марии, и в Дух, из него исходящий, я тем самым понуждал их обходиться со мной как с единоверцем. И так, я полагаю, обрел я среди них доброе мнение обо мне и завоевал многое их доверие, — хотя и не до такой степени, чтобы избавить меня от необходимости преодолевать многие затруднения».

По моему мнению, этот текст говорит в пользу его автора. Из него видно, что Лэйн усваивал некоторые культурные черты изучавшейся им среды не только потому, что это было нужно для маскировки,

но и потому, что они его привлекали. Также видно, что степень его притворства в вопросах веры была не столь значительной, как может показаться по пересказу Саида; он нашел модель поведения, позволявшую ему не вступать в конфликт с собственной совестью и идентичностью, щадить религиозную идентичность окружения и в то же время минимизировать степень «притворства».

Далее. Когда Саид утверждает, что Лэйн, изображая шейха Ахмеда, лепит образ плохого верующего, с ним можно согласиться. Но на каком основании держится вывод Саида, будто с помощью образа Ахмеда Лэйн побуждает читателя отождествлять плохую веру одного мусульманина с верой всех мусульман? Основание — ссылка на описание одного плохого верующего — настолько меньше вывода, что сам вывод обретает функцию *ignoratio elenchi* — **скрытой подмены тезиса**. Далее, когда Саид рассматривает повествовательные приемы Лэйна, он среди других выделяет у Лэйна и такой: Лэйн сводит себя к единственной функции — функции бесстрастного наблюдателя. Как считает Саид, тому есть немало доказательств, но первенствует среди них категорический отказ Лэйна принять еще одну культурную норму египетского общества, в соответствии с которой у мужчины должна быть женщина. Лэйн отверг все попытки его женить, в том числе временным браком, и отказался завести наложницу-рабыню. Вывод Саида (р. 162–163): Лэйн «своим отказом жениться буквально отменяет себя как человеческое существо»,

за счет чего и сохраняет свою «авторитарную идентичность». Устранившись от участия в воспроизводстве реальных египтян, Лэйн окончательно от них дистанцировался, но благодаря этому получил возможность их ориенталистским образом «определить»; а вот «стань он одним из них, он не смог бы выдержать свой лексикографический взгляд, одновременно антисептический и асексуальный».

Бог с ней, с антисептикой, поговорим о сексе. Верно, что сексуальные отношения между мужчиной-иностранцем и местной женщиной облегчают вхождение в незнакомую социальную среду и в конечном счете помогают глубже понять культуру Другого. Вопрос опять в цене. Саид утверждает, что Лэйн пожертвовал собственной чувственностью исключительно ради сохранения лексикографической чистоты, обеспечивавшей его суждениям и выводам имидж научности. Но почему нельзя предположить у Лэйна — если Саид действительно считает его человеком и даже человеком, обладающим чувственностью, а не только ходячим воплощением пороков ориентализма, — иных мотивов? Им мог руководить элементарный страх подхватить венерическое заболевание; но он мог и следовать морали — пусть викторианской, ханжеской, как угодно назовите, но морали, осуждающей чувственность без чувства. Саид не задумывается о таких, уж точно человеческих, а не профессиональных, мотивах; если же и задумывается, то не считает нужным упомянуть о них даже в виде предположения, потому что они не работают на его обличения.

И Лэйна под пером Саида постигает судьба «ориентализированного» Востока: быть сведенным к голой функции академического описателя.

V

До сих пор я старался показать те софистические уловки, с помощью которых Саид утверждения выдавал за аргументы. Скорее всего, прибегал он к ним не из холодного расчета, а ведомый горячим желанием обвинить Запад. Но если и так, существа дела это не меняет. Оперировав софизмами, Саид временно получал результаты, какие ему хотелось получить, и загодя отметал главный ожидаемый упрек в свой адрес — что его эпическое полотно, изображающее ориентализм, вывешено в музее западного искусства, в нём и должно оставаться и с изображенной натурой сравниваться не будет.

Такое сравнение было ему не нужно по двум лежащим на поверхности причинам. Если бы сличение репрезентаций с оригиналом продемонстрировало креативную силу и красоту Востока, современного его предвзятым наблюдателям с Запада, — это было бы хорошо, но не имело бы принципиального значения для смысла благой вести, возглашаемой Саидом миру. Ведь весть эта и так уже была защищена его аксиоматикой и софистикой. Если же сличение картины с натурой оказалось бы не в пользу картины, то тогда Саид оказался бы перед дилеммой: либо этим рискованным актом самому дезавуировать собственное

послание, либо от сличения воздержаться. Он выбрал второе, благо заранее заявленное ограничение предмета — стиль, фигуры речи и т. д. — как бы и избавляла его по причине, выглядевшей уважительной, от необходимости сравнивать с тем, с чем сравнивать не хотелось. Но была, мне думается, еще одна причина отказа от сравнений. Этой причиной были изъяны в знании Саидом Востока даже в той его части, которая одна его и занимала, — Востока арабо-мусульманского, — изъяны, которые он, видимо, сознавал. Рожденный в зажиточной христианской семье и проживший большую часть жизни в США, Саид с Востоком общался эпизодически и на элитарном уровне. Безусловно, он владел знанием о Востоке — но знанием, переданным книжным языком, — той самой «репрезентацией», которая, если мы с ним согласимся, чем дальше от реальности, тем убедительнее, и потому так же слабо соответствует оригиналу, как и репрезентация ориентализма.

Для доказательства тезиса о предельной мифологизированности представления западных востоковедов об арабах уже не в XIX в., а в 1970-х гг., Саид разбирает книгу «Революция на Ближнем Востоке и другие исследования на конкретном примере». Здесь он опять утрачивает иезуитскую диалектику перевертывания смыслов — искажает и приписывает столь же грубо и откровенно, сколь и безобразно. И именно здесь он показывает ограниченность своего знания об арабах.

Центральное место в книге занимает статья Бернарда Льюиса

с анализом слова *thawra*, которым в современном арабском языке обозначается революция. Вот какая его этимология была предложена Льюисом [Lewis, 1972: 38–39]: «Корень *th-w-r* в классическом арабском означал состояние вставания (например верблюда), беспокойства, возбуждения, а отсюда, особенно при употреблении его в Магрибе, — и восстание. Часто оно использовалось и в контексте утверждения мелких суверенностей. Например, так называемых партийных королей¹⁴, правивших Испанией в XI веке после распада Кордовского халифата, называли *thuwwar* (ед. число *tha'ir*). Существительное *thawra* в первую очередь означает возбуждение, как, например, во фразе, приводимой в ас-Сихах, стандартном средневековом арабском словаре: *intazir hatta taskun hadhihi l-thawra* (подожди, пока утихнет это возбуждение) — вполне уместный совет. [Адудудином] аль-Иджи глагол используется в форме *thawaran* или *itharat fitna* (подстрекать к мятежу) <...>. *Thawra* — термин, арабскими писателями XIX века используемый для обозначения Французской революции, а их преемниками — для обозначения признанных революций нашего времени, как местных, так и зарубежных».

Саид на этот текст реагирует абсолютно неадекватно (с. 315–316): «Зачем еще понадобилось в качестве этимологического корня понятия современной арабской ре-

¹⁴ Такое название они получили потому, что каждый из них возглавлял одну из фракций, соперничавших друг с другом не только в политическом, но и в культурном отношении. См. [Wasserstein, 1985].

волюции представлять образ встающего верблюда, как не для того, чтобы умно ее опорочить? Резоны Льюиса очевидны: низвести современную революцию до образа столь же неблагородного, сколь и некрасивого — образа встающего с земли верблюда. Революция — это возбуждение, подстрекательство, образование мелких суверенитетов — и ничего более <...>

Каждое слово и каждая фраза, используемые им (Льюисом. — С.П.) для описания революции, окрашены сексуальностью: *зашевелившийся* (stirred), *возбужденный* (excited), *встающий* (rising up). Но по большей части он приписывает арабам “плохую” сексуальность: поскольку арабы, в конечном счете, не готовы к серьезному действию, в этом их сексуальном возбуждении не больше благородства, чем в подымающемся с земли верблюде. Вместо революции — подстрекательство, учреждение мелких суверенностей и, того хуже, возбуждение; это всё равно что утверждать, будто вместо полноценного полового акта араб способен только на заигрывание (foreplay), мастурбацию да прерванное соитие. В этом, я думаю, и заключается то, что Льюис подразумевает, и не имеет значения, что его ученость выглядит безобидной, а язык подобен языку салона. Ибо, если он так чувствителен к оттенкам слов, то должен понимать, что *его* слова тоже имеют оттенки».

Налицо подмена: Льюис говорит о понятии, Саид упрекает его в обесславливании феномена. Приписывание сексуальных подтекстов смыслам чужих текстов об арабах

настолько увлекло Саида, что он — филолог! — словно забывает (а может, и не знает?) о том, что оттенки смысла, воплощаемые одними и теми же зрительными образами, в одном языке могут быть возвышающими или нейтральными, в другом — принижаящими. Даже в европейских языках образ верблюда не имеет однозначно уничижительного смысла, что же говорить о языке народа, в ранней истории которого верблюд был условием выживания! Недаром в «жемчужинах» доисламской арабской поэзии, касыдах сборника *Муаллаки*, образ этого животного, разнообразные характеристики его вида, нрава, бега и т. д. используются в массе сравнений и метафор, даже при описании любимой [Аравийская старина, 1983]. Верблюд служил одним из метафорических средств передачи значимых явлений мира — и потому слово, передающее движение верблюда, знаменующее собой начало пути, т. е. начало чего-то нового, и послужило для обозначения революции. Если уж предьявлять Льюису претензии за этимологию понятия, так только потому, что о позитивных коннотациях образа верблюда для арабов он не сообщил читателю и лично Саиду, допускающему для исходного *thaura* единственное значение: нечто неблагородное и некрасивое. По-видимому, здесь сказалось собственное отношение Саида к верблюду — обыденное отношение юного горожанина, тяготившегося, в чём он сам признавался, бытом арабской деревни, куда его привозили в детстве, не облагороженное в зрелом возрасте глубоким познанием основных категорий и образов арабской культуры.

Всё же более важная причина возмущения Саида статьей Льюиса заключается в том, что, с точки зрения первого, второй нарушил табу на смыслы, способные бросить тень на *Араба*. Причем это касается не только откровенно нелестных суждений, но и таких, в которых придирчивый критик может обнаружить наличие хотя бы в малейшей степени задевающих арабскую идентичность коннотаций типа тех, что, по мнению Саида, содержатся в этимологии *thawra*. Всё, что может ранить болезненно обостренное самосознание, не должно произноситься и писаться. Этому табу предстояло стать — и оно стало — первым правилом политкорректности. Правда, на ориенталистов, повинных в когнитивной диффамации *Араба*, оно не распространяется; вина их столь огромна, что никакая политкорректность не должна их защищать. Иное дело сам Саид: поскольку он отождествил себя с людьми, пострадавшими от колониализма политического и духовного сразу, и говорит от их имени, он автоматически наделяется правом быть неполиткорректным и при этом — исключенным из сферы критики. Это отвечает второму закону политкорректности: любое меньшинство — будь оно меньшинством количественным или, что важнее, качественным, т. е. тем меньшинством, которое Запад некогда лишал субъектности и таким образом делал меньше себя, — всегда право перед большинством. «Меньшинственность» — своего рода индульгенция, отпущение грехов авансом на все времена; и торговать ею Саид начал одним из первых. Впрочем, и тут он попал

в ногу со временем — с политикой групповых прав. Но «такая политика влечет возмездие — род апартеида наоборот, когда и возможности, и твердо установленные права людей определяются не их заслугами и нуждами, а фактом, в моральном плане случайным, — их этническим происхождением» [Gray, 2003: 24].

Текст «Ориентализма» дает некоторые основания предположить, что и общая эрудиция Саида, признаваемая блестящей даже некоторыми из его противников, оказывалась местами поверхностной. Изъяны в общей эрудиции Саида, проявляющиеся наиболее отчетливо в виде фактических ошибок в области истории, скрупулезно перечислены Ибн Варраком в самом начале первой части его книги [Ibn Warraq, 2007]. Впрочем, встречаются они все-таки нечасто. Вдобавок мне неизвестны какие-либо критические замечания в адрес «Ориентализма», касающиеся области профессиональной специализации Саида — классической западной литературы. В то же время складывается впечатление, что не так уж редко в восприятии читающего «Ориентализм» то, чем Саид действительно владел блестяще, — его язык — создает впечатление эрудиции. Недаром, видимо, во время чтения у меня не единожды всплывало слово из названия давней книги Клиффорда Гирца [Geertz, 1970]: инволюция. Инволюцией Гирц называл такой способ ведения традиционной яванской системы поливного рисоводства *sawah*, при котором продуктивность земли может расти, но производительность труда остается неизменной. Язык Саида тоже можно назвать инволюцион-

ным. Он продуктивен в том смысле, что избытком сравнений, аллюзий, набегов в смежные области, вообще виртуозной игрой слов, производящей впечатление поистине рокайльной¹⁵ легкости и прихотливости, он создает видимость основанных на глубоком знании доказательств там, где их нет либо они сильно уязвимы. Но производит он с помощью словесной виртуозности всегда одно и то же — вечный эссенциализм ориентализма.

VI

К концу чтения «Ориентализма» негодование стало соединяться у меня с сочувствием. Хотелось воскликнуть: Бедный Саид! Как сильно был он «облучен» Западом и его наукой — и как сильно *отлучён* от любимого, обиженного и оболганного Востока! К феномену западного сознания — ориентализма он подошел во всеоружии; но откуда его интеллектуальное оружие, где, в каких областях света он его нашел и отточил до остроты бритвы, дабы разить наповал? Всё с Запада, ничего с Востока! Вся критика ориентализма немислима без марксистских и фрейдистских догм, без постулатов Фуко, Барта, Деррида и других апостолов постмодернизма. Да и вправе говорить так нелицеприятно Саид чувствовал себя потому, что на Западе подобное нелицеприятие безопасно. Как и потому, что знал: критика получит отзывчивую аудиторию, в первую очередь опять-таки на Западе.

¹⁵ От франц. *rocaille* — здесь: элемент орнамента в стиле рококо, напоминающий завиток раковины.

Саид предоставил и самому Западу, и его ненавистникам на Востоке стилистически очень яркие, хотя и некорректные доводы, благодаря чему в обеих частях света сделался непререкаемым авторитетом. Но все его *pieces of argumentation* обязаны своим происхождением не Востоку, а Западу. Обязаны рефлексии Запада над своим историческим опытом, его, если хотите, интеллектуальному кокетству или мазохизму, его искреннему или неискреннему — определение зависит от отношения — раскаянию в совершенных им исторических преступлениях, как и в тех интенциях, потенциях, путях и путях собственной мысли, которые будто бы предопределили эти преступления.

А что же Восток, в чём заключается *его*, абсолютно оригинальный, Западу ничем не обязанный, вклад в развенчание ориентализма? Увы, приходится признать, что такого рода вклад мал или вовсе отсутствует, что и после эпохального срывания Саидом масок с ориентализма методам и орудиям последнего не найдено на Востоке чего-то одновременно и своеобычного, и действительного. Восток в целом и тот Восток, который так волновал Саида, — Восток арабский — активно производит и управляет, одно меняет и модернизирует, другое консервирует и архаизирует, успешно создает и не менее успешно разрушает и взрывает; но в одном отношении он остается таким же, каким был до выхода в свет «Ориентализма» — в области научного самопознания он по-прежнему пользуется языком описания и методами, пришедшими с Запада...

REFERENCES

Abashin S. Vlast' i fotografija: vizual'naja reprezentacija v imperskoj ramke [Jelektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2012. № 4. URL: <http://www.nlo-books.ru/node/2586> (data obrashhenija 26.05.2015).

Amin S. Eurocentrism. New York; London: Zed Books, 1989.

Andreev K. Tri zhizni Zhjulja Verna. M.: Molodaja gvardija, 1956.

Aravijskaja starina. Iz drevnej arabskoj poezii i prozy / Per. s arab. A.A. Dolinoinoj i Vl. V. Polosina. M.: Glav. red. vostochn. lit-ry izd-va «Nauka», 1983.

Aretov N. Orientalism, Occidentalism and the Image of the Other in Balkan Context // Orientalism/Occidentalism: Languages of Cultures Vs. Languages of Description: Collected papers. M.: Sovpadenie, 2012. P. 67–75.

Atlas mira. M.: Ul'tra Jekstent, 2006.

Barbero I. Orientalizacija migrantov v Evropejskom Sojuze // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2014. T. 12, № 2. S. 153–166.

Basbug E.D. Masculine East – feminine West: the perception of the East and the West in Tanzimat novel // Orientalism/Occidentalism. P. 206–210.

Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000.

Bobrovnikov V. Pochemu my marginaly (zametki na poljah russkogo perevoda «Orientalizma» Jedvarda Saída) // Ab Imperio. 2008. № 2. S. 325–344.

Bruckner P. La Tyrannie de la pénitence: Essai sur le masochisme Occidental. Paris: Grasset, 2006.

Cibenko V. Mezhdou orientalizmom i orientologiej: nauchnye podhody k izucheniju Kavkaza // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2014. № 1. C. 69–77.

Egipet glazami rossijan XV–XVIII vekov. Sbornik hozhenij / Sost., avt. predisl., prim. i komm. V.V. Beljakov, otv. red. Je.

E. Kormysheva. M.: In-t vostokovedenija RAN, 2013.

Gazdanov G. Večer u Kljer. Nochnye dorogi. SPb.: Lenizdat, 2012.

Geertz Cl. Agricultural Involution: The Processes of Ecological Change in Indonesia. Berkely: Univ. of California Press, 1970.

Gray J. Enlightenment's wake. Politics and culture at the close of the modern age. London; New York: Routledge, 1997.

Hazanov A. Vspominaja Jernesta Gellnera // Vestnik Evrazii. 1998. № 1–2 (4–5). C. 221–235.

Hajns Dzh. Rasskaz lektora. Moskva: AST: LJuKS, 2004.

Houellebecq M. Les particules élémentaires. [Electronic resourse] URL: <http://www.rulit.me/books/les-particules-read-254923-72.html> (last visited 14.06.2015).

Ibn Warraq. Defending the West. A Critique of Edward Said's Orientalism. N.Y.: Prometheus Books, 2007.

JarGU. Oksidentalizm i orientalizm: istorija i perspektivy razvitija. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://hist.niyar/ac/ru/upload/iblock/76b/od.a.05.2.pdf> (data obrashhenija 23.05.2015).

Kramer M. Ivory Towers on Sand: The failure of Middle Eastern Studies in America. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2001.

Krylov K. Itogi Saída: zhizn' i kniga // Said Je. V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb: Russkij Mir#, 2006. S. 598–635.

Lane E.W. The Manners & Customs of the Modern Egyptians. London e. a.: J.M. Dent and sons Ltd., 1923.

Lewis B. Islamic Concepts of Revolution // Revolution in the Middle East and Other Case Studies / Ed. by P.J. Vatikiotis. Totowa (NJ): Rowman and Littlefield, 1972. P. 30–40.

Lewis B. The Question of Orientalism // The New York Review of Books. 1982. June 24.

Lysenko V. Orientalizm i problema chuzhogo: ksenologicheskiy podhod // Orientalizm/oksidentalizm: jazyki kul'tur i jazyki ih opisaniya: Sbornik statej. M.: Sovpadenie, 2012. S. 34–42.

Malahov V. Orientalizm po-russki [Jelektronnyj resurs] // Russkiy zhurnal. 2003. 24 okt. URL: <http://old.russ.ru/politics/facts/20031024-malakhov.html> (data obrashheniya 18.05.2015).

Muravchik J. Enough Said: The false scholarship of Edward Said // World Affairs. 2013. March/April. [Electronic resource] URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/enough-said-false-scholarship-edward-said> (last visited 01.06.2015).

Neffodov S.A. Istorija Rossii. Faktornyj analiz. T. I: S drevnejshih vremen do Velikoj Smuty. M.: Territorija budushhego, 2010.

NIU VShJe. Orientalism in Fine Art. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.hse.eri.ru/data/2014/10/20/1316527670/Programma%20kursa%20Orientalism%20in%20Fine%20Art%202.pdf> (data obrashheniya 23.05.2015).

Panarin S. Vostok glazami russkih // Rodina. 1993. № 4. S. 13–18.

RGPU. Orientalizm i ego istorija. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://atlas.herzen.spb.ru/profile.php?id=1932> (data obrashheniya: 23.05.2015).

Said E.W. Orientalism. London: Routledge & Keagan Paul, 1980.

Serebryany S. 'Orientalism': a good word defamed // Orientalism/Occidentalism. P. 25–33.

Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii / Pod red. V.O. Bobrovnikova, I.L. Babich. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.

Tahtavi Rifa'a Rafi'at. Izvlechenie chistogo zolota iz kratkogo opisaniya Parizha, ili Dragocennyj divan svedenij o Parizhe / Podg. V.N. Kirpichenko, otv. red. A.B. Kudelin. M.: Nauka, 2009.

Tolz V. European, National, and (Anti-) Imperial. The Formation of Academic

Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9, N 1, Winter. P. 53–81.

Verne J. Cinq semaines en ballon. [Electronic resource] Paris: J. Hetzel et Compagnie, 1863. URL: http://fr.wikisource.org/Cinq_Semaines_en_ballon/Chapitre_20 (last visited 14.05.2015).

Wasswestein D.J. The Rise and Fall of the Party Kings. Politics in Islamic Spain, 1002–1086. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985.

Watt M.W. The Influence of Islam on Medieval Europe. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1972.

Windschuttle K. Edward Said's «Orientalism revisited» [Electronic resource] // New Criterion. 1999. 17.01. URL: <http://web.archive.org/web/20080501055657/http://www.newcriterion.com/archive/17/jan99/said.htm> (last visited 19.05.2015).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашии С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 4. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2586> (дата обращения 26.05.2015).

Андреев К. Три жизни Жюль Верна. М.: Молодая гвардия, 1956.

Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / Пер. с араб. А.А. Долининой и Вл. В. Полосина. М.: Глав. ред. восточ. лит-ры изд-ва «Наука», 1983.

Атлас мира. М.: Ультра Экстент, 2006.

Барберо И. Ориентализация мигрантов в Европейском Союзе // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 2. С. 153–166.

Бобровников В. Почему мы маргиналы (заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида) // Ab Imperio. 2008. № 2. С. 325–344.

Газданов Г. Вечер у Клэр. Ночные дороги. СПб.: Лениздат, 2012.

Египет глазами россиян XV–XVIII веков. Сборник хождений / Сост., авт. предисл., прим. и комм. В.В. Беляков, отв. ред. Э.Е. Кормышева. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга // Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: Русский Миръ, 2006. С. 598–635.

Лысенко В. Ориентализм и проблема чужого: ксенологический подход // Ориентализм/оксидентализм: языки культур и языки их описания: Сборник статей. М.: Совпадение, 2012. С. 34–42.

Малахов В. Ориентализм по-русски [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2003. 24 окт. URL: <http://old.russ.ru/politics/facts/20031024-malakhov.html> (дата обращения 18.05.2015).

Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I: С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010.

НИУ ВШЭ. Orientalism in Fine Art. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hse.ru/data/2014/10/20/1316527670/Программа%20курса%20Orientalism%20in%20Fine%20Art%202.pdf> (дата обращения 23.05.2015).

Панарин С. Восток глазами русских // Родина. 1993. №4. С. 13–18.

РГПУ. Ориентализм и его история. [Электронный ресурс] URL: <http://atlas.herzen.spb.ru/profile.php?id=1932> (дата обращения: 23.05.2015).

Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Тахтави Руфа'а Рафи'ат. Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже / Подг. В.Н. Кирпиченко, отв. ред. А.Б. Куделин. М.: Наука, 2009.

Хазанов А. Вспоминая Эрнеста Геллнера // Вестник Евразии. 1998. № 1–2 (4–5). С. 221–235.

Хайнс Дж. Рассказ лектора. Москва: АСТ: ЛЮКС, 2004.

Цибенко В. Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 69–77.

ЯрГУ. Оксидентализм и ориентализм: история и перспективы развития. [Электронный ресурс] URL: <http://hist.niyar.ac.ru/upload/iblock/76b/od.a.05.2.pdf> (дата обращения 23.05.2015).

Amin S. Eurocentrism. New York; London: Zed Books, 1989.

Aretov N. Orientalism, Occidentalism and the Image of the Other in Balkan Context // Orientalism/Occidentalism: Languages of Cultures Vs. Languages of Description: Collected papers. М.: Sovpadenie, 2012. P. 67–75.

Basbug E.D. Masculine East – feminine West: the perception of the East and the West in Tanzimat novel // Orientalism/Occidentalism. P. 206–210.

Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000.

Bruckner P. La Tyrannie de la pénitence: Essai sur le masochisme Occidental. Paris: Grasset, 2006.

Geertz Cl. Agricultural Involution: The Processes of Ecological Change in Indonesia. Berkely: Univ. of California Press, 1970.

Gray J. Enlightenment's wake. Politics and culture at the close of the modern age. London; New York: Routledge, 1997.

Houellebecq M. Les particules élémentaires. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.me/books/les-particules-read-254923-72.html> (дата обращения 14.06.2015).

Ibn Warraq. Defending the West. A Critique of Edward Said's Orientalism. N.Y.: Prometheus Books, 2007.

Kramer M. Ivory Towers on Sand: The failure of Middle Eastern Studies in America. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2001.

Lane E.W. The Manners & Customs of the Modern Egyptians. London e. a.: J.M. Dent and sons Ltd., 1923.

Lewis B. Islamic Concepts of Revolution // Revolution in the Middle East and Other Case Studies / Ed. by P.J. Vatikiotis. Totowa (NJ): Rowman and Littlefield, 1972. P. 30–40.

Lewis B. The Question of Orientalism // The New York Review of Books. 1982. June 24.

Muravchik J. Enough Said: The false scholarship of Edward Said // World Affairs. 2013. March/April. [Электронный ресурс] URL: <http://www.worldaffairs-journal.org/article/enough-said-false-scholarship-edward-said> (дата обращения 01.06.2015).

Said E.W. Orientalism. London: Routledge & Keagan Paul, 1980.

Serebryany S. 'Orientalism': a good word defamed // Orientalism/Occidentalism. P. 25–33.

Tolz V. European, National, and (Anti-) Imperial. The Formation of Academic Oriental Studies in Late Tsarist and Early Soviet Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9, N 1, Winter. P. 53–81.

Verne J. Cinq semaines en ballon. [Электронный ресурс] Paris: J. Hetzel et Compagnie, 1863. URL: http://fr.wikisource.org/Cinq_Semaines_en_ballon/Chapitre_20 (дата обращения 14.05.2015).

Wasswestein D.J. The Rise and Fall of the Party Kings. Politics in Islamic Spain, 1002–1086. Princeton: Princeton Univ. Press, 1985.

Watt M.W. The Influence of Islam on Medieval Europe. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1972.

Windschuttle K. Edward Said's «Orientalism revisited» [Электронный ресурс] // New Criterion. 1999. 17.01. URL: <http://web.archive.org/web/20080501055657/http://www.newcriterion.com/archive/17/jan99/said.htm> (дата обращения 19.05.2015).

А.А. Тесля

ОБ ОДНОМ ИЗ ПУТЕЙ В СОВРЕМЕННОСТЬ*

Рец.: *Малиа М.* Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / Под ред. Т. Эммонса; пер. с англ. Е.С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. 405 с.

<...> до XIX в. все европейские революции начинались ненамеренно: реформаторы ставили конкретные, ограниченные цели, а потом с опозданием обнаруживали, что достичь их можно, только перевернув вверх дном весь привычный мир (с. 86).

Мартин Малиа, скончавшийся в 2004 г., — выдающийся американский историк-русист, автор по сей день остающейся непревзойденной интеллектуальной биографии Александра Герцена (доведенной до 1855 г.), которая уже одна дает ему полное право на величие — никто до него и мало кто после сумел столь глубоко и одновременно изысканно-тонко передать переплетение интеллектуальных подходов и настроений, среди которых формировалась русская интеллек-

туальная традиция XIX в. Подобная глубина и тонкость отмечала и его последующие работы — он неизменно стремился соединить внимание к индивидуальности конкретного лица и широкую интеллектуальную и социальную панораму. «Русские споры» оказывались у него одновременно и «русскими», связанными со специфической ситуацией места и времени, и включенными в общеевропейский контекст — его интересовало то, как и почему французские или немецкие идеи подвергались подобной переработке местными интеллектуалами, почему идеи и концепции, мало известные или относительно скоро забытые у себя на родине, получили в России широкое распространение. Иными словами, для него

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840 — 1900-е гг.)». Первоначальный вариант статьи опубликован в интернет-журнале «ГЕФТЕР» [<http://gefter.ru>].

была значима не сама по себе тема рецепции или переработки — установление интеллектуальных связей и зависимостей было лишь первым шагом в его исследованиях, где, как правило, он, опираясь на уже добытые результаты научных исследований своих предшественников. Вопросы, которые он предпочитал ставить и на которые пытался отвечать, были следующего порядка: что обуславливало интеллектуальную чувствительность именно к этим направлениям мысли, что заставляло/побуждало/стимулировало так отбирать учителей и наставников, что, напротив, приводило иные направления в западной мысли к попаданию в «слепое пятно» в российском устройстве взгляда.

Хотя собственную дисциплинарную принадлежность он определял как «историк идей», его интересовала социальная история идей — не только и не столько то, что «случилось с идеями», а то, почему с ними случилось именно это. Но в определении своего дисциплинарного статуса Малиа был, что ему свойственно и в большинстве других случаев, ясен и отчетлив, что подтверждает последняя работа, где он неоднократно подчеркивает, что идеи и интеллектуальные и духовные традиции обладают собственной логикой. Социальный контекст может дать нам ответ на вопрос, почему та или иная идея или концепция оказалась объектом преимущественного внимания, почему в этот момент времени именно к ее усвоению та или иная социальная группа оказалась расположена — но редукция к социальному контексту невозможна, он способен лишь помочь отве-

тить на вопрос, почему из множества интерпретационных развилки оказались реализованы одни и отвергнуты другие, а иные оказались вовсе необсуждаемы, незамечены. И последний момент особенно интересен, так как дает возможность зафиксировать «границы [ситуативно] видимого» — но сами эти границы определяются под воздействием идей. Если угодно, можно повторить хрестоматийное: «христианство» в каждый конкретный момент истории — иное, «христианство» высокого средневековья — это совсем другое «христианство», чем века Константина, но при этом само западноевропейское высокое средневековье невозможно понять без христианства — оно не может быть заменено какой-либо «монотеистической религией» на выбор или даже «авраамической монотеистической религией»: иная духовная традиция даст иной результат, она обладает порождающей силой и одновременно — силой исключения.

Это всё, разумеется, банальности — но банальности значимые, так как из них вытекает не только правомерность, но и необходимость обратного хода — не только рассмотрения того, как социальное порождает конкретные идеи и более долговременные духовные формы, но и как последние изменяют социальное и как отсутствие конкретных идей и духовных форм оказывается (уже через негативность) не дающим возможности достичь результата, который вроде бы является желаемым.

Последняя книга Малиа, которую он успел в основном завершить перед

смертью, стала и подведением итогов, и расширением проблематики — всю жизнь проработав над изучением русской интеллектуальной истории XIX–XX вв. и восприятия России на Западе¹, в финальной работе он обратился к изучению феномена «великих революций», генеалогическому рассмотрению путей к центральному событию XX в. и основному предмету его интеллектуальных занятий — русской революции — в силу изменения перспективы: то, что на протяжении почти всей его жизни было «событием в становлении», теперь обрело завершение, делаясь доступным для понимания (если исходить из гегелевского образа «совы Минервы», о которой напоминает Малиа во введении) или, если не соглашаться со столь радикальной трактовкой, то во всяком случае меняющим наше понимание, так как впервые перед нами предстало законченное повествование, логику которого можно обсуждать уже вне гипотетических построений. Редактор издания, видный историк-русист Теренс Эммонс, готовивший рукопись к публикации², внес в нее несколько существенных изменений, оговоренных в предисловии — в первую очередь это относится к двум вводным, теоретическим главам, которые оказались в результате отнесены в приложение (ради придания работе более привычного исторического облика, соответствующего и озвученным Малиа намерениям — теоретизировать исходя из исторического исследования, а не до или поверх него), а новое введение было

«составлено из рассказов самого Малиа о своих исследованиях и методике, почерпнутых из ряда докладов и книжных проспектов» (с. 7).

Согласно Малиа, «великие революции» (в тексте Малиа как правило не делает оговорок, говоря о них собственно как о «революциях», но в приложении отграничивая от иных «революций», таких как германская 1918 г. и т.п.) имеют исключительно европейское происхождение (с. 10, на с. 76 он, например, пишет о европейской традиции «радикальных переворотов»)³, при этом средневеково-христианской в своих основаниях (с. 17 и гл. 1), хотя в дальнейшем эти христианские истоки будут преобразованы и отброшены. «Запад» как культурное единство, «христианский мир», оформляется к 1000 г.:

«Именно в те далекие века (XI–XIII вв. — А.Т.) впервые возник европейский революционный импульс, и направлен он был не против государства, которого еще не существовало, а против церкви, являвшейся тогда единственным универсальным институтом европейского общества. <...> Западная революционная традиция пройдет <...> свой тысячелетний путь от религии спасения как суррогата политики до политики спасения как суррогата религии» (с. 17–18).

Расходясь в оценке с романтиком революции Жюлем Мишле, он согласен с ним в суждении, вынесенном в эпи-

¹ Этой теме была посвящена последняя вышедшая при его жизни книга: [Malia, 1999].

² Американское издание: [Malia, 2006].

³ Неевропейские революции случаются уже в XX в., т.е. после того как «Запад» выйдет за любые географические ограничители и станет глобальным.

граф 1-й главы: «Революция продолжает Христианство и противоречит ему. Она есть наследница Христианства и в то же время его противница». Христианство несет в себе радикальный соблазн миллениаризма, регулярно порождая ереси подобного толка — и содержа в себе напряжение между Церковью незримой и церковью наличной, всегда несовершенной, и, следовательно, требующей реформы — реформы внутренней, начинающей с себя, реформы как очищения ее от недостойных, или признания того, что большая часть называемого «церковью» не является таковой, впала в соблазн — а несудящий впал в гордыню — и тогда малая община верных оказывается подлинной церковью, задача которой удалиться ради собственного спасения и спасения тех, кого можно спасти из оставшихся вовне, так как отказ от различения и удаления будет грехом по отношению к ним, погружая в соблазн самоуспокоения.

Но сколь бы радикальный импульс ни содержался в западноевропейском средневековом христианстве с его образом «христианского мира» и философией истории, восходящей к Августину и различающей за историей Града Земного шествие Града Небесного (с орозиевской и последующих смычкой истории Града Небесного и Империи как христианского царства), это лишь одна из составляющих, необходимая, но недостаточная для революции — она образует революционный импульс, т.е. стремление к радикальной перемене⁴ вовне,

но для того чтобы революция могла возникнуть, а не стать сектой, положить основание монашескому ордену и т.п., ей необходимо определенным образом структурированное пространство действия — (про)государство, достаточно объединенное, чтобы иметь центральные институции, то, на что может быть направлено действие, иначе расплывающееся вовне: монарх, чья власть значительна и которой, следовательно, можно овладеть (в его лице или свергнув его), столица, которая контролирует территорию, и которую можно захватить и т.д. Без подобного устройства политического пространства невозможен эффект мультипликации — волнение в Оверни не обязательно для Бретани, но к происходящему в Париже и овернцу, и бретонцу необходимо будет в 1789 г. выработать какое-то отношение; кавалеры в 1642 г. могли контролировать сколь угодно большой процент территории Английского королевства, но они не были победителями, поскольку не контролировали Лондон.

В результате Малиа строит историческую типологию революций:

(1) «революция как религиозная ересь» (ч. 1) — революция, не сознающая себя таковой, революция, ставящая задачу в старом (нового тогда еще не появилось) смысле слова — возвращения к «старым добрым нравам». Примерами этого рода революций выступают гуситы (1415–1436), лютеранская реформация (1517–1555), нидерландское

⁴ Мыслимой при этом как возврат, в начальном смысле слова *revolutio* (от *лат.*

«*revolvere*», обращения назад, возвращения в исходную точку).

восстание (1566–1609) и, как proverbный случай, неудавшаяся революция — гугеноты (1559–1598). Во всех этих случаях речь идет о не вполне-революциях, не в последнюю очередь и потому, что «вызов иерархии светской власти» здесь оказывался производным, идейно считающимся не-необходимым и не-желательным последствием «вызова церковной иерархии» (с. 12) — в идеальном варианте на взгляд революционеров светская власть должна была не только примкнуть к ним, но и возглавить движение, разрыв с нею никогда не мыслился окончательным — так, в ходе Нидерландской революции восставшие провинции, даже детронизируя Филиппа II, не объявляют себя республикой/ами, но, после неудачных поисков другого монарха, в конце концов удовлетворяются специфической конструкцией «штатгальтера», наместника — в отсутствие монарха, наместником которого он бы являлся (с. 151);

(2) «классические атлантические революции» (ч. 2), к которым Малиа причисляет английскую (1640–1660–1688), американскую (1776–1787) и французскую (1789–1799);

(3) и русскую революцию, помещая ее в связку с революцией 1848 г. (ч. 3).

Ключевой вопрос, который в первую очередь занимает Малиа — это вопрос о причинах «радикализации» революции, почему шаг за шагом они становятся всё более радикальными и всеохватывающими. Так, сопоставляя Нидерландскую революцию с Английской, Малиа пишет, что при всех сходствах ра-

дикализации препятствовали: во-первых, положение «монарха в отсутствии» — борьба оказывалась борьбой с его наместниками, но не с ним самим, он не становился ни фигурой, способной объединить противников революции, ни фокусом противостояния для революционеров; во-вторых, и это гораздо более важно, Нидерланды были «государством в становлении» — прошло еще слишком немного времени со времен начала строительства «новой монархии» Карлом V, чтобы эти провинции стали и восприняли себя единым целым. Борьба разворачивалась не за контроль над «единой, унифицированной государственной системой», но приняла «форму военной конфедерации (сначала из тринадцати провинций, затем из семи) против монарха в различных его званиях — как графа Фландрского или Голландского, герцога Брабантского и т.д. Поэтому борьба превратилась, в сущности, в национально-территориальную освободительную войну» (с. 153).

Но основной водораздел, вопреки указанной выше типологии, пролегает у Малиа между революциями XVI–XVIII вв. — и Французской революцией, ставшей первой сознательной: он особо останавливается на том моменте, что английские события стали для англичан осознаваться как революция лишь в свете французских, в том числе провоцируя Бёрка на пламенное обличение французской революции, в которой он видел опасность раздуть непогашенные угли английского напряжения. Примечательна и судьба понятия — в английском случае «революцией» («славной»)

назывались события 1688–1689 гг., т.е., как сформулирует в поздней классической форме Т.Б. Маколей, переход от «старой смешанной конституции» к «новой смешанной конституции», отводя 1640–1660 гг. роль «смуты» и «междоусобицы». Подробно останавливаясь на попытках установления нового режима, провозглашения Commonwealth of England, правления «святых» и Instrument of Government с последующей Реставрацией, ставшей общим желанием почти всех политических групп, Малиа пишет:

«Как объяснить столь бесславное завершение переворота, который превзошел пределы возможного в низвержении общества “двух мечей” и “трех сословий”? Причины этого нельзя найти ни в классовой структуре, ни в экономических условиях, ни в демографической ситуации. Наиболее убедительным объяснением служит менталитет всех основных персонажей драмы. Король, парламентарии, как пресвитериане, так и индепенденты, Кромвель, офицеры “армии нового образца” — все они мыслили в направлении возврата к надлежащему балансу национального государственного устройства, с королем, лордами, общинами и всеобщей национальной церковью. Лишь маргинальные группы левеллеров, диггеров и сектантов-милленариев думали о выходе за рамки традиционной системы координат, но не имели достаточно сил, чтобы склонить чашу весов в сторону новой радикальной отправной точки. Так “сознание” определило “бытие”, заведя английскую революцию в тупик Содружества и Протектората» (с. 184).

Английская революция имеет разнообразные образы религиозного будущего устройства — но не имеет образов политического: примечательно, что породив массу политических трактатов после своего начала (от Гоббса до Локка), она не имеет таковых перед собой⁵ — она приводит к власти радикалов, но они, обладая ресурсом разрушить имеющееся, обнаруживают, что не обладают образом желаемого политического устройства и, что гораздо важнее, подобный образ отсутствует для большинства политически-активного общества, мыслящего в рамках революции-реставрации.

Если Английская революция — «забытая», которая будет оценена в качестве таковой только в позднейшей перспективе революции Французской, то Американская, именуемая Малиа «великой удачей», осознает себя в качестве революции — и в этом смысле уже принадлежит к современности. При этом ее «удаче» способствует серия обстоятельств — и то, что она одновременно оказывается «освободительной войной», иными словами, «враг» оказывается по преимуществу вынесен вовне, это не гражданская война, а борьба против «деспотизма» внешнего, пусть и родственного — к тому же в этом

⁵ «Английской революции <...> не предшествовало ничего более подрывного, чем теологические и екслезисологические домыслы да теоретизирование по поводу природы существующей совокупности правовых норм — “старинной конституции”. Английская политическая теория возникла только по ходу и после революции в творчестве Гоббса, Гаррингтона и Локка. Кроме того, наиболее сильное влияние она оказала за пределами Англии — в Америке и во Франции» (с. 228).

деспотизме колонисты опознают призрака «абсолютизма» (парламента, занимающего место короля, к которому первоначально апеллируют, критикуя парламент), они оказываются в своих глазах защитниками тех самых английских свобод, которые были утверждены «славной революцией», и в которых им отказывают. И не менее важное — американским колонистам оказалось мало что потребно свергать: «старый режим» присутствовал лишь некоторыми деталями, да к тому же, как уже отмечалось, преимущественно вынесенными вовне. И тем не менее Американская революция, начавшаяся как реставрация, защита прав, почитаемых стародавними, закончилась как сознательное «новое начало».

Французская революция принципиально отличается от Английской тем, что имеет осознанно-политический характер и, в противоположность Американской, предполагает борьбу с «внутренним врагом», сила которого по меньшей мере представляется значительной — а это подталкивает к радикализации, так как шаг за шагом ощущаемая угроза справа подталкивает к опоре на массы, как единственное, что может защитить в этой ситуации, и каждый радикальный шаг отсекает возможность компромисса всё с новыми силами. Однако еще более значительным выступает то обстоятельство, что «рационалистическая оболочка французского переворота отрицала понятие святости как таковое в политическом и социальном мире. А когда отрицается священное — то есть неприкосновенное, по сути своей не зависящее от человеческой воли и власти — земных ограничений

для перемен не остается. Можно “свергнуть” всё что угодно, если есть средства, воля и власть. (Именно посягательством на извечно неприкосновенное так пугала французская революция Бёрка и так восхищала Маркса, и с тех пор соответствующее отношение к ней разделяет правых и левых)» (с. 230–231).

Малия настаивает и на другом аспекте — люди, по известному выражению Маркса, сами творят свою историю. И они творят ее, имея собственное представление не только о своих целях и задачах и о целях и задачах других людей, но и о ходе истории — понимание исторического процесса оказывается тем, что определяет поведение в конкретной ситуации. Так, неудача европейских революций 1848 г. объясняется Малия в том числе и тем, что сами эти революции были первыми «подготовленными» революциями, к ним готовились, им противодействовали, их ждали как неизбежного — в качестве «образа» революции имея Французскую. И именно потому что действующие лица «разыгрывали» революцию как пьесу, занимая свои роли и полагая, что знают, что будет дальше — страшась или желая — результат оказался принципиально отличным от образца: аристократия и дворянство, как и высшая буржуазия, например, не пошли против существующей власти, надеясь, как то было на первом этапе Французской революции, стать выгодоприобретателями от свержения режима — напротив, они сплотились вокруг «трона и алтаря», давая ресурс режиму для контрнаступления. Радикалы сразу оказались радикалами — они сразу читали реплики третьего акта,

избавляя умеренных от предположения, что «врагов слева у них нет», и тем самым побуждая их сразу же быть склонными к компромиссу с теми, кто «справа», которые в итоге оказались способны не столько заключить соглашение, сколько переиграть пьесу — взяв на себя затем, в лице Луи Наполеона или Бисмарка, роль «реформаторов сверху», способность «перехватить повестку», а не уступать шаг за шагом (гл. 9). Продолжить этот пример несложно и на другом материале — революции уже русской, в которой страх «термидора» был общим, подталкивающим к радикализации и к поиску врагов среди «своих»: все хорошо помнили уроки Французской революции, когда термидорианцы выходят из якобинцев, угроза революции лежит в первую очередь внутри нее, а не в лице внешнего врага. И революция начинает «пожирать своих детей», теперь уже чтобы не быть пожранной ими — повторение возникает из страха повторения.

Малия в итоге приходит к выводу, что с социальными революциями в марксистском понимании мы никогда в истории не сталкиваемся — тот феномен, который известен нам, оказывается политическим событием с социальными последствиями: в целом нотабли остаются теми же самыми и до, и после Французской революции, она не окажется переходом власти к буржуазии — отчасти потому что уже до этого буржуазный строй во многом утвердился во Франции, отчасти потому что он будет развиваться и дальше, преобладая в этом отношении, отмечает Малия вслед за Токвилем и Фюре, куда ос-

новательнее, чем разрыв, скорее революция замедляет этот переход, отбрасывая Францию в ее развитии назад и порождая неустойчивость почти на сто лет, вплоть до утверждения режима III Республики или, возможно, вплоть уже до 1970-х гг., когда наконец революция и размежевание по отношению к ней окончательно уходят в прошлое.

Революции в XX в., по Малия, называются одним из путей в современность⁶ — но, во-первых, лишь одним из путей, а, во-вторых, путем слишком дорогим и, в-третьих, по меньшей мере путем сомнительным, так как достигнутые успехи в конечном счете оказались эфемерными. Порок этих революций он видит в отсутствии этической составляющей — а если вспомнить исходные рассуждения обсуждаемого текста, то можно сказать, в не-религиозности: «Провал имел место на более глубоком уровне идейно-нравственного *raison d'être* системы» (с. 323). Парадоксальным образом по логике Малия выходит, что революции оказывались благотворными в той мере, в какой они оказывались политическими непредумышленно, в какой их никто не собирался предпринимать и никто не желал нового политического начала. Русская революция «оказалась — хотя и в другом смысле — революцией ради конца всех революций. Она продемонстриро-

⁶ Согласно Малия, в истории каждой нации может быть только одна великая революция — поскольку революция образует водораздел со «старым режимом» «и, как только это делается (или хотя бы предпринимается попытка сделать), тысячелетний исторический рубеж безвозвратно перейден» (с. 326).

вала, что второго, социалистическо-го пришествия 1789 г. не будет, что в реальной современной истории существует только политическая республика и что попытка “возвысить” ее над “государством всеобщего благосостояния” отбрасывает общество к рабству худшему, чем при “старом режиме”» (с. 325). Французская революция вновь оказывается водоразделом — катастрофой, в результате которого возникает новый, демократический порядок, одновременно демонстрирующий неприемлемую цену революции. С сетованием, однако, заключает Малиа, что «даже после провала коммунистической попытки подняться над классическим демократическим наследием остается проблема, изначально вдохновившая социалистический проект: неравенство людей. Пока эта проблема существует — а перспектив ее исчезновения в обозримом будущем не видно, — утопическая политика тоже никуда не денется. Кто знает, какое благое эгалитарное дело в следующий раз будет извращено миллениаризмом и насилием. Вечное возвращение революционного мифа в новых и неожиданных обликах еще долго не даст нам покоя» (с. 325). Но тем любопытнее, что «наследники трех атлантических революций» (а ими становится весь мир либеральной демократии) оказываются мыслимы Малиа избавленными от наследия социалистической революции, «государство всеобщего благосостояния» внезапно оказывается тем, что выступает альтернативой социалистической революции, которую отбрасывают революционеры, а не тем, что возникает после нее — и благодаря ей.

И здесь стоит вернуться к заглавию книги — оказывающемуся в противоречии с ее содержанием, поскольку ведь из всех революций Малиа находит лишь одну, которую он готов принять, «великую удачу» Американской революции — в первую очередь благодаря тому, что она в наименьшей степени является «великой революцией» в смысле борьбы со своим «старым режимом», т.е. максимального внутреннего гражданского конфликта, приводящего к рождению современной нации: это акт конституирования новой нации, для которого ей не пришлось разделить в себе. Прочие революции меняют историю, но вряд ли можно сказать, что они «ведут» ее от станции до станции — это образ марксистский, как и цитата, ставшая заглавием. Но стала она таковым не по воле автора, а редактора — сам же Малиа называл свою работу куда точнее, используя два варианта: «Модель и эскалация западной революции: от гуситов до большевиков. 1415–1991 гг.» и «Западный революционный процесс, 1415–1991 гг.» (с. 7), на завершение которого и выражает осторожную надежду в последней главе.

REFERENCES

Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999.

Malia M. History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World / Ed. & with a Foreword by T. Emmons. New Haven; L.: Yale University Press, 2006.

А. Лостальо

Рец.: *Chinnella E. Carmine Crocco, un brigante nella grande storia. Pisa-Cagliari: Della Porta, 2010. 188 p.*

Профессор университета г. Пизы Этторе Чиннелла является автором многочисленных работ по новой и новейшей истории Италии, России и Советского Союза. Среди них наиболее известны *La tragedia della rivoluzione russa. 1917–1921 (Трагедия русской революции. 1917–1921)*, опубликованная в 2000 г. и переизданная спустя 4 года в серии «Универсальная история», подготовленной ведущим итальянским периодическим изданием «Corriere delle sera» (т. 22). В 2008 г. он опубликовал исследование *1905. La vera rivoluzione russa (1905. Настоящая русская революция)*. В 2015 г. увидела свет работа *Ucraina 1932–1933. Il genocidio dimenticato (Украина 1932–1933. Забытый геноцид)*. На русский язык были переведены некоторые его статьи, посвященные истории российско-итальянских отношений [Путешествие в Италию... 2014]. Этторе Чиннелла занимался также историей историографии, писал о социальной утопии в Древней Греции и о комедиях Аристофана.

Предметом пристального внимания автора работы *Carmine Crocco, un brigante nella grande storia* (Разбойник Кармине Крокко и большая история) являются исторические события, разворачивавшиеся в 60-е гг. XIX в. на Юге Италии, в области Лукания (Базиликата), где историк родился, и с которой его по-прежнему многое связывает. В связи

со 150-летием объединения Италии, отмечавшемся в 2011 г., он задумал представить коллегам и широкому кругу читателей самую трагическую страницу в истории только что образовавшегося государства, которую без преувеличения можно назвать глубокой раной в истории итальянской нации. Речь идет о «великом разбое» 1861–1865 гг., который потряс итальянский Юг после Объединения¹. Посредством биографии знаменитого предводителя повстанцев-разбойников Кармине Крокко² Чиннелла предпринял попытку проанализировать и объяснить с исторической точки зрения феномен, суть которого зачастую искажалась мифологизирующими, вводящими в заблуждение интерпретациями.

Крокко был самым знаменитым «героем» так называемого «великого разбоя». В отличие от многих других главарей повстанческих отрядов, он был не убит, а захвачен представителями нового итальянского государства в 1870 г., спустя два года состоялся знаменитый судебный процесс (исследователям доступны его материалы). Крокко провел половину своей долгой жизни в тюрьмах Апеннинского полуострова и смог написать мемуары благодаря тому,

¹ Этой теме посвящена статья [Чинелла, 2011].

² Род. 5 июня 1830г. в местечке Рионеро-ин-Вультуре.

что владел азами грамоты. В тюрьме его посещали светила медицины, приверженцы антропологической теории Чезаре Ломброзо, а также такие персонажи, как капитан Эудженио Масса, стремившиеся изучить психологию самого опасного деятеля военизированных разбойничьих отрядов. Этот интересный материал вместе со многими другими документами эпохи позволяет приглядеться поближе к личности Крокко, восстановить его богатую опасностями и приключениями жизнь, познакомиться с особенностями его ментальности и с его видением мира. Подход Э. Чиннеллы отличается не только научностью, но и четко выраженная гражданская и общечеловеческая позиция. Автор не скрывает ее при работе с биографией столь замечательной личности, как «Наполеон бандитов» (так Крокко назвал профессор судебной медицины Сальваторе Оттоленги, взявший у него в тюрьме подробное интервью). Помимо того, что Крокко умел читать и писать (редкое исключение для тех лет), он проявил себя способным военным командиром, ему удалось добиться потрясающих побед на поле боя, и хотя под его руководством действовали банды необученных, плохо экипированных ополченцев, он все-таки смог привить им некоторые понятия о достоинстве и дисциплине. События личной жизни предводителя разбойников анализируются автором на фоне крупной исторической драмы, в которой Крокко был одновременно и главным действующим лицом, и жертвой.

В результате исследования становятся очевидны прежде всего социаль-

ные корни «бригантаджио», подпитывавшегося ужасающей бедностью крестьян и той пропастью, которая разделяла «благородных» (землевладельцев, госслужащих и представителей буржуазии) и «кафони» (неотесанная деревенщина, — так называли людей, занимавшихся тяжким трудом от рассвета до заката, чтобы выжить и прокормить семью). Неграмотность и бедность, раннее старение и безжалостная эксплуатация, — на эту трагическую вековую традицию, сформировавшуюся в местном социуме, наложилась деятельность новых чиновников из Пьемонта, проявлявших равнодушие, безразличие к проблемам и страданиям крестьян Юга.

При помощи биографии Крокко историк пытается по-новому осветить события, связанные с «первой крупной национальной трагедией», произошедшей сразу после объединения Италии, той трагедии, «из-за которой глубокие раны на теле Италии будут долго еще заживать»³.

Критический подход автора, подтверждающий в целом социальные корни «великого разбоя», позволяет при этом пересмотреть традиционный историографический взгляд, присущий интерпретации

³ Так называемому «южному вопросу», т.е. комплексу проблем, обусловленному сложными историческими процессами, происходившими на Юге Италии после Объединения, а также тесно связанной с ним теме, предметом которой является столь устойчивое и характерное социальное явление, как традиционные местные преступные организации, было посвящено весьма скромное количество специальных работ отечественных итальянистов: Лисовский (1960, 1979), Колосов (1976), Гоффе (1983), Левин (1996), Терехова (2015). *Прим. переводчика.*

ям от Франко Молфезе [Molfese, 1964] до Эрика Джона Хобсбаума [Hobsbaum, 1960]⁴, которые увидели в бригантаджо «жестокую классовую войну» и «эмбриональную крестьянскую революцию», при этом Кармине Крокко, по их мнению, «был движим примитивным, наивным чувством социальной справедливости». Этторе Чиннелла базирует свою точку зрения на серьезных основаниях: вопреки сложившемуся мифу, ни сам пастух Кармине Крокко, ни члены его семьи – ни отец-крестьянин, ни мать, чесавшая шерсть на дому, не подвергались особенным притеснениям со стороны местной аристократии. Его карьера грабителя и разбойника началась после того, как он в 1852 г. внезапно ушел с военной службы и ударился в бега, скрываясь от властей после стычки с сослуживцем. Полная приключений, арестов, побегов жизнь продолжалась вплоть до ставшего переломным 1860 г. (одной из самых значительных и малоизученных страниц в истории итальянского Рисорджименто). Именно тогда для Кармине открылась возможность получить освобождение от ответственности в обмен на некоторые услуги в пользу революционного правительства и отрядов Гарибальди. Этой иллюзии не суждено было продлиться долго. Глухота и ограниченное восприятие реального состояния дел в регионе, проявленные со стороны нового пьемонтского чиновничества привели к колоссальному росту рядов повстанцев-разбойников. Последовало новое обвинение,

которое опять вынудило Кармине скрываться, перейти на нелегальное положение (за ним последовали его товарищи, среди них Нинко Нанко). Таким образом, завершив легальный период своей деятельности, Крокко за несколько лет сформировал, а затем руководил вооруженной группой, численность которой превышала тысячу человек. Чиннелла приводит данные, подтверждающие неспособность и неэффективность новых властей, политика которых привела к ухудшению ситуации с разбойными нападениями в регионе.

Таким образом, предметом исследования историка стали трагические события в истории Италии, показанные сквозь призму событий жизни одного человека. Рассказ начинается выдержками из интервью, которое Крокко дал Сальваторе Оттоленги, руководителю лаборатории судебной медицины университета Сиены. В 1902 г. профессор Оттоленги вместе со своими студентами совершил научную поездку в тюрьму Портоферрайо на острове Эльба, где приговоренный к каторге, переваливший за семидесятилетний рубеж Кармине Крокко отбывал наказание. Оттоленги опросил нескольких заключенных, а по окончании поездки прочитал лекцию для студентов. Весь материал был опубликован одним из учеников, который «с удивительной точностью» воспроизвел содержание разговоров с каторжанами.

В заключение данной рецензии представляется уместным привести несколько реплик из обширного интервью с Кармине Крокко.

⁴ Расширенная версия этой работы на итальянском языке: [Hobsbaum, 2002].

- «— Тяжелая жизнь у разбойника?
- Это жизнь независимая.
- Но ведь приходится убивать людей?
- Разбойник (бриганте), он как змея, если его не трогать, он не кусает.
- Войска пытаются бороться с “бригантаджио”, вы думаете, что это справедливо?
- Да. Разбойник, убивая солдата, плачет, потому что знает, что у того осталась мать, дети.
- Как, по-вашему, можно было бы остановить разбой?
- Только милосердием.
- Значит, надо бы прощать бандитов?
- Да».

*Пер. с итал. Н.Г. Тереховой
(старший преподаватель
НИУ ВШЭ (Москва))*

REFERENCES

Chinnella E. Velikij razboj, 1861–1865. Cena ob'edinenija // Rodina. 2011. № 4, april'.

Hobsbaum E.J. Bandits. London, 1960.

Hobsbaum E.J. I banditi. Il banditismo sociale nell'età moderna. Torino, 2002.

Molfese F. Storia del brigantaggio dopo l'Unità. Milano, 1964.

Puteshestvie v Italiju — Puteshestvie v Rossiju. Po materialam italo-rossijskih konferencij, sostojavshihsja na fakul'tete zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova (20 nojabrja 2012, 27–28 marta 2013 i 26–27 sentjabrja 2013 g.) / Otv. red. E.V. Krupenina. M., 2014.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Путешествие в Италию — Путешествие в Россию. По материалам итало-российских конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27–28 марта 2013 и 26–27 сентября 2013 г.) / Оtv. ред. Е.В. Крупенина. М., 2014.

Чиннелла Э. Великий разбой, 1861–1865. Цена объединения // Родина. 2011. № 4, апрель.

Hobsbaum E.J. Bandits. London, 1960.

Hobsbaum E.J. I banditi. Il banditismo sociale nell'età moderna. Torino, 2002.

Molfese F. Storia del brigantaggio dopo l'Unità. Milano, 1964.

ПОЛЕЗНЫЕ МЕМУАРЫ

Рец.: *Гоцци К.* Бесплезные мемуары / Пер. Л.М. Чачко. М.: Бюро Маяк, 2013. 113 с.

Случается, что научное сообщество в России подчас остро нуждается в переводе того или иного историко-литературного памятника, текст которого труднодоступен, однако когда долгожданный перевод наконец появляется, возникает масса новых вопросов. Так произошло и с небольшой книгой, позиционированной издателем как перевод воспоминаний великого венецианского драматурга Карло Гоцци. Уже из предисловия переводчика Л.М. Чачко читатель может узнать, что воспоминания Гоцци преодолели непростой путь к русскоязычному читателю.

В 1955 г. были опубликованы незначительные отрывки из «Бесплезных мемуаров» в переводе Я.Н. Блоха [Гоцци, 1955], а год спустя все десять фьяб Гоцци были изданы в русском переводе под названием «Сказки для театра» [Гоцци, 1956]. При этом в предисловии С.С. Мокульского давалась весьма подробная характеристика «Бесплезных мемуаров» как исторического источника, «одного из лучших памятников итальянской мемуарной литературы XVIII века», дающего богатейшую картину быта и картин общественной жизни Венецианской республики в последнее столетие ее существования [Гоцци, 1956:

35–37]. При этом если для литературоведа С.С. Мокульского основной интерес представляла психология Гоцци как личности, то для историка на первый план выходят другие стороны его воспоминаний.

Загадкой остается то, что после 1956 г. упоминания «Бесплезных мемуаров» практически исчезают из отечественной литературы. Как единое целое десять фьяб Гоцци тоже более никогда не переиздавались на русском языке; некоторые из них публиковались в 1971 и 1989 гг. с кратким предисловием Н. Томашевского [Гольдони, 1971; Гоцци, 1989], намного уступавшим по содержательности статье С.С. Мокульского. Существовал ли вообще полный перевод «Бесплезных мемуаров», или же Я.Н. Блох в принципе ограничился переводом незначительных фрагментов, а С.С. Мокульский читал воспоминания Гоцци по-итальянски? Л.М. Чачко полагает, что эмигрировавший в 1923 г. Я.Н. Блох (скончавшийся в Швейцарии в 1968 г.) перевел весь текст, но в советской хрестоматии 1955 г. появились лишь его фрагменты, а местонахождение рукописи неизвестно (с. 7). На наш взгляд, для таких предположений нет оснований. Я.Н. Блох вполне мог выполнить перевод лишь отдельных

фрагментов на заказ, учитывая, что издательство «Искусство» смогло опубликовать целых четыре фьябы Гоцци в переводе «подозрительно-го» эмигранта, и это в самом начале «оттепели»!

Так или иначе, даже если перевод Я.Н. Блоха и существовал, до читателя он не дошел. Л.М. Чачко пошел более простым путем: не владея итальянским языком, он перевел «Бесполезные мемуары» не с оригинала, а с французского перевода, выполненного еще в середине XIX в. Полем де Мюссе – братом великого Альфреда де Мюссе, который написал послесловие к «Бесполезным мемуарам». При этом Поль де Мюссе «слегка» сократил и отредактировал текст (с. 5, 7), и это «слегка» вновь вызывает вопросы: если прижизненное собрание сочинений Гоцци 1797 г. включало целых три тома мемуаров, то почему со времен де Мюссе в ходу текст, не насчитывающий даже и ста страниц? Тем не менее именно в этом вторичном виде «Бесполезные мемуары» доходят наконец до российского читателя.

Конечно, возникают обоснованные подозрения, что авторская позиция Гоцци могла быть искажена дважды: сначала при французском переводе и сокращении, затем при русском вторичном переводе. Тем не менее, поскольку речь идет об историческом источнике, не относящемся к художественной литературе и содержащем лишь редкие случаи игры слов, издание перевода Л.М. Чачко можно приветствовать.

В наши задачи не входит критика самого Карло Гоцци и его убежде-

ний. Настоящими замечаниями мы преследуем лишь цель показать, какую пользу из издания его «бесполезных» воспоминаний могут извлечь российские историки.

Как известно, «Бесполезные мемуары о жизни Карло Гоцци, написанные им самим и им же со смирением опубликованные» («*Memorie inutili della vita die Carlo Gozzi, scritte da lui medesimo, e da lui publicate per umilitá*»), написанные драматургом в шестидесятилетнем возрасте в 1780 г., впервые увидели свет в десяти-томном собрании его сочинений в 1797 г. – в год гибели Венецианской республики. Причины написания воспоминаний, состоящих из двадцати шести крошечных глав, прозрачны и хорошо известны как из самого текста, так и из биографии Гоцци, и связаны со скандальной историей Теодоры Риччи и распада труппы Сакки. При этом на первой же странице драматург заявляет, что его «основной задачей было представить самому себе процесс своего развития и пригасить ревность своего самолюбия» (с. 8), т. е. как будто мемуары намеренно – а не только из-за запрета цензуры на их опубликование – писались «в стол», «для себя».

Львиная доля мемуаров посвящена личной жизни Карло Гоцци: истории его предков XVI–XVIII вв., его взаимоотношений с родителями, братьями и сестрами, характерным для больших итальянских семей раздорам, трем неудачным попыткам любви (с. 16–20, 29–30, 41–52) и, конечно же, странной и скандальной истории его покровительства актрисе Теодоре Риччи (с.

76–106). Одной из задач написания мемуаров Гоцци считал доказательство того, что ничего предосудительного в этих отношениях, вылившихся в общегосударственный скандал с Гратаролем, потрясший Венецианскую республику, не было, однако и Альфреда де Мюссе (с. 111–112), и С.С. Мокульского [Гоцци, 1956, с. 35, 37] самооправдания Гоцци нисколько не убедили. Да и основной интерес для современных исследователей представляют именно зарисовки быта, этикета и человеческих отношений, существовавших в Венеции XVIII столетия. Вряд ли можно переоценить значение этих сведений для популярной ныне истории повседневности, включая сюда и информацию об особенностях ежедневного функционирования венецианской цензуры или полиции. Анекдотический случай, когда трибунал насильно поставил в театре пьесу автора, который желал ее снять со сцены, предстает перед нами не как единичное исключение, а как закономерное порождение венецианской административной системы (с. 93–94).

Особый интерес представляют главы II–V, описывающие пребывание юного Гоцци на военной службе в Далмации в течение четырех лет (по разным данным то ли в 1738–1742, то ли в 1740–1744 гг.: ни до, ни после Гоцци в своей жизни не будет покидать пределы окрестностей Венеции). Тонкие наблюдения драматурга об особенностях республиканского строя Венеции, организации ее армии и военной дисциплины (с. 14–15) дополняются уникальным этнографическим очерком быта и нравов хорватов и черногор-

цев Адриатического побережья, их своеобразного кодекса поведения, дуэлей и кровной мести (с. 21–24). Несомненно, глава «Привлекательные черты морлаков и иллирийцев» должна привлечь внимание отечественных славяноведов.

На этом фоне изложению своего литературного кредо и анализу своих произведений, начиная от создания шутовской академии Гранеллески и заканчивая периодом постановки десяти фьяб и победы над Гольдони и Кьяри (1760–1765 гг.) в «Бесполезных мемуарах» уделено совсем немного внимания (с. 53–62). Едва ли не больше места в воспоминаниях занимают различные иронические замечания Гоцци о странных случаях в его жизни, в которых якобы можно подозревать происки нечистой силы — замечания, которые исследователи не воспринимают всерьез. Еще С.С. Мокульский отмечал, что, хотя позже немецкие романтики и проявят интерес к пьесам венецианца, между их фантастикой и фантастикой Гоцци — «дистанция огромного размера» [Гоцци, 1956: 36]. Однако страницей ниже Мокульский признает, что все-таки Гоцци, «по существу, прокладывает дорогу романтизму», и это не случайно.

Причины этого выходят за пределы собственно литературы — в область социально-политических взглядов Гоцци. Отечественный читатель уже имел возможность познакомиться с текстом последних двух фьяб 1765 г. — «Зеленая Птичка» и «Дзеим, царь джиннов, или Верная раба» и с анализом их идейного содержания в работах С.С. Мокульского и Н.

Томашевского [Гоцци, 1956: 31–33, 36–38; Гоцци, 1989: 7–9]. Эти две фьябы – единственные, в которых политизированность Гоцци выходит на первый план. Систематическая критика всего просветительского мировоззрения, начатая Гоцци с опровержения литературных теорий Гольдони, нашла свое завершение в злой и горькой сатире на проповедуемые просветителями идеалы эгоизма, атомарного индивидуализма, буржуазных нравов. Будучи выходцем отнюдь не из самой знатной семьи, свои силы Карло Гоцци посвятил защите традиционного сословного строя Венецианской республики, господства аристократии, сохранения традиционных ценностей у крестьян, апологии католической морали. «Осмеяние некоторых основных принципов просветительской философии было там настолько ядовитым, что, по словам автора, сняв рясу и надев маску, спектакли посещали монахи даже самых строгих орденов» [Гоцци, 1989: 7]. Всё французское, особенно парижское, под пером Гоцци уже в 1765 г. стало синонимом порочности и разврата; «Зеленая Птичка» и «Дзеим» стали доказательством в художественных образах гибельности просветительских идеалов для Венецианской республики.

«Бесполезные мемуары» добавляют живых красок в характеристику консерватизма Гоцци. В течение 35 лет не менявший парика и пряжек, лишь бы не надевать ничего новомодного французского [Гоцци, 1956: 36], и в течение 45 лет не менявший прическу (с. 53) драматург проявил завидное упорство в противодействии тем идеям, которые,

как он полагал, были занесены в Венецианскую республику исключительно извне и погубили ее.

Забытый публикой в совсем еще не старом возрасте Гоцци не преминул подвести и общественно-политические итоги своей эпохи. Уже в 1780 г. последнюю страницу своих мемуаров он наполнил тревожными и грозными «политическими слухами» из-за Альп о «равенстве», которое Гоцци считал «философическим мечтанием». В печать «Бесполезные мемуары» были подписаны 17 марта 1797 г., и цензура уже не пропустила в печать целиком послесловие Гоцци о «невозможной демократии» и «обманчивой иллюзии свободы» (с. 109–110), а уже менее чем через два месяца Венецианская республика прекратила существование, город был безжалостно разграблен наполеоновскими войсками.

«Сведения о последних годах жизни Карло Гоцци почти отсутствуют», – сетовал де Мюссе. Лишь немногие письма дают понять, что чувствовал старик-драматург, видя гибель своего отечества. Он нашел в себе даже силы поздравить французов с победой, оговариваясь при этом: «Я венецианец душой, и вы простите мои слезы, если возвышение вашей родины влечет за собой унижение и разрушение моей» (с. 112). После 1797 г. Гоцци даже как будто признал основные постулаты республики и демократии, вставил в свои сочинения лицемерное предисловие о свободе, равенстве и братстве [Гоцци, 1956: 37], однако его оговорка, что сам он не в состоянии последовать за новыми поряд-

ками, вкпе с по-прежнему пренебрежительной трактовкой просветительской драматургии Гольдони как непотопляемого мусора (с. 113), позволяют характеризовать Гоцци как небывало стойкого консерватора.

К вопросу о годах старости Гоцци следует добавить, что многие даты его жизни сами по себе спорны, однако перевод де Мюссе и вторичный перевод Л.М. Чачко добавили путаницы. Так, шестидесятилетний драматург в 1780 г. превращается в «пятидесятилетнего», а его пятидесятилетие в 1770 г. — в «сорокалетие» (с. 109, 112). Вкпе с погрешностями перевода (название одного и того же театра то переводится на русский как театр св. Иоанна Златоуста и даже «Св.-И. Златоуста» на с. 100 и 105, то транслитерируется как Сан-Джованни-Кризостомо на с. 60 и 62) такие ошибки, несомненно, портят впечатление от перевода.

Вместе с тем значение русского издания «Беспольных мемуаров» сложно переоценить, и не в последнюю очередь потому, что оно служит дополнительным аргументом в пользу гипотезы о формировании консерватизма как антибуржуазной, антипросветительской идеологии еще до 1789 г. Более того, пример Карло Гоцци особенно примечателен демонстрацией того, что в эпоху своего становления консерватизм в Европе вовсе не обязательно означал защиту монархии как формы правления — он активно развивался и в аристократических республиках.

Среди апологетов традиционного сословного строя второй половины XVIII — начала XIX в. был не только венецианский патриций Гоцци, но и ведущий государственный деятель Оснабрюка Юстус Мёзер, нидерландский (фризский) философ Франц Гемстергейс, швейцарский патриций из Берна Карл-Людвиг Галлер. В этом отношении переведенный Л.М. Чачко текст, при всех оговорках, несомненно, отнюдь не «беспольен» и заслуживает признательности.

REFERENCES

Gocci K. Bespoleznye memuary (fragmeny) // Hrestomatija po istorii zapadnoevropejskogo teatra / Pod red. S.S. Mokul'skogo. M., 1955. T. 2. S. 590–604.

Gocci K. Skazki dlja teatra. M.: Iskusstvo, 1956.

Gocci K. Skazki dlja teatra. M.: Pravda, 1989.

Gol'doni K. Komedii. Gocci K. Skazki dlja teatra. Alf'eri V. Tragedii. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1971.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гольдони К. Комедии. Гоцци К. Сказки для театра. Альфьери В. Трагедии. М.: Художественная литература, 1971.

Гоцци К. Беспольные мемуары (фрагменты) // Хрестоматия по истории западноевропейского театра / Под ред. С.С. Мокульского. М., 1955. Т. 2. С. 590–604.

Гоцци К. Сказки для театра. М.: Искусство, 1956.

Гоцци К. Сказки для театра. М.: Правда, 1989.

Т.А. Некрасова

МЕТАМОРФОЗЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ: ТОНКОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ДИКТАТУРЫ

Рец.: *Тихомиров А.А.* «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945–1961 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 310 с.

Ввиду номинального окончания Холодной войны внимание к практике социалистического эксперимента существенно возросло — в первую очередь благодаря возможности пересмотреть сами основы глобальных теорий, во имя которых возводились социалистические диктатуры. Сдавший свои позиции марксизм силится сохранить хоть какие-то рубежи в истории науки, прикрываясь ярлыками теорий с приставкой «нео-» и заимствуя методы своих идейных родственников-постмодернистов, например пристальное внимание к дискурсам власти. Определенные достижения в этой области сводятся к тому, что бескомпромиссные выводы прошлого пересматриваются с новых позиций, что временами позволяет прийти к крайне удачным выводам, примиряющим идеологические противоречия. И это неудивительно, ведь истина, как известно, лежит посередине, на стыке двух противоборствующих мнений.

К подобному подходу можно причислить и книгу Алексея Тихомирова, которая посвящена распространению социалистической модели на восточную часть Германии, оказавшуюся в сфере влияния СССР. Монография рассматривает методы и практики идеологического влияния советского центра на молодую восточногерманскую периферию. Инструментом такого влияния служил культ советского вождя И.В. Сталина, принесшего в Европу мир и освобождение от национал-социализма. Речь в исследовании идет не только о внедрении в ГДР культа Сталина, но и о соотношении общества и «чужой» власти, в данном случае победителя на побежденных территориях. Еще шире — речь об обществе и власти вообще, о том, как функционирует диктатура. Ключевой вопрос нового подхода следующий: действительно ли диктатура сводится к одностороннему диктату нелегитимного лидера? Как говорит о своей методологии автор, анализ фе-

номена власти, трактующий ее как форму осуществления «легитимного насилия», уступает в исторической науке место феномену власти как социальной практики, т. е. формы взаимодействия власти и общества (с. 32).

И в рамках этой практики отношения общества и власти показаны как взаимодействие, где вклад в поддержание отношений совершается с обеих сторон. В случае ГДР диктатура опиралась на совместное использование предложенных Советским Союзом дискурсивных практик, подразумевавших лояльность новому государству и – шире – социалистическому строю, расходящемуся из Москвы, как лучи солнца «светлого будущего». Лояльность означала не просто исключение негативных высказываний в адрес партии, правительства или режима, но и неприменную коллективную демонстрацию целого спектра «обязательных» чувств – благодарности и любви в адрес покровителя из Москвы, гордости и доверия в отношении нового социалистического государства под руководством СЕПГ. Сама по себе демонстрация этих чувств не означала искренности со стороны населения, но совместные ритуалы, во-первых, сплачивали общество, а во-вторых, замещали куда более неприятные чувства – например, чувство тревоги из-за неопределенности послевоенного будущего, вины, потери ориентиров и веры в себя и, наконец, страха: «Коннотации образа Сталина позитивными эмоциями позволили власти сделать обществу заманчивое предложение: получить доступ к источнику абсолютного доверия...

за счет дискурсивного перехода на сторону победителей» (с. 145).

Пример ГДР показателен во всех смыслах, причем оказался таковым уже в момент построения нового государства: Советский Союз с особым вниманием подходил к политике в Восточной Германии, игравшей роль «витрины социализма» (с. 8). Граница идеологического раскола была проведена через середину Германии, что превращало страну в центральный фронт «холодной войны» и полигон соперничества двух государственных, социально-экономических, идеологических систем. Соперничество было особенно явным потому, что с обеих сторон от границы располагались одни и те же немцы, еще вчера жившие общей судьбой и располагавшие одинаковыми стартовыми условиями, а сегодня, в «час ноль» 1945 г. разорвав со своим прошлым, вынужденные сделать разный выбор. В пяти главах книги А. Тихомиров обрисовывает «особый» путь Восточной Германии: первый этап охватывает новый опыт взаимодействия восточных немцев и оккупационной власти с 1945 по 1949 г. (с. 68–122); второй – дискурсивные практики в ГДР с момента ее создания и до разоблачения культа личности Сталина в 1956 г. (с. 123–203); последний, третий этап, показывает политику и практику десталинизации в ГДР (с. 229–267). Кроме того, в отдельных главах автором рассматриваются основные характеристики культа личности, методы и масштабы его распространения (с. 38–67) и сферы противодействия культу среди восточногерманского населения (с. 204–228).

В своем исследовании А. Тихомиров показывает, что создание идеологии нового советского государства было более сложным процессом, чем простое внедрение культа Сталина. В этом отношении понятие «культа» возвращает нас к первоначальному пониманию этого слова из категории библейского «не сотвори себе кумира»: хотя культ и ставит кумира в особое положение, всё же он практикуется самим обществом и сохраняется только при его участии. В отношении ГДР автор обозначает это как «феномен взаимозависимости» (с. 278) или как «самосоветизацию индивида» (с. 270). Вывод А. Тихомирова: система держалась не исключительно на принуждении, но и на взаимном принятии символических ориентиров, постоянно возрождаемых путем ритуальных практик и приносящих выгоду обеим сторонам. Иначе говоря, диктатура не является статичным механизмом, а основана на взаимодействии сторон, пересмотре достигнутого «соглашения» в ходе постоянного торга.

Из этого следуют два вывода: во-первых, устойчивость диктатуры зависит от восприятия пропагандируемых идей реципиентами. Никакой террор в отсутствие поддержки общества не может обеспечить поддержание режима. Во-вторых, и при диктатуре у индивида сохраняется возможность выбора: это противостояние режиму, «уход в себя» или же участие в разнообразных процессах социальной мобильности. Даже полностью отвергая власть, население могло прибегать к возможным, предоставленным режимом, что свидетельствует о «гибридно-

сти поведения субъекта, который приспособлялся, договаривался и сопротивлялся в условиях диктатуры одновременно» (с. 279).

Разумеется, всем участникам было очевидно то лицемерие, на котором от начала и до конца был выстроен культ личности Сталина, однако «подобная политика цинизма оказывалась достаточно эффективной, так как позволяла достичь иллюзорности социального консенсуса» (с. 277). Кроме того, новый режим предлагал эффективное решение «германской проблемы», от которого вряд ли кто-то захотел бы отказаться — тянущее и разрушительное чувство вины за преступления национал-социалистического государства прорабатывалось с такой скоростью, которой позавидует современная психология: «Поклонение Сталину предлагало переосмысление концепции национальной гордости, чести и патриотизма, табуированных вследствие падения Третьего рейха, но получивших шанс на реабилитацию и новое смысловое наполнение в практиках выражения солидарности с Советским Союзом» (с. 270). Советский путь позволял избежать той мучительной работы над собой и своим прошлым, которую проделала в послевоенные десятилетия Западная Германия. Теперь, в рамках объединенной Германии, конфликтное взаимодействие противоположных дискурсов затрудняет примирение национального прошлого. Поиск интегрирующего символа ведется сегодня совсем на других основах — не в последнюю очередь благодаря богатому опыту социалистической диктатуры в ГДР.

В завершение следует указать на одну осязаемую лакуну исследования — почти полное отсутствие параллелей с культом Гитлера и его учета в контексте проведенного анализа. Совершенно очевидно, что все характеристики, которые автор справедливо относит к составляющим культа Сталина, были до боли знакомы восточногерманскому населению, так что каждая деталь пропаганды, каждая тонкость идеологического или эмоционального воздействия должна была напоминать о недавнем аналоге, национально и исторически гораздо более близком, чем ново-

испеченный «кумир» из Москвы. Какие сходства и различия прослеживаются между двумя культурами? Как идентичность формы сказывалась на восприятии содержания культа? Можно ли обнаружить признаки приобретенной «ментальной устойчивости» немцев против узнаваемых методов диктатуры? Ответ на все эти вопросы требует, разумеется, отдельного исследования, к тому же анализ восприятия культа личности обществом затруднен ввиду слабой репрезентативности источниковой базы. Тем не менее, эти вопросы должны быть поставлены и учтены.

В.В. Таки

Рец.: *Figes O. Crimea: The Last Crusade. London: Penguin Books, 2011. 575 p.*

Орландо Файджес написал очень британскую книгу. Она свидетельствует о широкой эрудиции автора, хорошо аргументирована и заставляет задуматься. Тема, уже много раз излагавшаяся историками дипломатии и войн, приобретает в этой книге новое звучание благодаря использованию автором методов и подходов, свойственных истории культуры. Файджес рассматривает борьбу православных и католиков за обладание святыми местами, кратко и ясно освещает дипломатические переговоры, предлагает панорамный обзор и детальные зарисовки сражений, а также психологические портреты основных участников этой драмы — Николая I, Пальмерстона, Наполеона III, лорда Раглана и множества менее значимых, но не менее интересных персонажей. География книги не ограничивается Крымом и основными европейскими столицами, но включает также берега Дуная и Кавказ. Несмотря на эту всеохватность, повествование хорошо структурировано и позволяет читателю окунуться в подробности, не теряя при этом общей картины происходящего. Автор безошибочно чувствует, где прервать свой рассказ историческими экскурсами и биографическими зарисовка-

ми, которые позволяют читателю перевести дух, прежде чем снова погрузиться в стремительно развивающиеся события полуторавековой давности. Несмотря на почти 500 страниц текста, книга Файджеса читается легко и с большим интересом и будет полезна как специалистам, так и широкой публике.

Файджес представляет Крымскую войну кульминацией многовековой борьбы православной России против мусульманской Османской империи, подобной крестовым походам Запада. В этом смысле автор выступает продолжателем линии Дэвида Голдфранка [Goldfrank, 2002] и Мары Козельски [Kozelsky, 2010], которые настаивали на религиозном характере Крымской войны для российской стороны. Согласно Файджесу, поведение Николая I накануне войны отражало его безграничную веру в свою священную миссию, в то время как жестокость, проявленная его солдатами, свидетельствовала о воздействии православной пропаганды на широкие массы населения. Из книги следует, что агрессивность России была следствием домодерного иррационального религиозного сознания, в рамках которого «границы и международные обязательства

понимались исключительно в категориях веры» (р. 9).

Читателю не стоит торопиться принимать на веру основной тезис Файджеса. Дело тут даже не в религиозном характере Крымской войны, — она действительно имела элементы межконфессионального конфликта, — а в ретроспективном проецировании этого утверждения на предыдущие русско-турецкие войны. На самом деле двусторонние отношения между Московским государством и Османской империей до конца XVII столетия отличались редкостным миролюбием, несмотря на религиозные различия. Последовавшие же затем столкновения были прямым следствием интеграции России в систему европейского равновесия. В 1686 г. австрийская дипломатия втянула Москву в антиосманскую коалицию, что повлекло за собой первую русско-турецкую войну петровского царствования. Вторая война Петра с Османской империей, в 1710–1713 гг., началась против его воли и была среди прочего следствием усилий Карла XII отыграть проигранное в Полтавском сражении. Война 1768–1774 гг. была объявлена Портой с подачи французской дипломатии, стремившейся подорвать российскую гегемонию в Речи Посполитой. Соперничество Великобритании и Франции в Средиземноморье позволило российскому флоту заручиться британской поддержкой во время Первой Архипелагской экспедиции, которая увенчалась разгромом турецкого флота при Чесме в 1770 г. Наконец, русско-турецкая война 1806–1812 гг. была производной противостояния России и Наполеоновской Франции.

Европеизация российских элит повлияла на способы легитимации агрессивной «восточной политики» Петербурга как внутри страны, так и за ее пределами. Знаменитый «греческий проект» Екатерины II начала 1780-х гг. уходит своими корнями в ее переписку с Вольтером. Предполагавшийся этим проектом раздел Османской империи должен был осуществляться в тесном сотрудничестве с Австрией — державой, которая являлась краеугольным камнем системы европейского равновесия. В 1804–1806 гг. министр иностранных дел Александра I Адам Чарторыйский предложил план балканской федерации под эгидой России. Этот план был частью проекта всеобъемлющего переустройства Европы, направленного против Наполеона, реализовывать который царь намеревался в союзе с Англией. С другой стороны, в своих манифестах по поводу начала войны с Османской империей в 1768, 1787 и 1828 гг. ни Екатерина II, ни ее внук Николай I ни словом не упомянули о «священной войне» против ислама в защиту угнетаемого православия. Вместо этого манифесты порицали нарушение османами российско-турецких договоров и попрание ими международного права или «права народов» терминологии того времени. Другими словами, пресловутое стремление России на Юг было в не меньшей степени следствием европеизации страны, чем реализацией формулы «Москва — третий Рим», к которой Файджес апеллирует (р. 9) не обращая внимания на многочисленные сомнения, высказанные историками относительно того, насколько эта формула могла определять

политическую идеологию и конкретную политику царей.

В своем описании дипломатического кризиса, приведшего к войне, Файджес рассматривает православие в качестве исходной детерминанты российской внешней политики, при этом не объясняя, каким образом оно стало выполнять эту функцию. В момент возникновения греческого кризиса 1820-х гг. Александр I, как известно, отказался объявлять войну султану в защиту единоверцев даже после того, как османы повесили православного патриарха Константинополя за то, что он якобы тайно поощрял греческое восстание. Вместо этого царь избрал курс на «умиротворение Греции» дипломатическими путями во взаимодействии с другими европейскими державами. Придя к власти в декабре 1825 г., Николай I в течение нескольких лет продолжал эту политику. Разрешение греческого кризиса в начале 1830-х гг. убедило царя в возможности договориться с Англией по восточным делам. К этому царь стремился и во время своего визита в Лондон в 1844 г., и в своих разговорах с британским послом в Петербурге лордом Гамильтоном Сеймуром в январе 1853 г. При этом и в конце 1820-х, и в начале 1850-х гг. Николай I и его дипломаты были заинтересованы в сохранении Османской империи в качестве удобного «слабого соседа», чему существуют документальные подтверждения. Вот почему если руководители российской внешней политики и преувеличивали возможность падения Турции, такая возможность для них было скорее проблемой, нежели поводом для

радости. Хотя неосторожные слова царя о Турции как об «умирающем медведе» (которого издатели «синих книг» британского Парламента ради соблюдения приличий заменили на «больного человека») и могли быть неправильно интерпретированы европейскими дипломатами, современные историки не должны допускать той же ошибки.

Файджес предоставляет мало доказательств того, что Николай I «строил союзы со славянскими народами, готовясь в раздлу Османской империи». Во всяком случае, стихи Тютчева, которые автор цитирует (р. 90–92), не могут являться свидетельством одобрения царем панславистских идей до разрыва отношений с Портой в июне 1853 г. Когда же к концу этого года Николай I почувствовал, что оказался в дипломатической изоляции, он действительно стал относиться к панславизму с большей симпатией, о чём свидетельствуют его пометки на полях писем М.П. Погодина. Однако даже если царь и обратился в конце концов в панславистскую веру, это обращение произошло лишь после того, как поражение России в дипломатическом кризисе 1852–1853 гг. стало очевидным, а потому оно не может считаться фактором, приведшим к этому кризису. Другими словами, православие и славянство стали определять отношения России с остальным миром лишь после сбоя в привычном выступлении Петербурга в «европейском концерте». Описанная в книге психология Николая и непонимание им британской внутренней политики (р. 60–71) объясняют этот срыв гораздо лучше, чем попытка Файд-

жеса приписать царю убеждение, что освобождение славян является его «священной миссией» (р. 133).

Описание боевых действий составляет примерно половину текста книги. Читатель найдет здесь доступное изложение событий на дунайском и крымском театрах, представляющее собой хороший пример культурной истории войны. Конечно, Файджесу стоило объяснить, почему определение «первая модерная война» более подходит конфликту в Крыму, а не Наполеоновским войнам, как на том весьма убедительно настаивает Дэниел Белл [Bell, 2007]. Однако отсутствие сравнения между Крымской войной и другими конфликтами, претендующими на звание «первой модерной войны» компенсируется описаниями тех аспектов войны, которые действительно изменились в ходе столкновения великих держав на Крымском полуострове (телеграф, журналистские репортажи, медицинская служба и логистика). Весьма любопытны и проводимые автором сравнения британской и французской армий, из которых можно сделать вывод о явном превосходстве последней. Файджес практически ничего не говорит о вызванных войной изменениях в кораблестроении, фортификации и тактике и, наверное, не стоит их ждать от автора, специализирующегося на истории культуры.

Файджес ведет повествование преимущественно с точки зрения союзников, особенно британцев. Если учесть, что существует обширная англоязычная литература, которая анализирует историю Крымской во-

йны в том же ключе, появление еще одной подобной работы вызывает некоторое разочарование, особенно принимая во внимание, что написана она известным специалистом по истории России. Перекос особенно заметен, если обратиться к списку используемых Файджесом опубликованных источников. В то время как автор широко привлекает письменные свидетельства британских участников основных сражений Крымской войны, того же нельзя сказать о почти сотне дневников и воспоминаний российских ветеранов. Неизбежным следствием этого перекоса является ориентализирующее описание российской армии в битвах при Альме и Инкермане. Файджес удачно передает физические и моральные страдания участников «первой модерной войны». Однако избранная автором точка зрения и круг используемых им источников делают чувства, мысли и переживания французских и особенно британских военных гораздо более близкими читателю, чем чувства, мысли и переживания их российских противников. Последние зачастую заменяются ссылками на чудовищные размеры российских потерь.

Перекос в сторону союзников еще более очевиден в описании битвы за Севастополь. Файджес смотрит на этот центральный эпизод Крымской войны глазами осаждающих, но не осажденных. Как бы ни были велики испытания и лишения британских и французских солдат, участвовавших в это продолжавшейся почти год осаде, испытания и лишения российских защитников Севастополя были наверняка еще боль-

шими. И тем не менее автор лишь мимолетно описывает их чувства и настроения, в основном опираясь при этом на «Севастопольские рассказы» Толстого. Файджес упоминает инженерный гений Тотлебена, но практически не рассматривает стратегии и действия оборонявшихся. Роль флота в обороне Севастополя также не раскрывается сколько-нибудь полно. Файджес не упоминает, что российские флотские команды набирались из свободных людей, а не из крепостных и государственных крестьян, поступавших в солдаты. Поэтому читателю трудно будет понять исключительную стойкость и находчивость защитников Севастополя, составлявшую столь явный контраст с неэффективными действиями российских войск, противостоявших союзникам за стенами крепости. Наконец, при всем том, что Файджес пишет историю именно *осады*, а не *обороны* Севастополя, он уделяет больше внимание британцам, что вряд ли понравится французским читателям, чьи предки, по признанию самого автора, несли на своих плечах основное бремя осады.

В начале своего повествования Файджес справедливо критикует тех историков, которые сводили Восточную войну к действиям союзников в Крыму и осаде Севастополя. Однако используемые автором источники и ожидания его целевой аудитории не позволили ему в полной мере исправить этот недостаток. Военные операции 1854–1855 гг. на Балтике и в Малой Азии практически не получают освещения в книге Файджеса. Так, например, российской осаде Карса уделяет-

ся всего две страницы (р. 398–399) в контексте рассмотрения дипломатических маневров, приведших к Парижскому конгрессу. Тем самым из поля зрения читателя выпадают те театры войны, на которых действия российской армии были в целом успешны, а также минимизируется турецкий вклад в усилия противостоявшей ей коалиции. Оставляя русских, османов и французов в тени, Файджес, безусловно, создал очень британскую работу.

В книге относительно немного анахронических суждений, да и те касаются в основном контекста, а не основной сюжетной линии. Особенно бросаются в глаза слова автора о том, что «русские правители опасались исламской оси, угрожавшей южным окраинам империи, чье мусульманское население быстро увеличивалось отчасти за счет высокой рождаемости» (р. 17). Эти строки не только звучат так, как если бы они были заимствованы из современной публикации англоязычных СМИ о путинской России, но и к тому же отрицают весьма толерантную политику в отношении мусульман, проводившуюся Екатериной II и ее ближайшими преемниками¹. Десятью страницами далее любой читатель, хоть сколько-нибудь знакомый с болгарской церковной историей, с удивлением прочтет, что «в первой четверти XIX в. национальные церкви (болгарская и сербская) обрели не меньшую значимость, чем константинопольская иерархия, в которой доминировали

¹ Что в свое время было наглядно проиллюстрировано работами Алана Фишера, Елены Вишленковой и Роберта Круза [Fisher, 1968; Вишленкова, 2002; Crews, 2006].

греки» (р. 29). В числе фактологических неточностей стоит отметить, что болезнь, поразившая российские войска в войне 1828–1829 гг., была чумой, а не холерой, как о том ошибочно пишет Файджес (р. 119). По завершении этой войны временная российская администрация в дунайских княжествах делала экономические уступки не крестьянам, как неверно утверждает автор (р. 42), а боярам-землевладельцам, стремясь заручиться поддержкой последних. В 1854 г. русские гренадеры никак не могли осаждать «хорошо укрепленную турецкую крепость Браилов» (р. 168), ибо она была взята ими еще в 1828 г. и по условиям Адрианопольского мира 1829 г. перешла под юрисдикцию Валахии. Наконец, «Одесский Вестник» не был «единственной российской газетой во всем Причерноморье к моменту битвы при Альме» (р. 313) — к тому времени существовали как минимум еще две.

Файджес анализирует, каким образом Крымская война повлияла на Российскую империю. Опираясь на исследования российско-османских «обменов населением», он описывает массовую эмиграцию крымских татар, ставшую неизбежным следствием православного «освоения» полуострова, описанного Марой Козельски [Kozelsky, 2008; 2010]. Файджес также упоминает решение царя и его военачальников раз и навсегда покончить с сопротивлением северокавказских племен после того, как гибель российского черноморского флота облегчила доставку британской помощи Шамилю. Практиковавшаяся в послевоенный период россий-

скими военными властями на Кавказе политика насильственного переселения горцев и поощрение их эмиграции в Турцию является одним из истоков модерной «политики населения», впервые концептуализированной Питером Холквистом [Holquist, 2001]. Файджес также описывает политику царизма в 1860-е гг., сочетавшую имперскую экспансию в Средней Азии с внутренними реформами, необходимость которых была столь очевидно продемонстрирована поражением в Крыму. В этом контексте автор делает весьма спорное утверждение о том, что проявившаяся в период войны англофобия «имела давнюю традицию в России» (р. 315). Даже если не принимать во внимание очевидное англофильство русской аристократии, российское восприятие Британии в николаевский период было, безусловно, более сложным, чем британское восприятие России в тот же период². В отличие от британской русофобии, расцветшей в 1830–1840-е гг. буйным цветом, российская англофобия в предвоенный период только зарождалась и не имела практически никакого влияния на решения царского правительства в период дипломатического кризиса 1852–1854 гг.

По мнению Файджеса, положение Парижского мира 1856 г. о демилитаризации Черного моря свидетельствовало о том, что Россия в глазах союзников была «азиатской страной» (р. 442). Тут автор повторяет глупость, афористически

² Что следует из параллельного чтения работ: [Ерофеев, 1982; Gleason, 1950].

высказанную другим известным британским историком, А.Дж.П. Тейлором, 60 лет тому назад, согласно которой союзники никогда не навязали бы подобного условия потерпевшей поражение державе, которую они бы действительно считали европейской. Какой бы унижительной ни казалась Александру II демилитаризация Черного моря, она не идет ни в какое сравнение с тем, что Наполеон заставил испытать прусского короля Фридриха-Вильгельма в 1807 г. в Тильзите, когда он отобрал у Пруссии половину территории, обязал сократить армию до 40 тыс. человек и наложил на страну ежегодную дань. Навязчивое стремление Файджеса подчеркнуть унижение России скрывает от читателя, насколько малы были на самом деле российские потери, особенно если рассматривать их на фоне вынашивавшихся Пальмерстоном в период войны планов по территориальному расчленению империи Романовых. В этом контексте эпитет «полудикий», которым Пальмерстон охарактеризовал российского представителя на Парижском конгрессе графа А.Ф. Орлова, стоит рассматривать скорее как свидетельство раздражения главы британского правительства, вызванного искусным использованием российской дипломатией противоречий между союзниками. Конгресс был испытанием способности России минимизировать последствия поражения на поле боя посредством дипломатии — испытанием, через которое в какой-то момент приходилось пройти всем великим державам. Свидетельство успешного преодоления Россией этого испытания можно найти

в словах французского министра иностранных дел графа Валуевского, оброненных им по прочтении окончательной редакции мирного договора: «Et la puissance vaincue, où est-elle?»³

REFERENCES

Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Houghton: Mifflin Co., 2007.

Creus R.D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

Erofeev N.A. Tumannyj Al'bion: Anglija i anglichane glazami russkih, 1825–1853. M.: Nauka, 1982.

Fisher A.W. Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // *Slavic Review* 27. 1968. N 4. P. 542–553.

Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950.

Goldfrank D.M. The Holy Sepulcher and the Origins of the Crimean War // *The Military and Society in Russia, 1450–1917* / Eds. Erik Lohr and Marshall Poe. Leiden: Brill, 2002. P. 491–505.

Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R. Suny and T. Martin. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001. P. 111–145.

Kozelsky M. Casualties of Conflict: Crimean Tatars During the Crimean War // *Slavic Review*. 2008. N 4, vol. 67. P. 866–891.

Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010.

³ И где же побежденная держава? (франц.)

Vishlenkova E.A. Zabotjas' o dushah poddannyh: religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti 19 veka. Saratov: Saratovskij gos. un-t, 2002.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти 19 века. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2002.

Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853. М.: Наука, 1982.

Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Houghton: Mifflin Co., 2007.

Crews R.D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

Fisher A.W. Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // *Slavic Review* 27. 1968. N 4. P. 542–553.

Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1950

Goldfrank D.M. The Holy Sepulcher and the Origins of the Crimean War // *The Military and Society in Russia, 1450–1917* / Eds. E. Lohr and M. Poe. Leiden: Brill, 2002. P. 491–505.

Holquist P. To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R. Suny and T. Martin. Oxford, UK: Oxford University Press, 2001. P. 111–145.

Kozelsky M. Casualties of Conflict: Crimean Tatars During the Crimean War // *Slavic Review*. 2008. N 4, vol. 67. P. 866–891.

Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping Sacred Space in the Russian Empire and Beyond. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010.

И.В. Аладышкин

PRO-БАКУНИН: «РУССКИЙ ПУТЬ» ИСТОРИОГРАФИИ БУНТАРЯ

Рец.: М.А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. СПб.: Издательство РХГА, 2015. 1050 с. (Русский Путь)

Признание особой роли анархизма в истории российского освободительного движения давно превратилось в неотъемлемый элемент описания его специфики и влияния на международную революционную традицию. По крайней мере анархизм отнюдь не числится среди очередных репрезентаций западных идей на российской почве. Становление анархистского учения и превращение его в одну из ключевых мировых революционных практик оказалось тесно сопряжено с эволюцией отечественной общественно-политической мысли, впервые во всеуслышание заявившей о себе и включившейся в мировой контекст развития революционного движения как раз в рамках его либертарного ответвления. Поэтому знаменательно, что именно фигура М.А. Бакунина открывает ряд публикаций по русскому анархизму в масштабном проекте РХГА «Русский путь», более известном широкой публике по подзаголовку «Pro et contra».

Именно Бакунин, будучи одним из родоначальников анархистского учения, сыграл ключевую роль

в превращении его в международную революционную практику. В качестве своеобразных предтеч анархизма, а то и первых его сторонников в России, указывали и на других общественно-политических деятелей 40–60-х гг. XIX столетия, обнаруживая анархистские мотивы чуть ли не у славянофилов [Русов, 1926: 37]. Но даже если видеть в Н.В. Соколове, Н.Д. Ножине, Н.П. Баллине первых отечественных последователей Прудона и Штирнера [Канев, 1987: 82; Ермаков, 1996: 65; Кривенький, 1996: 35; Грачёв, 2007; Рябов, 2010: 32], то положение М.А. Бакунина и его роль в истории становления теории и практики анархизма, да и освободительного движения в целом как в России, так и за рубежом, ничуть не изменится.

Наверно, как никто другой из широко известных российских теоретиков анархизма, включая П. Кропоткина и Л. Толстого, Бакунин оказался глубинно связан с самими представлениями о сущности анархизма в глазах критики и широкой общественности. Великий бунтарь олицетворял саму стихию, ключевой нерв этого движения, саму его пси-

хологию, заодно оказываясь и ответственным. Ведь на его имя так часто переносилась критика и обличение борьбы за идеалы безвластия, за утопичность ее теории и крайность тактики. Имя М. Бакунина стало той точкой, в которой зачастую сходятся общие оценки феномена русского анархизма, его успехов и поражений, оно действительно стоит первым в ряду тех имен, посредством которых оправдана проблематизация системы противогосударственных идей и практик в тесной связи с отечественной культурой.

Проект «Русский путь» и сборники «Pro et contra» изначально замысливались в стремлении представить отечественную культуру в системе сущностных суждений о самой себе, отражающих динамику ее развития во всей ее противоречивости. В свете подобных стремлений обращение к анализу анархизма и в частности к М. Бакунину кажется более чем закономерным. Если уж писали об анархизме как о создании «по преимуществу русского национального духа», заражающем Европу «своим бунтарством и радикализмом» [Бердяев, 1907: 143], то писали в первую очередь о Бакуanine. Можно сказать больше. В его неукротимой натуре и бурной деятельности, в его максимализме и непреклонности узнаётся сама русская революционная стихия с ее непомерными претензиями и колоссальным размахом. А в идейных метаниях и общем ходе мировоззренческой эволюции Бакунина контрастно вырисовывается один из полюсов векового противостояния индивидуальных и общественных начал, амбивалентности пределов личной свободы и государственной власти.

Трудно не согласиться с П.И. Талеровым, составителем и автором вступительной статьи антологии, что «личность Михаила Александровича Бакунина, его жизнь и взгляды всегда находились в центре пристального внимания... и этот интерес не увядает по сей день, несмотря на иные поспешные пророчества как о крахе анархистских идей в бесклассовом обществе, так и о предстоящем забвении их авторов и апологетов» (с. 8). Даже в «мертвый сезон», каковым обернулись для анархизма 30-40-е гг. советской историографии, М. Бакунин оставался в привилегированном положении среди всех иных теоретиков анархизма. По крайней мере, тогда продолжали выходить работы, посвященные анархистским воззрениям Бакунина, хоть и в свете неустанной борьбы с ними классиков научного коммунизма. В новом тысячелетии наблюдается очередной виток роста интереса к судьбе и наследию Бакунина: выходят монографии, сборники статей, с 2001 г. каждый год проводятся Прямухинские чтения – конференции по истории рода Бакуниных и прежде всего Михаила, а также истории развития анархических идей и проблемам их современной реализации. Только прошлый год, когда отмечалось 200-летие со дня его рождения, ознаменовался целым рядом конференций и научных симпозиумов в России и за рубежом с последующим выпуском сборников материалов [М.А. Бакунин – философ, социолог, революционер... 2014; Человек из трех столетий... 2015].

Волей-неволей задашься вопросом – насколько уместна еще одна

книга о Бакуanine, да еще какая — в тысячу страниц? Что нового антология «М.А. Бакунин: pro et contra» может предложить и что привнесет в бакуниноведение, и, соответственно, в достижение главной задачи всего проекта — анализ специфики русской культуры, того самого «русского пути»? Одна из главных особенностей изданий серии «Pro et contra» — не просто разнообразие имен и оценок, но качественная разнородность публикуемого материала. Многообразие идеологических/исследовательских ориентаций преумножается временной дистанционностью авторов и широчайшим спектром видов и жанров приводимой литературы. При выверенной ее систематизации эти антологии выгодно выделяются из ряда иных сборников статей, документов, материалов конференций и т.д. в силу своего разнообразия и прежде всего контрастности, когда равноправно сталкиваются принципиально различные, противоположные, а подчас и взаимоисключающие точки зрения.

Безусловно, работа с выбранным материалом, неминуемо затрагивающим весьма щепетильные вопросы оценочных критериев отечественной интеллектуальной традиции, требует максимальной корректности. Хотя главная трудность заключается отнюдь не в мерах предосторожности. Сложнейшая задача составителей — увязать воедино разнообразие с неизбежной стандартизацией и согласованностью материала при сохранении его информативности и системности. Кажется, в случае с рассматриваемой анто-

логией это удалось, хоть и не в полной мере в отношении последних разделов, избавленных от публицистических перегибов и содержащих преимущественно взвешенные аналитические статьи.

За именем М. Бакунина вырисовывается полуторавековая революционная традиция с чередой действительно жарких споров и бурных дискуссий, в которых были задействованы крупнейшие мыслители, писатели и политики. О нём писали и пишут на многих языках мира, в России и в ряде других стран давно сложились устойчивые традиции бакуниноведения, вырабатывающие конкретные модели отношения и восприятия, стоящие на страже образов великого бунтаря. И сегодня уже невозможно вырваться за пределы авторитета и традиций. Критиковать работу Бакунина «Государственность и анархия» с той легкостью, с какой это делает П.Н. Ткачев в своем очерке «Анархия мысли» (с. 86–99), уже вряд ли кто себе позволит. О Бакуanine давно невозможно писать так, как писали впервые открывшие его произведения и судившие о нём под минимальным давлением свидетельств истории революционного движения и утверждений сонмища историков и философов. Бакунина уже никто не позволит себе обличать так, как обличал М.Н. Катков («Кто наши революционеры (Характеристика Бакунина)» — с. 71–80) и никто не сможет переживать его уход из жизни так, как переживал П.Л. Лавров («Похороны М.А. Бакунина» — с. 82–85). Современное бакуниноведение лишилось и той резкости, что была санкционирована в стране советов.

Сборники «Pro et contra» даруют возможность не просто еще раз обратиться, а возможно, и познакомиться с оценками выдающихся людей России, оценками, обусловленными совершенно иными, уже недоступными импульсами и мотивами. В рамках одного-двух томов предлагается разносторонний и предельно контрастный взгляд буквально сталкивающихся оценочных суждений на языке разных эпох, с разной экспрессией, неотредактированной и не приглаженной исследователями. Последнее само по себе дарует уникальный аналитический опыт и содействует проблематизации устойчивых стандартов восприятия.

Рассматриваемая антология охватывает временной интервал от писем В.Г. Белинского 30-х гг. XIX в. до оригинальных статей современных исследователей. Оценки личности Бакунина и критика его творчества представлены в письмах, фельетонах, очерках, некрологах, эпитафиях, отрывках из воспоминаний, полемических заметках и научных статьях, которые дают всестороннюю характеристику знаменитого революционера, а заодно определенный срез как русского анархизма, так и общественно-политической жизни в целом. При этом практически весь сборник удалось выдержать именно в духе противостояния «pro et contra» и только к концу конфронтация, постепенно смягчаясь, сходит на нет, в какой-то мере оспаривая слова о сохранении «как почитателей, так и откровенных врагов» Бакунина (с. 7).

Если судить по последним разделам, то можно смело констатировать

торжество «почитателей». Все-таки современные исследователи, особенно те, что действительно вносят нечто новое в изучение наследия Бакунина, — люди увлеченные. В данном же сборнике верх взяла именно исследовательская позиция, которая несколько потеснила публицистическую разноголосицу и то множество мифов, которыми окутана фигура М. Бакунина. В этом есть свои плюсы и минусы. С одной стороны, такая расстановка приоритетов вполне отражает общую эволюцию изучения анархизма и бакуниноведения, да и задачи самих составителей, заявленные уже в самом заглавии антологии — «Личность и творчество М. Бакунина в оценке отечественных исследователей». Однако, с другой стороны, читателя не оставляет чувство несоответствия, так как легендарную личность должны сопровождать легенды.

Повествование сборника разворачивается самым безопасным путем — в хронологической последовательности написания и публикации текстов. Конечно, такой подход позволяет выстроить общую картину эволюции не только бакуниноведения, но и оценок анархизма, а вместе с тем многих вопросов, которые тянут за собой: специфики революционного максимализма, отношения к государству и т. д. Однако в хронологической систематизации таится серьезная опасность нарушить логику повествования. И кажется, иногда хронологическая формальность вредит последовательности и реализации параллельных с восстановлением историографических тенденций задач

антологии, что обращает на себя внимание уже в первых текстах.

Собственно, непосредственно публикуемые материалы открывают письма В.Г. Белинского к В.П. Боткину и самому «Мишелю», как нередко называли Бакунина близко знавшие его люди. В стиле, образности и экспрессии «неистового Виссарина» сомневаться не приходится, и письма тотчас захватывают присущей выдающемуся критику силой слова. Однако тот водоворот субъективных пристрастий, мнений, имен и впечатлений, в который ввергает читателя Белинский, требует как минимум знания биографии Бакунина соответствующего периода, представления о круге общения и специфике взаимоотношений с автором писем, а по сути предполагает осведомленность и в идейных перипетиях передовой молодежи тех лет. В то же время книга позиционируется как издание, рассчитанное на широкий, далеко выходящий за рамки специалистов круг читателей, видимо, имеющих лишь поверхностное представление о Бакунине и анархизме, о литературно-философских спорах 30–40-х гг. XIX столетия.

Всё бы ничего, если бы вступительная статья содержала необходимые для начального знакомства исторические разъяснения, однако она сконцентрирована исключительно на историографических вопросах. За письмами В.Г. Белинского следуют два текста А.И. Герцена, в том числе небольшой и емкий биографический очерк жизни Бакунина, буквально напрашивающийся на роль вводного слова в разделе «Михаил Бакунин в кругу своих

современников...». Может быть, не стоило так безукоризненно придерживаться хронологической последовательности текстов?

Такая характерная не только для первого раздела забывчивость относительно потребностей широкой аудитории несколько удивляет. Подчас удивляет сохранение исходных, иногда откровенно сомнительных комментариев к текстам. Отчего М. Штирнер, в котором нередко видели предвестника бакунинской апологии бунта, вновь предстает «одним из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма» (с. 932)? Оттого, что практически неизменными остались комментарии к полному собранию сочинений В.И. Ленина с общеизвестными штампами советского прошлого. В случае со Штирнером из исходного текста примечаний убрано лишь предложение о том, что тот «неоднократно подвергался критике со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса», хотя оно, в отличие от утверждения о мелкобуржуазности воззрений немецкого мыслителя, куда менее спорно. Странно и то, что через несколько сот страниц вновь дается ссылка на Штирнера и пояснения (с. 987), с кем же мы имеем дело, причем пояснения приводятся более подробные и лишенные марксистско-ленинских формул, но совсем не обусловленные оригинальным текстом Д.И. Чижевского. Таких огрехов немного, но, к сожалению, они влияют на первое впечатление.

Однако единичные погрешности редакторской работы, способные несколько огорчить при первом знакомстве с антологией, не изменяют общего впечатления о ней.

Она оставляет отчетливое послевкусие, когда отдаешь отчет в том, насколько хорошо согласно с общими ее задачами подобран материал. Сборник предлагает действительно лучшее из того, что написано о Бакуanine на русском языке. Причем это лучшее из многостороннего анализа и многочисленных оценок складывается в единую картину изучения личности и творчества М. Бакунина и в целом анархического типа сознания. Поэтому антология «Бакунин: pro et contra», оставаясь вполне самостоятельным изданием, в отношении вышедших за последние десятилетия исследований о великом бунтаре может рассматриваться как своеобразное и необходимое их дополнение, достоинства которого перевешивают редкие contra.

REFERENCES

Berdjaev N. Novoe religioznoe soznanie i obshhestvennost'. SPb., 1907.

Grachjov A. V. Russkie anarhisty pervoj treti XX v. o predtechah anarhizma v Rossii // Omskij nauchnyj vestnik. 2007. № 2 (54). S. 39–42.

Ermakov V. D. Rossijskij anarhizm i anarhisty. SPb., 1996.

Kanev S. N. Revoljucija i anarhizm: Iz istorii bor'by revoljucionnyh demokratov i bol'shevikov protiv anarhizma (1840–1917 gg.). M., 1987.

Kriven'kij V. V. Anarhisty-individualisty // Politicheskie partii Rossii: Konec XIX – perv. tret' XX veka. M., 1996. S. 35.

М.А. Бакунин – философ, социолог, революционер: Сборник статей участников международного научной конференции. Тверь–Прямухино. 17–18 мая 2014. Тверь, 2014.

Rusov N. N. Anarhicheskie jelementy v slavianofil'stve // Mihail Bakunin (1876–

1926). Oчерки istorii anarhicheskogo dviženija v Rossii / Pod red. A. A. Borovogo. M., 1926. S. 37–43.

Rjabov P. V. Kratkij oчерk istorii anarhizma v XIX–XX vekah; Anarhicheskie pis'ma. M., 2010.

Человек из трюех столетий (Prjamuhinskie chtenija – 2014, mezhdunarodnaja konferencija, posvjashhjoennaja 200-letiju so dnja rozhdenija M. A. Bakunina). M., 2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.

Грачев А. В. Русские анархисты первой трети XX в. о предтечах анархизма в России // Омский научный вестник. 2007. № 2 (54). С. 39–42.

Ермаков В. Д. Российский анархизм и анархисты. СПб., 1996.

Канев С. Н. Революция и анархизм: Из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840–1917 гг.). М., 1987.

Кривенький В. В. Анархисты-индивидуалисты // Политические партии России: Конец XIX – перв. треть XX века. М., 1996. С. 35.

М.А. Бакунин – философ, социолог, революционер: Сборник статей участников международной научной конференции. Тверь–Прямухино. 17–18 мая 2014. Тверь, 2014.

Русов Н. Н. Анархические элементы в славянофильстве // Михаил Бакунин (1876–1926). Очерки истории анархического движения в России / Под ред. А. А. Борового. М., 1926. С. 37–43.

Рябов П. В. Краткий очерк истории анархизма в XIX–XX веках; Анархические письма. М., 2010.

Человек из трех столетий (Прямухинские чтения – 2014, международная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина). М., 2015.

В.А. Китаев

Рец.: *Тесля А.А.* Последний из «отцов»: Биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 799 с.

Круг исследований об И.С. Аксакове пополнился трудом, жанр и объем которого, независимо от содержания, сразу же придали ему особый статус, обеспечили повышенное внимание. Речь идет о первой биографии самого яркого представителя славянофильства 1860–1880-х гг., принадлежащей перу А.А. Тесли.

Всякая попытка оценить эту книгу должна отправляться в первую очередь от ясного понимания того, какими правилами построения биографического нарратива руководствовался автор. К сожалению, в этой части объяснения своего замысла он крайне скуп. Но если бы мы имели дело только с немногословием! Что называется, с самого порога возникает ситуация, которую сегодня принято называть когнитивным диссонансом. Вопреки названию книги и содержанию аннотации, где фигурирует «биография», автор в своем предисловии предупреждает читателя, чтобы он не ждал «ни подробной биографии Ивана Аксакова, ни систематического изложения его взглядов». Написанная им книга представляет собой всего лишь собрание эссе. Форма эссе привлекла А.А. Теслю тем, что это «жанр наиболее свободный, заведомо не претендующий ни на исчерпывающий характер описаний, ни на полноту выводов» (с. 3). Эта особенность построения определенно снижает

уровень ожиданий от книги, затрудняет ее оценку.

Как первооткрыватель биографического жанра в аксаковедении А.А. Тесля имел, наверное, формальное право на то, чтобы обойти молчанием вопрос о степени изученности темы. И он воспользовался им. Но в своем повествовании автор, естественно, не мог не опираться на наиболее значительные результаты, имеющиеся прежде всего в отечественной историографии темы. Об этом выразительно свидетельствует большое число отсылок к хорошо известной специалистам книге Н.И. Цимбаева и к уже вышедшим выпускам материалов для летописи жизни и творчества Аксакова, подготовленным в самое последнее время под руководством С.В. Мотина [Цимбаев, 1978; Аксаков И.С. 2010–2013]. Думается, что уж они-то в первую очередь заслуживали быть благодарно упомянутыми в ряду предшественников.

Если с этим нашим пожеланием еще можно спорить, то вопрос об уместности, даже обязательности представления документальной основы книги совсем не дискуссионен. Ведь она имеет своим главным адресатом аудиторию отнюдь не профанов, и ей, безусловно, интересно знать, насколько достаточен и надежен источниковый фундамент исследо-

вания для решения стоявшей перед биографом Ивана Аксакова задачи. Значим также и вопрос о соотношении опубликованных и неопубликованных материалов, в том числе введенных в научный оборот самим А.А. Теслей. Информацию на этот счет, конечно, несет ссылочный аппарат. Но читатель вовсе не обязан, опираясь на нее, вести собственную аналитическую работу. Источники перечислительно представлены в библиографическом списке, однако у него есть заметный изъян: документы не отделены от литературы, они оказались «растворенными» в общем алфавитном перечне.

По мере углубления в текст всё более очевидным становится еще один аспект в проблеме источника. И он несравненно важнее, чем факт наличия или отсутствия в книге презентации документального материала. Я имею в виду вопрос о соотношении авторского и источникового компонентов в повествовательной структуре. Разные варианты его решения дают и разные «поджанры» биографического: собственно «биография», «материалы для биографии», «летопись жизни и творчества». Достигает ли автор органичного для биографии оптимума в сочетании «своего» и собственно аксаковского?

Трудно отделаться от впечатления, что повествователь чересчур легко уступает место своему герою, обильно, страницами цитируя публицистику Ивана Аксакова и его богатейший эпистолярый. Что касается последнего, то в оправдание размеров его присутствия на страницах книги можно, конечно, привести

и признание самого Аксакова в том, что письма заменяют ему дневники, и свидетельство А.Ф. Пютчевой: «И.С. иногда говорил, что кто его не знает по письмам, тот очень мало знает, что он только на бумаге умеет высказываться вполне» (с. 21). Но в биографии высказывается прежде всего повествователь, автор. В противном случае он оставляет пределы избранного жанра, сдвигается в сторону «материалов для биографии».

Итак, свобода эссеиста дополняется высокой степенью свободы источника. Последняя сполна реализуется в документальных приложениях. Они занимают 186 страниц. Их ценность неоспорима. Но в таком случае не уйти от вопроса: А.А. Тесля – автор или автор-составитель этого внушительного по своему объему тома? Вместе с пятью авторскими статьями, не имеющими прямого отношения к главной задаче (они тоже составляют особое приложение), все сопутствующие материалы занимают чуть менее трети всего текста. Эти подсчеты, могущие кому-то показаться мелочной бухгалтерией, нужны исключительно для того, чтобы подчеркнуть очевидное: у Тесли был значительный ресурс для полноценного авторского, не избирательного освоения аксаковской темы. Почему этого не произошло?

Предположу, что тут сыграла свою роль сознательная установка на минимизацию неизбежного для биографического жанра момента авторского домисливания, субъективизма. Об этом, кстати, можно было бы предупредить читателя.

Но возможно и другое объяснение. У автора просто не хватило сил и времени на освоение как открывшегося перед ним проблемно-содержательного пространства, так и разрешенного издателем объема. Весьма выразительна авторская проговорка в «благодарениях», которые идут в предисловии. «Работа вряд ли могла быть закончена в такие короткие сроки», — признается А.А. Тесля (с. 5). Если автор вынужден был торопиться, то спешка не могла не обернуться массивным вторжением на страницы книги непереработанного «сырья»¹. Не та же ли спешка преподнесла и настоящий курьез? Читатель не найдет в книге дату рождения И.С. Аксакова. Впрочем, это укор и издательскому редактору книги.

Есть и еще одна странная потеря — это речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе, которая была произнесена в Московском славянском благотворительном обществе 22 июня 1878 г. Она стала причиной высылки Аксакова из Москвы. Ей и ссылке в Варварино посвящен специальный раздел 6-й главы «Война» (с. 529–551). Все внешние обстоятельства, сопровождавшие это выступление Аксакова, а также его комментарий к речи в письме Е.Ф. Тютчевой — на месте. А вот самого текста или хотя бы пересказа его содержания обнаружить не удалось.

Всё сказанное здесь касалось пока преимущественно внешних, фор-

¹ Как тут не вспомнить слова Дональда Рейфилда: «Работа над самой полной чеховской биографией по срокам могла бы перевесить жизнь самого писателя» [Рейфилд, 2006: 15].

мальных параметров работы, выполненной А.А. Теслей. Обратимся теперь к ее содержанию. Я не ставлю перед собой задачу откликнуться на всё сразу, т.е. на то, как видятся биографу все доступные ему измерения личности Аксакова и внешние обстоятельства, сопровождавшие его жизнь. Ограничусь тем, что, в силу собственных научных интересов, мне ближе всего — общественно-политической и идеологической проблематикой. Вряд ли кто-то будет спорить с очевидным: здесь находятся центральные вопросы биографии И.С. Аксакова — мыслителя и публициста. Именно эти ипостаси прежде всего обеспечили ему место в истории общественной мысли и общественного движения России 60–80-х гг. XIX в.

Если автор уже в названии книги броско представляет Аксакова «последним из “отцов”» славянофильства (оставим в стороне вопрос о том, насколько удачно такое решение), то предложить собственное понимание идеологической природы этого течения русской общественной мысли — первое, с чего он должен был начать. Как известно, сегодня конкурируют между собой два варианта идеологической «прописки» славянофильства: «консервативный» (А. Валицкий) и «либеральный» (Н.И. Цимбаев, Е.А. Дудзинская, Г. Карпи). А.А. Тесля не присоединяется ни к одному из них, но несколько не сомневается в том, что именно либерализм составляет «ядро славянофильской мысли» (с. 474). Это утверждение родилось в момент представления в книге полемики Аксакова с Э.А. Дмитриевым-Мамоновым

о сущности славянофильства, состоявшейся в 1873 г. Как автор мог не заметить принципиального неприятия Аксаковым в этом споре попыток «рисовать славянофильство даже в выгодно-либеральном свете, способном снискать расположение либералов и неславянофильского оттенка» [Аксаков, 1873: стлб. 2509], — остается большой загадкой.

Погружая читателя в содержание аксаковской концепции «общества», оформившейся к началу 60-х гг., биограф уверенно записывает ее творца в ряды умеренных русских либералов. «В практическом плане, — пишет он, — трансформация славянофильской доктрины, осуществленная Аксаковым, позволяла явственно выразить и сформулировать, избегая открытого политического конфликта, требования значительной части либеральной общественности. Умеренный либерализм, выступая за предоставление широких прав местному самоуправлению и одновременно поддерживающий самодержавие, <...> получил в концепции Аксакова достаточно полное выражение, что подтверждается распространенностью славянофильских настроений в земской среде вплоть до революции 1905 г.» (с. 303–304).

А.А. Тесля не останавливается на этом. Он видит в Аксакове создателя концепции «неполитического либерализма», которая объективно, независимо от его собственного желания высвобождала «пространство для складывания политического общества как пространства оформленного общественного мнения»

(с. 305). Полемизируя с Н.И. Цимбаевым, который отказывал Аксакову второй половины 70–80-х гг. как в славянофильстве, так и в либерализме, А.А. Тесля утверждает, что и в этот период «общие контуры концепции были сохранены». Отсюда можно сделать вывод: Аксаков до последних дней оставался умеренным либералом.

Тот, кто безоговорочно примет нарисованный автором портрет Аксакова-либерала, неизбежно столкнется с проблемой определения его места в идейной борьбе 80-х гг. Ведь, по словам самого А.А. Тесли, главным своим оппонентом «существенно “поправевший” к концу жизни» редактор «Руси» считал русский либерализм, не говоря уже о его логическом продолжении — революционном движении (с. 16, 574). Да и русские либералы, добавлю я, видели в Аксакове одного из главных противников. Либеральный «Вестник Европы» вел непрестанную борьбу с «наполовину реакционной» «Русью» [см. Китаев, 2004: 170–185]. На то, что именно верность издателя «Руси» «букве» славянофильства делала его, хоть и не всегда последовательным, но все-таки оппонентом либерализма, указывал в своих воспоминаниях А.И. Кошелев, отказывавшийся по этой причине от участия в аксаковской газете [Кошелев, 1991: 192–193]. Об этом свидетельствуют и письма Кошелева к Аксакову, относящиеся к началу 80-х гг. [Кошелев, 1909: 406–416]. Положение не спасает указание на некоторые черты сходства политических позиций И.С. Аксакова и Б.Н. Чичерина, который привлечен А.А. Тесли,

видимо, в качестве бесспорного эталона либерализма.

Под напором очевидных фактов автор все-таки вынужден признать, что Аксаков, «зажатый» между либералами и правительственными консерваторами, «приглушал» критику «правых» — они оказывались «тактически ближе» Аксакову, особенно после «катастрофы 1-го марта» (там же). Утверждение об исключительно «тактической» близости редактора «Руси» «правым» требовало, конечно же, от автора тщательной аргументации, но ее нет. Да и вряд ли таковую вообще можно было мобилизовать.

Формула «неполитический либерализм» применительно к системе воззрений Аксакова оказывается всего лишь неким подобием оксюморона, с помощью которого из классической, европейской модели либерализма изгоняется одна из его существеннейших черт — именно политичность. «Либеральный» монизм, продемонстрированный А.А. Теслей в интерпретации не только взглядов своего героя, но и славянофильства в целом, — все-таки неподходящий ключ к разгадке идеологической «головоломки», которую славянофилы задали своим позднейшим историкам. Была ли возможность уйти от этой однолинейности? Да, она имелась. Но для того чтобы избежать ее, требовалось выполнение двух условий: 1) более глубоко проникнуть в атмосферу идейной борьбы 1840–1880-х гг.; 2) учесть доводы тех исследователей, кто уже с конца 1970-х гг. оппонировал концепции Н.И. Цимбаева [см. Китаев, 1978; 1989; Смирнова, 1987].

За свою не очень долгую жизнь (1823–1886) Иван Аксаков отметил на нескольких поприщах: государственная и банковская служба, поэзия и, наконец, журнально-газетное редакторство и публицистика. Только публицистика стала для него «своим делом». В ней он реализовался в роли глашатая славянофильства пореформенной эпохи. Как же представлены в работе главные этапы общественно-литературной работы Аксакова, связанные с редакторством в поздней «Русской беседе» (1858–1860), изданием «Дня» (1861–1865) и «Руси» (1880–1886)? Именно здесь подстерегали автора наибольшие трудности вписывания Аксакова в собственно славянофильский и российский общественно-политический контекст.

А.А. Тесля, конечно же, не мог проигнорировать тот факт, что в середине 1850-х гг. Аксаков был весьма критичен по отношению к славянофильству и направлению первого славянофильского журнала «Русская беседа». «Впрочем, — уверяет он, — определяющим в воззрениях Аксакова было все-таки славянофильство, а не относительная “левизна” его в славянофильском лагере» (с. 118). «Левизна» никак не расшифровывается. Между тем тот же Кошелев видел в позиции младшего Аксакова «чистое и ярое западничество». Тут бы самое время промерить глубину отступления Аксакова от славянофильского учения, а потом объяснить причины его возвращения в лоно доктрины. Ведь оно состоялось уже ко времени начала его редакторства в «Русской беседе». А.А. Тесля неоправданно уходит от этой темы.

К «Русской беседе» автор ведет читателя через пространные рассуждения о месте журнала как типа повременного издания в русской культуре 1830–1880-х гг., а вот на анализ общественной позиции славянофильского первенца до прихода туда Аксакова места не остается. А он нужен для того, чтобы ответить на вопрос: изменилось ли что-то в его содержании с появлением нового редактора? Совсем не лишней была бы и попытка объяснить, почему он не напечатал там ни одной своей статьи, ограничиваясь примечаниями к материалам других авторов. Немалый ресурс для понимания особенностей места славянофилов в общественном движении второй половины 50-х гг., в том числе и Аксакова, несет в себе такая важная грань их практической деятельности, как участие в подготовке отмены крепостного права. Крестьянский вопрос, как известно, заметно дифференцировал славянофильский кружок. А.А. Тесля обратит внимание на эту сторону его внутренней жизни, только перейдя грань 1861 г. Герценовская тема, наконец, применительно к славянофилам в целом, а к Аксакову в особенности, на протяжении десятилетия от середины 50-х до середины 60-х гг. требовала, как мне представляется, гораздо большего внимания.

Главным образом 60-м гг., которые автор выделяет как «период наибольшей творческой активности» своего героя, посвящена самая значительная по своему объему вторая из трех частей книги — «Зрелость». Она состоит из двух глав — «Свое дело» и «Теоретическое intermezzo».

Последняя представляет наиболее значимые части наследия Аксакова как мыслителя, относящегося уже к трем пореформенным десятилетиям в совокупности. Это социально-политическая теория, позиция по польскому вопросу и религиозно-церковные взгляды.

Внешняя, цензурная история трех аксаковских газет 60-х гг. («День», «Москва», «Москвич») выписана в целом добротн². Число вопросов к автору начинает расти тогда, когда он переходит к анализу содержания главного детища Аксакова этого десятилетия. Первый из них касается сбалансированности общих оценок позиции «Дня». Уже известно, что, по убеждению А.А. Тесли, теория «общества», развернутая здесь Аксаковым, ставила его в один ряд с русскими либералами. Но, перечисляя причины того, что газета к середине 60-х гг. «выдохлась», он видит одну из них именно в расхождении с либеральным лагерем. Для либеральной общестственности позиция «Дня», пишет он, «была неприемлема в силу подчеркивания роли православия, постоянного внимания к вопросам церкви и религии, полемики с конституционными настроениями, материализмом и т. п.» (с. 198). При этом она не могла удовлетворить и консерваторов «разного оттенка» тем, «как трактовала крестьянский вопрос, требованием свободы совести, свободы слова» (там же). Можно, конечно, сказать, что таким образом усложняется

² Эту в целом благополучную картину портит, правда, один диссонанс — автор убежден, что «День» был не еженедельным, а ежемесячным изданием (с. 198). Но тогда это была бы уже не газета.

решение вопроса об идеологической и политической идентификации взглядов Аксакова. Но, скорее всего, оно просто запутывается.

Думается, что характеристике программы «Дня» не хватило комплексности. Надо было по-настоящему погрузиться в аксаковские требования к крестьянской, судебной, земской реформам и его отношение к реалиям, которые они породили, в его видение места дворянства в пореформенной России, наконец, в то, что предпринималось им и его сотрудниками для искоренения материализма и радикализма. На фоне этих потерь выигрышно смотрится особо акцентированный в книге польский вопрос. Но и его ресурс исчерпан далеко не до конца. Невысеченными остались многие нюансы позиции Аксакова, в том числе его понимание сущности патриотизма на фоне общественных настроений 1863 г., связь с ними актуализировавшейся для редактора «Дня» идеи земского представительства и т.д. Далеким от действительности выглядит утверждение, что главным противником Аксакова в разработке польского вопроса был редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков (с. 345). Разумеется, в их взглядах можно найти немало серьезных расхождений. Но главное заключалось в другом — оба оказались по одну сторону баррикады, т.е. вместе с правительством против восставшей Польши.

В объяснении причин угасания «Дня» к середине 60-х гг. А.А. Тесле, может быть, следовало выделить и укрупнить главную из них — это глубокое разочарование в современ-

ном ему русском обществе, которое не обнаружило никакого желания понять и оценить животворную силу славянофильских идей. Уже к концу 1864 г. он не стеснялся открыто бросать обвинения в «мелочности и внешности его либерализма», «пустоте и тщете его оппозиционности», «бедности его внутреннего содержания» [День, 1864: 3]. Обманутые надежды не могли обернуться заметным снижением уровня конфронтации с властью, вели к признанию за самодержавием истинно «русского» характера.

Страницы книги, посвященные периоду издания «Руси», как и в случае с «Днем», отданы в основном внешней истории этого издания. Она выписана достаточно полно и убедительно. Но здесь же находят себе место утверждения и умолчания, которые вызывают вопросы, подталкивают к спору с автором. Поводов для оппонирования было бы гораздо меньше, если бы он шел от тщательного анализа материалов «Руси» во всём их объеме и избегал противоречий с самим собой.

Так, к примеру, в одном месте он говорит, что манифест 29 апреля 1881 г., отставка министров либерального направления и назначение на пост министра внутренних дел Н.П. Игнатъева были восприняты Аксаковым «весьма позитивно» (с. 577–578), но уже через десяток страниц сообщает о его сопротивлении «набирающему силу “консервативному повороту”» (с. 588).

Поздний Аксаков отрекомендован как защитник освободительных реформ эпохи Александра II (с. 593).

Но в этом взгляде только половина правды. Вторая ее половина, не менее, а может быть, и более существенная, осталась скрытой от читателя. Да, у Аксакова есть слова о «прошлом славном, благотельном царствовании», давшем «всё, что оно в состоянии могло дать <...> России на потребу», раскрепостившем «все стихии жизни». Но ведь буквально тут же говорилось и другое. Царствование Александра II «не в силах было даровать России то полное, всецелое обновление, которое не достигается путем частных реформ. Преобразовательному сознанию недоставало той общей идеи-матери, так сказать, в которой одной заключается сила жизненная и творческая» [Аксаков, 1886: 570]. В реформах, кроме того, не было «самого понимания России и ее государственного идеала» [Аксаков, 1887: 62]. Приведем еще одно чрезвычайно важное высказывание Аксакова о реформаторском наследии 60-х гг. — оно-то и расставит всё по свои местам. «Итак, вредная сторона преобразований минувшего царствования, — писал он в 1881 г., — заключается в параллельной слабости национального самосознания в самом правительстве, и еще более в образованном русском обществе; в том, что они совершались большею частью (кроме наделения крестьян землею) в духе *европейского либерализма* <...> Другими словами: как в некотором смысле уступки политическому властолюбию, созревшему в верхних слоях народных, в так называемой интеллигенции, — а не как созидание истинной, чуждой политических властолюбивых похотей, жизненной русской свободы. Сделаны различ-

ные и благотельные ослабления, но самый путь, которым следовала Россия со времен Петра, *неизменен* <...>» [Аксаков, 1887: 66]. Ненавистным Аксакову «конституционным», «парламентским» духом веяло от судебных и земских учреждений.

Повествуя о 80-х гг., А.А. Тесля мог вернуться к вопросу о судьбе теории «общества» в этот период с тем, чтобы как можно полнее аргументировать свой тезис о непреходящей актуальности ее для Аксакова. Но он молчит на этот счет, полагая, видимо, что расширения доказательной базы не требуется. Между тем, как мне представляется, целый ряд фактов говорит об утрате Аксаковым интереса к категории «общество», которая дополняла в начале 60-х гг. дихотомию «народ–государство», предложенную его старшим братом. Рядом с «обществом» в его публицистике всё чаще и чаще появляется и фактически замещает его «интеллигенция», мысль которой воплощает главный недуг современности — «отступничество от своей народности». Эта «питомица казенной теплицы» является носителем либерализма и революционной крайности.

Автору, наверное, следовало обратить внимание на тот особый смысл, который Иван Аксаков вкладывал в публикацию записки Константина Аксакова «О внутреннем состоянии России» (Русь. 1881. № 26–28). Этот документ возвращал к жизни историко-социологическую концепцию, предполагавшую сосуществование всего лишь двух контрагентов — «народа» («земли») и «государства». Наконец, из всего

того, что написал Аксаков в 80-е гг., явствует, что он апеллировал только к той, здоровой части русского общества, которая была способна сомкнуться с крестьянским миром в уездном самоуправлении. Формула «самоуправляющаяся Земля с самодержавным царем», кажется, уже не несла в себе требования отдельного существования «общества». «<...> В России пребывают только две реальные государственные силы, только два всемогущие фактора: царь и народ. <...> В этом отношении *ничто не переменилось*, никакой *порухи* <...> не произошло», — утверждал Аксаков в одной из своих статей 1881 г. [Аксаков, 1887: 22].

Вообще того, кто ждал полнокровного изображения Аксакова — социального теоретика и политического публициста 80-х гг., ждет разочарование. Представить его позицию во всей полноте и многогранности, вписать ее в систему отношений «правительство–либералы–консерваторы» автор даже не попытался.

Целиком на совести автора итоговое суждение о результатах общественно-литературной деятельности Аксакова. Оно читается как приговор. «Собственно, яркой удачи — ни одной», — заключает А.А. Тесля (с. 618). Но что считать удачей — вот в чём вопрос. Прижизненное признание, положение «властителя дум»? Или выполнение долга перед настоящими «отцами» славянофильской школы, наведение моста между классическим славянофильством и русским консерватизмом конца XIX в.? Он сделал всё что мог для того, чтобы продлить жизнь учению, созданному старшим поколением

славянофилов. Не свидетельствует ли о большой исторической «удаче» Аксакова тот факт, что интерес к его личности и идеям в кругу современных ученых-гуманитариев не только не угасает, но заметно растёт?

В критико-полемической тональности этих заметок не следует усматривать стремление во что бы то ни стало принизить ценность выполненной А.А. Теслей работы. Он собрал и организовал впечатляющий своим объемом документальный (в значительной степени неопубликованный) материал, предоставил уникальную возможность «услышать голос» самого героя, наметил и попытался объяснить смысл целого ряда проблемных доминант в публицистическом наследии Аксакова. Его фигура укрупнена и приближена к общественному сознанию России начала XXI в.

Не за горами — новые опыты биографирования Аксакова. В них, надо надеяться, будет учтено всё сказанное пристрастными читателями книги А.А. Тесли.

REFERENCES

- Aksakov I.S. Sochinenija. T. 2. M., 1886.
Aksakov I.S. Sochinenija. T. 5. M., 1887.
Aksakov I.S. Pis'mo k izdatelju po povodu predydushhej stat'i // Russkij arhiv. 1873. Kn. 2.
Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlja letopisi zhizni i tvorcestva / Pod red. S.V. Motina. Vyp. 1–3. Ufa, 2010–2011.
Den'. 1864. 31 okt.
Kitaev V.A. Rec. na kn.: *Cimbaev N.I.* I.S. Aksakov v obshhestvennoj zhizni porefor-

mennoj Rossii. М., 1978 // *Voprosy istorii*. 1980. № 7.

Kitaev V.A. Slavjanofil'stvo i liberalizm // Voprosy istorii. 1989. № 1.

Kitaev V.A. Liberal'naja mysl' v Rossii (1860–1880 gg.). Saratov, 2004.

Koshelev A.I. Pis'ma k I.S. Aksakovu (1881–1883) // O minuvshem. SPb., 1909. S. 406–416.

Koshelev A.I. Zapiski // Russkoe obshhestvo 40–50-h godov XIX v. Ch. 1. М., 1991.

Rejfeld D. Zhizn' Antona Chehova. М., 2006.

Smirnova Z.V. K sporam o slavjanofil'stve // Voprosy filosofii. 1987. № 11.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аксаков И.С. Сочинения. Т. 2. М., 1886.

Аксаков И.С. Сочинения. Т. 5. М., 1887.

Аксаков И.С. Письмо к издателю по поводу предыдущей статьи // Русский архив. 1873. Кн. 2.

Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества / Под ред. С.В. Мотина. Вып. 1–3. Уфа, 2010–2011.

День. 1864. 31 окт.

Китаев В.А. Рец. на кн.: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978 // *Вопросы истории*. 1980. № 7.

Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1.

Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.

Кошелев А.И. Письма к И.С. Аксакову (1881–1883) // О минувшем. СПб., 1909. С. 406–416.

Кошелев А.И. Записки // Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. 1. М., 1991.

Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2006.

Смирнова З.В. К спорам о славянофильстве // Вопросы философии. 1987. № 11.

А.Э. Котов

Рец.: Бабков Д.А. Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина в 1917–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 303 с.

В.В. Шульгин — один из самых обаятельных русских политических деятелей и публицистов второго плана. Его опыт, честность, открытость к диалогу, своеобразная рыцарственность привлекали еще советского читателя. В последние же годы внимание к шульгинскому наследию только усугубилось. Парадоксальным образом это совпадает с некоторым снижением общественного интереса к идеологам и теоретикам отечественного консерватизма. Л.А. Тихомиров, К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин и прочие классики этого направления во многом утратили то обаяние новизны, что привлекало к ним читателя 1990-х гг. Да и запрос общества на «государственническую» идеологию в общем и целом оказался удовлетворен. Думающего читателя 2010-х гг. «правда вопросов» волнует больше, чем «правда» готовых ответов.

Большинством своих читателей Василий Витальевич всегда воспринимался именно как свидетель — а вовсе не «властитель дум» восточного типа, изрекающий истину в последней инстанции. Самому Шульгину этот образ всегда был антипатичен — не случайно прозвище, данное им Г.И. Гурджиеву: «Халдыбалды» [Шульгин, 2002: 525]. Возможно, поэтому так долго не появлялось монографий, посвященных собственно политическим взглядам

Шульгина: идеологические пристрастия *свидетеля* для любого *некоммунистического* суда вторичны. Взгляды же *литератора* почти всегда — тростинка, историческим ветром колеблемая. Однако рано или поздно подобный труд должен был появиться — и вот перед нами монография брянского исследователя Д.И. Бабкова «Государственные и национальные проблемы в мировоззрении В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.».

При первом ее просмотре искусенному читателю бросается в глаза ряд небольших странностей. Во-первых, в выходных данных отсутствуют имена рецензентов. Обычно научно-монографические издания не обходятся — но, вероятно, данная работа столь хороша, что солидное издательство РОССПЭН решило обойтись без этой пустой формальности. Вторая странность ждет нас в аннотации — автор не без гордости сообщает нам, что «в приложении... приводится самая полная на сегодняшний день библиография работ Шульгина». Что ж, можно было еще отметить в качестве достоинства наличие «Введения» и «Заключения». По крайней мере, это отвлекло бы внимание читателя от того, что в «самой полной» на 2012 г. библиографии по заявленной теме отсутствует такой важный пункт, как изданная в 2010 г. В.Г. Макаровым, А.В. Реп-

никовым и В.С. Христофоровым «Тюремная одиссея Василия Шульгина» — не говоря уже о ряде других публикаций, вышедших во второй половине нулевых.

Во вводной части монографии помимо самого Василия Витальевича есть и второй главный герой — петербургский историк А.С. Пученков, кандидатской диссертации которого Д.И. Бабков уделяет самое пристальное внимание. Уделяет, конечно, не зря. В этой диссертации была в основном собрана та источниковая база, которой пользуется брянский исследователь. Раскритиковав своего петербургского коллегу, брянский историк с какой-то странной деликатностью умалчивает о своем знакомстве с целым рядом работ последнего, вышедших до 2012 г. [Пученков, 2005; 2005а; 2005б; 2006; 2007; 2009; 2009а; 2010; 2010а; 2011; 2011а], а также с его публикацией дневника Шульгина в «Русском прошлом» за 2010 г. [Шульгин, 2010]. При этом сам текст книги заставляет нас предположить, что данное знакомство всё же состоялось. Да и трудно предположить, чтобы при таком пристальном внимании к своему конкуренту Д.И. Бабков знал только одну его статью — указанную в «самой полной библиографии» публикацию за 2005 г. (с. 284). Но, разумеется, бывает всякое. «Заимствование» источниковой базы, конечно же, не криминал и не плагиат — как не являются плагиатом некоторые совпадения в текстах работ Пученкова и Бабкова. В конце концов, предмет исследования у двух историков один и тот же. Смутают здесь только крайне суровые

и не всегда справедливые претензии автора к своему предшественнику. Но понятно и это: Ньютон чувствовал себя великим потому, что, по собственному признанию, стоял на плечах гигантов. Стоя же на плечах молодого кандидата наук, простительно испытывать потребность немного утрамбовать столь ненадежную опору. В этом плане куда больше профессионального такта оказалось у А.В. Репникова, который, разбирая в одной из своих статей многочисленные «неточности» в диссертации самого Д.И. Бабкова, опрятно поместил все свои замечания в концевом комментарии [Репников, 2010: 47]. Впрочем, весь этот корпоративный «спор славян между собою» интересен не всякому читателю. Главное — заслуживает ли рецензируемая монография внимания широкой аудитории?

Работа, в соответствии с названием, делится на две части: первая посвящена «концепции государственности» России во взглядах В.В. Шульгина, вторая — «национальным вопросам» в его мировоззрении. И здесь мы переходим к главной научной и в то же время идеологической *инновации* брянского исследователя. Шульгина, как известно, принято называть националистом. Однако, по мнению Д.И. Бабкова, «национализм был только одним из компонентов государственно-политической концепции Шульгина. Центральным же положением ее была идея сильной, желательной, монархической, власти» (с. 6). Василий Витальевич, считает исследователь, «заменил этническое понятие государственным и, таким образом, русским у него

мог быть любой человек, живущий в России и принявший ценности русской культуры» (с. 258).

В начале и середине XX в. вопрос о соотношении в «русской идее» этнического и государственного начал, в общем, не был принципиальным. Даже антинациональное советское государство на глазах современников стремительно «русифицировалось», что и породило оба национал-большевизма — фантомный, о котором мечтал Н. Устрялов, и настоящий, описанный Д. Бранденбергером [Бранденбергер, 2009]. Однако конец XX в. поставил «патриотическую общественность» перед дилеммой: «государство для русских» или «русские для государства». И в этом контексте было бы любопытно ответить на вопрос: кем был Шульгин — потенциальным «нацдемом» или потенциальным «имперским государственным». Д.И. Бабков, как видим, причисляет своего героя к последней и господствующей ныне в любезном отечестве разновидности *homo politicus*.

На наш взгляд, это в корне неверно: в мировоззрении Шульгина вторичным являлось именно «государственничество». Василий Витальевич был монархистом потому, что считал «вожачество» *атрибутом* русского национального характера, «самой выгодной» его чертой, компенсирующей свойственный русским индивидуализм. При этом сам же публицист указывал, что вряд ли «так будет на вечные времена»: «По мере того, как русская стихия (еще, собственно говоря, не ставшая нацией) будет «нивелироваться»; по мере того, как русские будут становиться

друг другу родственниками в более близких степенях, чем сейчас, — надо думать, разнородной их мыслей, чувств и стремлений будет уменьшаться. Появится общая духовная близость; и, может быть, создастся ясно выраженная коллективная душа; при наличии ее объединяющая и умиротворяющая роль вожака станет менее важной» [Шульгин, 1994: 162]. Свои взгляды на государственный строй Шульгин, как следует из приводимых самим Д.И. Бабковым цитат, неоднократно менял: «Если это республиканское правительство спасет Россию, я стану республиканцем» (с. 19).

Тот же факт, что Шульгин не давал четкого определения «нации» и типа «настоящего русского» (с. 256), связан лишь с тем, что в отличие от «государственничества» какого-нибудь гегельянца Ильина, шульгинский (и не только шульгинский) национализм — скорее чувство, а не абстрактно-теоретическая концепция: «В националистическом мире не философствуют слишком глубоко. Существует несколько истин, которые признаются за незыблемые... К числу таких истин “националистического мира” относится и нижеследующая аксиома. Каждая нация, раса, народ имеет право на место под Солнцем... Слишком вежливые англичане в тех случаях, когда человека очень длительно и за всё решительно упрекают, говорят: “Извините меня, пожалуйста, что я родился на свет”. В этой тонкой насмешке вся суть национализма» [Шульгин, 1994: 72].

Констатация «внетеоретической» природы шульгинского национа-

лизма ставит под сомнение саму попытку выстроить взгляды Василия Витальевича в систему. С другой стороны, стремление протащить националиста Шульгина в идеологический пантеон самой начальственно-государственнической из современных российских партий – в прекрасную компанию И.А. Ильина и слегка покалеченного советской казёнщиной К.Н. Леонтьева – скорее делает Д.И. Бабкову честь. Во-первых, это свидетельствует о любви историка к предмету исследования. Во-вторых – о его патриотизме и здравом понимании многих актуальных проблем. В государстве, чей парламент – не место для дискуссий, отдельные «прозрения» и неожиданные «открытия» Шульгина чрезвычайно злободневны. Например: «Пока спорят, ругаются и даже дерутся в парламентах, пулеметы молчат. Как только эти отдушины замолкают или оказываются недостаточными для бурлящих паров, злоба направляется по другим каналам» [Шульгин, 1994: 133]. Интересны и поучительны для апологетов грядущего «Евразийского союза» будут рассуждения В.В. Шульгина о евразийстве, взятые из статьи с говорящим названием «Чингисханчики».

Впрочем, найдут свое и националисты – например, замечания о приоритете морали и чести над любым национализмом (с. 142). Ну а просвещенным блогерам прекрасной пищей для душеспасительных размышлений послужит сказанное об эмигрантской аудитории: «Как часто мы убиваем друг друга своим злобным язычком, своей недоброжелательностью и злопыхатель-

ством. Сколько таких убийц сидит по разным углам и ядом клеветы и желчи отравляет “души живые”... Гадко и тошно... А ведь когда придется умирать, сколько из этих плюгавеньких людей умрет в нетленной красоте подвига “за други своя”...» (с. 161).

Вообще в книге собрано большое количество прекрасных цитат из Шульгина. Исследователь добросовестно следует методу, распространенной в последнее время среди историков, пишущих на политологические темы: разорвать живую ткань исследуемых текстов в лоскуты, выбрать наиболее яркие из последних, а затем составить из них мозаику по вкусу и усмотрению автора. К несчастью, далеко не всегда автор раскрывает контекст, в котором эти слова были написаны. Не всегда высказывания Шульгина сопровождаются необходимыми оговорками. Невозможно, к примеру, понять рассуждения Василия Витальевича о фашизме, если не помнить его же слов из фильма «Перед судом истории» о том, что фашизм 1920-х гг. и германский нацизм 1940-х – принципиально разные вещи. Сложно анализировать его «протофашистскую» «теорию» правящей «килевой партии», если не оговаривать, что это лишь перепев витавших тогда в воздухе идей – евразийских, младоросских и т.п. Говоря же о шульгинском антисемитизме, автор совершенно справедливо оттеняет его многочисленными «антипогромными» цитатами и приводит колоритную иллюстрацию: нарисованный Шульгиным образ старика-еврея, которого великодушный Василий Витальевич в благодарность

за осуждение провокаторов-революционеров окрестил «наибольшим черносотенцем в России» (с. 217). Однако за всеми процитированными разъяснениями различий между «жидами» и «евреями» теряются моменты более принципиальные — например, то, что непредоставление евреям равноправия Шульгин считал одной из главных предреволюционных ошибок русского правительства [Шульгин, 1994: 87–88].

Вообще в плане соотношения текста с контекстом рецензируемая монография сильно уступает упомянутой выше диссертации А.С. Пученкова — в которой идейные взгляды Шульгина в годы Гражданской войны представлены на широком политическом и идеологическом фоне. У брянского же исследователя получился пусть и небезынтересный, но всё же «цитатник Мао». Монография отчасти заполняет имеющуюся историографическую лакуну, однако для полноценного знакомства с Шульгиным лучше будет обратиться к последним комментированным изданиям его собственных текстов, выпускаемым всё тем же РОССПЭНом.

REFERENCES

Brandenberger D.I. Nacional-bol'shevizm. Stalinskaja massovaja kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznania. 1931–1956. M., 2009.

Puchenkov A.S. Pечатное наследие V.V. Shul'gina kak istochnik po izucheniju Grazhdanskoj vojny na Juge Rossii // *Obshhestvo i vlast'*. SPb., 2005. S. 136–144.

Puchenkov A.S. Dejatel'nost' «Podgotovitel'noj po nacional'nym delam komisii» i ee predsedatelja V.V. Shul'gina v 1919 g. // *Beloe delo. II s#ezd predstavi-*

telej pechatnyh i jelektronnyh izdanij. M., 2005a. S. 138–142.

Puchenkov A.S. Ukrainskij vopros v politicheskoj i literaturnoj dejatel'nosti V.V. Shul'gina v gody Grazhdanskoj vojny // *Ukrainskij vopros v revoljucii 1917 g.* SPb., 2005b. S. 111–120.

Puchenkov A.S. Aleksandr Fedorovich Krenskij v izobrazhenii Vasilija Vital'evicha Shul'gina // *Novyj chasovoj.* 2006. № 17–18. S. 254–257.

Puchenkov A.S. Strastnaja nedelja Pavla Skoropadskogo // *Rodina.* 2007. № 7. S. 81–83.

Puchenkov A.S. O kovarstve geroev i vernosti krysa: kak possorilis' Vasilij Vital'evich s Pavlom Nikolaevichem // *Rodina.* 2009. № 3. S. 23–25.

Puchenkov A.S. Beloe dvizhenie na Juge Rossii (1917–1920) // *Revoljucii i reformy v Rossii. Vek XX.* SPb., 2009a. S. 123–129.

Puchenkov A.S. Nacional'naja politika generala Denikina (letno 1918 – vesna 1920) // *Russkij sbornik.* 2010. T. VIII. S. 158–259.

Puchenkov A.S. «Istorik» protiv Vasilija Shul'gina // *Russkij sbornik.* 2010a. T. 10.

Puchenkov A.S. Dva poljusa odnogo: Puriškevich i Shul'gin // *Klio.* 2011. № 7 (Sovm. s A.A. Ivanovym i V.V. Mihajlovym).

Puchenkov A.S. Kiev v konce 1918 goda: padenie rezhima getmana Skoropadskogo // *Novejšhaja istorija Rossii.* 2011a. № 2. S. 57–72.

Repnikov A.V. «My iz teh porod, kotorym nuzhen vidimyj i osjazaemyj vozhak» (Vasilij Shul'gin o specifike rossijskoj monarhii) // *Romanovskie chtenija. Dinastija Romanovyh i rossijskaja kul'tura.* Kostroma, 2010.

Shul'gin V.V. «Chto nam v nih ne nraivitsja...». M., 1994.

Shul'gin V.V. Poslednij ochevidec: Memuary. Oчерki. Sny. M., 2002.

Shul'gin V.V. «Sozдалos' polozhenie prosto d'javol'skoe...» (Dnevnik fevralja 1918 goda) / *Vstup. st., publ. i kom.* A.S. Pu-

chenkova // Russkoe proshloe. Istoriko-dokumental'nyj al'manah. 2010. Kn. 11. S. 98–109.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бранденбергер Д.И. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М., 2009.

Пученков А.С. Печатное наследие В.В. Шульгина как источник по изучению Гражданской войны на Юге России // Общество и власть. СПб., 2005. С. 136–144.

Пученков А.С. Деятельность «Подготовительной по национальным делам комиссии» и ее председателя В.В. Шульгина в 1919 г. // Белое дело. II съезд представителей печатных и электронных изданий. М., 2005а. С. 138–142.

Пученков А.С. Украинский вопрос в политической и литературной деятельности В.В. Шульгина в годы Гражданской войны // Украинский вопрос в революции 1917 г. СПб., 2005б. С. 111–120.

Пученков А.С. Александр Федорович Керенский в изображении Василия Витальевича Шульгина // Новый часовой. 2006. № 17–18. С. 254–257.

Пученков А.С. Страстная неделя Павла Скоропадского // Родина. 2007. № 7. С. 81–83.

Пученков А.С. О коварстве героев и верности крыс: как поссорились Василий Витальевич с Павлом Николаевичем // Родина. 2009. № 3. С. 23–25.

Пученков А.С. Белое движение на Юге России (1917–1920) // Революции и реформы в России. Век XX. СПб., 2009а. С. 123–129.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 – весна 1920) // Русский сборник. 2010. Т. VIII. С. 158–259.

Пученков А.С. «Историк» против Василия Шульгина // Русский сборник. 2010а. Т. 10.

Пученков А.С. Два полюса одного: Пурешкевич и Шульгин // Клио. 2011. № 7 (Совм. с А.А. Ивановым и В.В. Михайловым).

Пученков А.С. Киев в конце 1918 года: падение режима гетмана Скоропадского // Новейшая история России. 2011а. № 2. С. 57–72.

Репников А.В. «Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вождь» (Василий Шульгин о специфике российской монархии) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура. Кострома, 2010.

Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». М., 1994.

Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002.

Шульгин В.В. «Создалось положение просто дьявольское...» (Дневник февраля 1918 года) / Вступ. ст., публ. и коммент. А.С. Пученкова // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 2010. Kn. 11. С. 98–109.

В.М. Рынков

«ВСЕ МЫСЛИМЫЕ И НЕМЫСЛИМЫЕ УЖАСЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ»

Рец.: Лученков А.С. Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-История, 2013. 352 с.

Украинцы, прямо говоря, еще не очень были в курсе, что они отдельный народ.

[Прилепин, 2015: 69]

Прочитываемые выше слова известного российского писателя — о ситуации 1917 г. Книга, о которой речь пойдет дальше, посвящена следующему году. Она, безусловно, уже стала заметным явлением в современной российской историографии. Прошедшие со времени ее публикации год и несколько месяцев сделали ее только еще актуальнее и в научном, и в общечеловеческом отношении. Время же выхода книги оказалось просто магически своевременным. Свои наблюдения за хитросплетениями затягивавшихся узлов внешне- и внутренне-политических противоречий эпохи Гражданской войны А.С. Пученкову довелось представить на суд публики как раз накануне судьбоносных событий, связанных именно с указанными в заглавии географическими названиями, при распутывании которых трагично запутывались новые.

Я начну обзор с нескольких финальных аккордов книги. Помещенные

в конце издания приложения — 6 мемуарных текстов, написанных участниками событий, — ярчайшие, эмоциональные, поражающие до глубины души тексты, усиливают впечатление и становятся дополнительным аргументом в пользу авторской концепции. Очевидно, А.С. Пученковым эти тексты подбирались и расшифровывались не один год. Знакомство с ними погружает в тяжелое и горестное *déjà vu*. Я имею в виду случившиеся на Украине события 2014 г. Даже если полагать, что российская пресса крайне пристрастна в освещении последней «Украинской революции», нельзя не признать очевидного, — авторы опубликованных мемуаров были столь же пристрастны в изображении событий почти вековой давности. Карикатурность светил украинского национализма, марионеточная зависимость от европейских «друзей», неспособность к полноценной государственной работе предстают перед читателем в правдоподобии словно ожившей

реальности далекого прошлого. Большинство деятелей российской контрреволюции, подвизавшихся на военном и общественном поприще, тоже, к слову сказать, предстают в далеко не лучшем свете.

Всё на свете повторимо, а значит, история никого ничему не научила. Зато среди профессиональных историков считается нормой извлекать уроки из пройденного материала. Процесс накопления историографических знаний неотвратим, а рефлексорные повторы идут только на пользу. Новая публикация А.С. Пученкова — достойный для этого повод.

Трудно писать о книге, которая уже вызвала широкий отклик в научном мире и даже получила признание. О ней уже многое сказано маститыми профессионалами. Зато это обстоятельство позволяет максимально избежать повторов и общих мест. Остановлюсь подробнее на нескольких аспектах, еще не нашедших отражения в опубликованных рецензиях [Ганин, Михайлов, 2014; Котов, 2014; Диалог о книге, 2015].

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — историографическая основа очерков. Возникает впечатление, что ее сильные стороны — личная заслуга автора, а слабые — следствие суровых тисков российской историографической традиции, из которой А.С. Пученкову не удалось до конца вырваться.

В последние десять–пятнадцать лет появились вполне солидные исследования истории Гражданской войны в России, авторы которых

принципиально обходят стороной советскую историографию, причисляя ее за крайнюю политизированность к «ненаучной литературе», а то и вовсе не делая никаких оговорок. Многие в своих исследованиях ограничиваются историографическим обзором советских концепций, не обращаясь к анализу содержания самих публикаций. Такие историки стараются не замечать и многочисленных сборников документов, опубликованных в 1920-е — 1980-е гг. Как известно, советское археографическое многотомье о революции и Гражданской войне рождалось в предъюбилейной суете, представляло собой узкотематические подборки документов, недостоверно либо односторонне трактовавших происхождение с позиции победителей-большевиков, а иногда и вовсе купированных или подредактированных издателями. Всё это кажется достаточным аргументом для того, чтобы не засорять страницы своих публикаций отсылками к подобным источникам.

Автор очерков поступил иначе. Нет-нет да и промелькнет у него отсылка к трудам советских историков, мемуаристов или документу из сборника, выпущенного к очередному «летию». Это его принципиальная позиция, хотя значение советской историографии он не преувеличивает, но, судя по всему, достаточно хорошо в ней ориентируется. Очевидны и его пристрастия в ней. Главное внимание уделено украинским публикациям 1920-х гг. как наиболее детальным и достоверным. Ранний советский историографический материал, разножанровый, еще не затканный самоцензурой и цензурой,

действительно может дать очень много вдумчивому и наблюдательному читателю.

Но главное не это. Претендуя на создание объемной картины прошлого, историк не имеет права делать это с помощью исключения не вписывающихся в концепцию трудов предшественников и источников, но только через их объяснение и интеграцию в единую когнитивную структуру. Автор демонстрирует нам пример именно такого мастерства. Поэтому вполне уместно мелькают в подстрочнике его монографии И.И. Минц и Г.З. Иоффе, А.В. Лихолат и Н.И. Супруненко.

Продолжая рассматривать историографические аспекты анализа, обратимся к зарубежной историографии. Очерки А.С. Пученкова не из тех работ, которые пестрят обращениями к зарубежным авторам. У него всё пропорционально их реальному вкладу в изучение темы. Отметим его точное наблюдение — иностранные дипломаты и военные представители, как правило, плохо ориентировались в реалиях российской революции. Поэтому основанные на соответствующих первоисточниках зарубежные исследования полезны лишь для освещения очень ограниченного круга проблем. Рецензируемая книга ценна удачным использованием немецких документов, мемуаров и исследований по истории интервенции, чем явно не избалован русскоязычный читатель. Но, вероятно, талантам автора еще есть куда развиваться в направлении полиязычия. На это указывают скудные отсылки к французским источникам и литературе,

что не отражает степени влияния французских интервентов.

Но самые главные слова хочется сказать о литературе, которая формально может называться иностранной, но относительно предмета данного исследования пребывает в статусе отечественной. Речь идет, конечно, об украинской историографии истории Гражданской войны. Нужно отдать должное автору, который хорошо включен в украиноязычный историографический контекст, где-то опираясь на результаты украинских коллег, часто дискутируя с ними. Трактовка правления Гетмана П.П. Скоропадского звучит очень по-новому и весьма убедительно. Несмотря на буквально «цирковой» приход к власти, с немецкими штыками, торчавшими из-за кулис, и на явно «деланную» украинскость русского патриота, окруженного многими такими же сочувствующими идее возрождения русской государственности, встав во главе Украинской державы, гетман оказался тонким политиком и настоящим государственнымником, не чуждым империалистических тенденций в стремлении создать Большую Украину.

Ценность представленного анализа гетманского режима тем выше, что в украинской историографии его обычно изучали по мемуарам и историческим опусам, написанным противниками гетмана, оценки которых преподносятся как верх политической объективности. Многие украинские авторы признают, что сам приход П.П. Скоропадского к власти прямо-таки всколыхнул русское национальное движе-

ние на Украине. Но заниматься его анализом не принято. Достаточно дать ему уничижительную характеристику «черносотенцев и шовинистов всех мастей»¹.

Раз оно всколыхнулось, значит, являлось частью украинского политикума. Придавленное Радой, оно вырвалось на политические просторы после ее самоликвидации. Александр Сергеевич лишь отчасти восполнил гигантский пробел украинской историографии. С одной стороны, он показал неоднозначность оценок переворота и самого гетманата в русскоязычной украинской среде. С другой — опора на малоизвестные первоисточники, в том числе и архивные, позволила аргументированно показать разноликость пророссийского крыла общественного движения в тогдешней Украине. Детально же рассмотрены отдельные его грани. В центре внимания оказались фигуры П.Н. Милюкова и В.В. Шульгина.

После анализа переговоров между Временным правительством и Украинской радой в 1917 г., осуществленных Д.Я. Бондаренко, необходимость столь же детального изучения последующих переговоров между гетманом и СНК РСФСР очевидна. Данный пробел в рецензируемых очерках существенно восполнен, представлена очень непохожая на украинскую версия прочтения украинско-русских переговоров 1918 г. Автор показал, что

в них присутствовало много фарса и блефа с украинской стороны, а большевистские лидеры просто платили почти той же монетой, разведя феерическую демагогию. Явно прослеживалось желание гетманской делегации урвать у ослабевшего восточного соседа территории, прикрываясь даже не национальной идеей, а немецким штыком. Поэтому претензии простирались на территории, населенные только частично украинцами и даже на весьма расширительно трактуемую зону, экономически связанную с Украинской державой.

Но здесь автор, на наш взгляд, не использовал имевшиеся у него возможности. Например, на страницах, посвященных украино-российским переговорам весны-лета 1918 г. при изобилии ссылок на «Известия ВЦИК», использованных А.С. Пученковым очень плодотворно, незамеченной осталась современная публикация стенограмм данных переговоров. Украинские исследователи активно на нее ссылаются, причем апологетика украинской позиции на переговорах обосновывается наличием строго научной, с опорой на статистические и этнографические источники, мотивацией претензий Киева на части Гродненской, Курской и Воронежской губерний, Донбасса и Таврии, якобы полностью обезоружившее советскую делегацию и обнажившую империалистические устремления большевиков перед украинской и российской общественностью (из новейших публикаций см. напр. (Турченко, Турченко, 2015). Опубликованные украинскими коллегами тексты действительно

¹ Эта характеристика принадлежит автору, придерживающемуся объективного тона и, казалось бы, далекому от крайностей националистической украинской историографии [Солдатенко, 2010: 193].

содержат немало свидетельств взвешенности позиции советской делегации и нетерпимости, проявленной как раз украинской стороной [Мирні переговори... 1999: 93–94, 96–97, 99, 161–169, 171–173, 182–183, 190, 325–326, 332, 339]. Действительно, когда украинская сторона попыталась включить спорные территории на севере в состав Украины явочным путем, местное население готовило вилы их гайдамакам. Об этом не любят вспоминать украинские историки. Претензии на Крымский полуостров со стороны украинских националистов вовсе не базировались ни на каких этнокультурных основаниях. Выдвигая их, они руководствовались соображениями геополитической и экономической целесообразности, входя в полное противоречие и с реальной обстановкой и с продекларированными принципами.

На периферии внимания автора осталась Одесса на протяжении основной части исследуемого года. Очерковый характер книги вроде бы извиняет избирательность в освещении сюжетов. Но не более того. Впечатляющие подробности киевских событий первой половины 1918 г. и мастерское освещение предпосылок, хода и последствий установления диктатуры А.Н. Гришина-Алмазова диссонирует со скудными упоминаниями о предшествовавших событиях в этом городе. История Одессы в 1918 г. как целостный феномен получила освещение в русскоязычной украинской историографии, прослеживающей мощные струи большевистского, еврейского, анархистского и уголовного (бандитско-босаяцкого) движе-

ния [Савченко, Файтельберг-Бланк, 2008: 53–163]. Но вот реакция на многочисленные перевороты русской антибольшевистской общест-венности до сих пор оставалась в тени. Судя по научно-справочно-му аппарату, приведенному в тексте очерков, материалы ГАРФа и Госархива Одесской области таят очень много деталей общественной жизни Одессы, а А.С. Пученков вполне мог бы решить эту задачу не только применительно к последним месяцам 1918 г. От этого книга только заиграла бы новыми красками.

Но, безусловно, в изображении всего того, что произошло в Одессе с октября 1918 по март 1919 г., автор очерков оказался на высоте. Благодаря произведенному анализу наиболее полного корпуса мемуарных источников, деловой переписки и прессы читателю стали видны внутренние пружины, выкинувшие сибирского генерала на диктаторский престол, тончайшие связи Гришина-Алмазова с французскими военными и дипломатами, закулисные струны, за которые дергал вдохновитель одесского кульбита В.В. Шульгин. А.С. Пученков отошел от доминировавшей ранее концепции полной зависимости диктатора от французских союзников и показал, что реально существовавший властный триумвират вице-консула Э. Энно, А.Н. Гришина-Алмазова и В.В. Шульгина оказался эффективной комбинацией, позволившей временно стабилизировать положение новоявленной власти на основе взаимопонимания и готовности к компромиссу, которому, кстати, антибольшевистская общест-венность, погрязшая в малозна-

чительных политических дискуссиях, не смогла создать необходимой опоры.

Предшествующими рецензентами неоднократно отмечалось, что А.С. Пученков является тонким знатоком мемуарной литературы. Он не только обильно пользуется опубликованными на Украине, в России и в эмиграции текстами, но и извлек множество малоизвестных мемуарных источников из архивных запасников трех государств, произвел их перекрестный анализ, уточненный в ряде случаев делопроизводственной документацией. Причем можно отметить плодотворность его работы в украинских архивах. Введенный автором материал, совершенно игнорируемый в украинской научной литературе, ставит под сомнение адекватность доминирующих в украинской историографии оценок характера и влияния русского национального движения на Украине в 1918 г.

Но приверженность воспоминаниям как важнейшему типу источников обернулась слабым использованием делопроизводственных документов. Более того, А.С. Пученков, характеризуя внутриполитическую ситуацию на Украине, использовал лишь обобщающие исследования, предпочитая и им подчас яркий по форме, но всё же субъективный взгляд современников. В то время как в украинской историографии данные вопросы как раз подвернуты детальному изучению. Нужно отдать должное украинской исторической науке, которая за последние 25 лет совершила огромный рывок в исследовании революции

и Гражданской войны. В частности существует обширная литература по истории аграрной и рабочей политики, культурно-просветительской деятельности каждого киевского политического режима в отдельности и во всей совокупности, а также украинского национально-го движения. А.С. Пученков во введении оговорился, что не преследует цели детального историографического обзора. Возможно, он намеренно решил сгладить острые углы. Но в результате «за бортом» осталась в том числе и обширная историография «білого руха», различных национальных движений, деятельности немецких оккупационных войск.

События последнего года свидетельствуют о том, что намечается новый виток расхождения историографических путей. А следовательно, включение обширного комплекса украинской историографии событий революции и Гражданской войны в арсенал российских историков и ее осмысление в контексте общероссийской историографической традиции остается актуальнейшей научно-исследовательской задачей.

В завершение вернусь к приложению книги, до сих пор удостоившемуся одних только похвал рецензентов. Действительно, исследование украшают 6 мемуарных текстов, чрезвычайно интересных, извлеченных из разных архивов и публикуемых преимущественно с рукописных оригиналов. Но этой части книги явно не хватает хотя бы краткого археографического комментария, позволяющего понять, что

собой представляют публикуемые тексты — полный документ или сохранившийся фрагмент, единственный ли это мемуарный опус автора, или один из нескольких выявленных. Публикатором не оговорены лакуны, не объяснены их причины (приложения 1 и 5). Отсутствие комментариев к вводимым в оборот текстам источников кажется тем более досадным недоразумением, что А.С. Пученков уже публиковал недавно в одном из российских научных журналов первую главу воспоминаний Д.А. Гейдена, снабженную всеми необходимыми археографическими атрибутами [Гейден, 2012].

Книга хотя и изобилует ссылками на опубликованные источники, оставляет впечатление солидного запаса выявленных в архивах ценнейших мемуаров и эпистолярных, которых наберется не на скромное приложение, а на солидный самостоятельный том. Особо следует сказать о явно напрашивающемся после прочтения очерков проекте по научному изданию еще неопубликованной части публицистического и мемуарного наследия В.В. Шульгина за годы Гражданской войны. Остается пожелать автору дальнейших успехов на этом пути и подвести главный итог.

Исследование А.С. Пученкова, несмотря на жанр очерков и отсутствие стремления дать всеобъемлющую картину событий на территории современной Украины, с неоспоримостью доказывает, что украинские правительства в Гражданской войне боролись не только с «московскими» большевиками и даже не только с большевизмом, вра-

женным на местной, малороссийской почве, но и с достаточно органично сформировавшимся русским национальным движением за сохранение государственного единства. В книге очень убедительно описаны происходившие в 1918 г. на Украине события как часть сложной, многоаспектной Российской революции, с ее кипением различных национальных движений и противостоянием крестьян-общинников городу и помещикам, а никак не особой «украинской» революции.

REFERENCES

Dialog o knige. «Ukraina i Krym v 1918 – nachale 1919 goda. Oчерki politicheskoi istorii» Aleksandra Puchenkova // Rossijskaja istorija. 2015. № 1. S. 160–184.

Ganin A.V., Mihajlov V.V. «Ukraina i Krym v 1918 – nachale 1919 goda. Oчерki politicheskoi istorii» // Klio. 2014. № 6. S. 152–153.

Gejden D.F. «Skoropadskogo ja znal s malyh let...» / Predisl., publ. i komment. A.S. Puchenkova // Istoricheskij arhiv. 2012. № 2. S. 114–129; № 3. S. 144–160.

Kotov A. Je. Na ruinah imperii // Vestnik SPbGUKI. 2014. № 2 (19). S. 184–185.

Mirni peregovori mizh Ukrainkoju Derzhavoj ta RSFSR 1918 p. Protokoli i stenogrami plenarnih zasedan'. Kiiv–N'ju-Jork–Filadel'fija, 1999.

Prilepin Z. Ne chuzhaja smuta. Odin den' – odin god. M., 2015.

Savchenko V., Fajtel'berg-Blank V. Odessa v jepohu vojn i revoljucij (1914–1920). Odessa, 2008.

Soldatenko V.F. Grazhdanskaja vojna v Ukraine (1917–1920 gg.). M., 2010.

Turhenko G., Turhenko A. Proekt «Novorosija» 1764–2014 gg. Jubilej na krovi. Zaporozh'e, 2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ганин А.В., Михайлов В.В. «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории» // Клио. 2014. № 6. С. 152–153.

Гейден Д.Ф. «Скоропадского я знал с малых лет...» / Предисл., публ. и коммент. А.С. Пученкова // Исторический архив. 2012. № 2. С. 114–129; № 3. С. 144–160.

Диалог о книге. «Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории» Александра Пученкова // Российская история. 2015. № 1. С. 160–184.

Котов А.Э. На руинах империи // Вестник СПбГУКИ. 2014. № 2 (19). С. 184–185.

Мирні переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р. Протоколи і стенограми пленарних засідань. Київ–Нью-Йорк–Філадельфія, 1999.

Прилепин З. Не чужая смута. Один день – один год. М., 2015.

Савченко В., Файтельберг-Бланк В. Одесса в эпоху войн и революций (1914–1920). Одесса, 2008.

Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине (1917–1920 гг.). М., 2010.

Турченко Г., Турченко А. Проект «Новороссия» 1764–2014 гг. Юбилей на крови. Запорожье, 2015.

А.Н. Кабацков

Рец.: Хрупкая летопись: Фотоальбом / Вступ. ст. Л.А. Обухов, сост.: К.А. Остальцев, О.Н. Сафрошенко. Пермь: Литера-А, 2012. 192 с.

В дискуссиях отечественных публицистов на рубеже 1980–1990-х гг. XX в. знаковой фразой было упоминание о «белых пятнах прошлого», которые историкам необходимо заполнить, т. е. изучить и рассказать о них публике и тем самым помочь людям избавиться от «идеологических шор». Самым большим «белым пятном» считали историю сталинских репрессий, деятельность государственной репрессивной машины, ломавшей судьбы и жизни миллионов людей. Опубликованы многочисленные документы о деятельности ОГПУ, НКВД, МГБ и сталинского Политбюро. Серия книг, выпускаемых на протяжении нескольких лет издательством «Политическая энциклопедия», позволяет узнать об особенностях сталинской дипломатии и перипетиях раскулачивания, репрессиях против рабочих и номенклатуры, повседневной жизни советских граждан и строительстве национальной империи. За четверть века профессиональными историками проделана громадная работа по устранению «белых пятен» в истории сталинизма, так что у людей, вовлечен-

ных в эту работу, может сложиться впечатление, что здесь не осталось места для новых слов, с которыми историк может обратиться к обществу, говоря об ушедшей эпохе.

Книга «Хрупкая летопись: Фотоальбом», подготовленная к изданию пермскими энтузиастами исторических исследований, позволяет говорить, что диалог профессиональных историков и общества на тему «белых пятен» еще не завершен. К.А. Остальцев, заведующий архивным отделом администрации Красновишерского муниципального района, О.Н. Сафрошенко от издательства «Литера-А» при научной поддержке Л.А. Обухова из Пермского университета предлагают взглянуть на уникальное историческое событие через визуальные репрезентации эпохи, реконструировать историю в ее повседневном бытовании.

«Хрупкая летопись» — это «собрание редких архивных фотодокументов, которые рассказывают об истории создания Вишеровского целлюлозно-бумажного комбината и города Красновишерска» (с. 3). Краснови-

шерск — небольшой город на севере Пермского края. Его заложили заключенные «Вишерлага» (преобразован из Вишерского отделения Соловецкого лагеря особого назначения), построившие за несколько лет целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК). Другой комбинат, Краснокамский ЦБК, был построен в начале 1930-х гг. силами трудовых поселенцев — раскулаченных и сосланных крестьян. За несколько лет из рабочих поселков, в которых жили строители краснокамского комбината, вырос своеобразный город — спутник областного центра.

Красновишерск и местный ЦБК ждала иная судьба. Статус города был получен лишь в 1942 г. С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что Красновишерск — это территориальный кластер, в котором процессы социалистической урбанизации оказались «замороженными». В своем территориальном облике, пространственной организации жизни даже современный Красновишерск (комбинат прекратил работу несколько лет назад) сохранил черты барачной организации жизни. Отметим, что сегодня сложно определить, что стало определяющим для «торможения» процессов советской урбанизации в Красновишерске после запуска комбината. Без сомнения, на развитие городского поселения влияла удаленность от больших городов и железнодорожных магистралей. Вполне возможно, что влияние лагерного наследия, организации промышленной зоны по канонам лагерной жизни оказало гораздо большее культурное воздействие на жизнь «вне колючей проволоки», чем можно было бы ожидать.

Впрочем, это часть иной истории, о чем в 2012 г. на международной конференции «Города несвободы» говорили историки, архивисты и краеведы.

В 1931 г. «в Вишерлаге было уже 39 тыс. заключенных» (с. 10), отмечает во вступительной статье Л. Обухова, детально восстанавливая факты создания бумкомбината руками заключенных. После досрочного пуска комбината 30 октября 1931 г. руководство ОГПУ посчитало эксперимент по применению рабочей силы заключенных в системе ГУЛАГа успешным. Э. Берзин, руководивший строительством в 1929–1931 гг., уезжает руководить трестом «Дальстрой», организуя на Колыме «промышленную добычу золота и других ценных металлов трудом заключенных» (с. 13).

В заключение исторического очерка Л. Обухов делает важный вывод: «Своеобразный эксперимент на Вишере имел огромное значение для развития ГУЛАГа. Многие здесь делались впервые. Впервые был использован массовый труд заключенных в промышленном строительстве, за три года до принятия официального постановления Совнаркома об использовании труда уголовно-заключенных» (с. 15).

Подробный исторический обзор, предваряющий почти двухсотстраничную фотохронику жизни Красновишерского ЦБК в период его строительства и первые годы работы, позволяет сформировать целостное представление о событиях в контексте происходящего в 1930–1934 гг. в Красновишерске.

Но главная ценность книги «Хрустальная летопись» — в фотодокументах, которые представляют образы строительства промышленного предприятия в 1930-х гг.

Фотографии, сделанные неизвестными свидетелями строительства, запечатлели людей на фоне станков и механизмов, на строительной площадке и в клубе. Здесь представлены и постановочные, парадные портреты строителей, и хроникерские фото. Они раскрывают особый пласт жизни людей, работавших среди тайги, вынужденных на пустом месте возводить промышленное предприятие.

Каждая фотография сопровождается подписью, информирующей читателя, что изображено перед ним. Большинство фотодокументов имеет точную датировку. Все они сопровождаются ссылкой на архивные данные, что позволяет читателю с высокой степенью доверия отнестись к представленным материалам.

Открывается фотоальбом изображениями со строительной площадки летом 1930 г. Искусство фотографа, снимавшего стройку, позволило в деталях передать самые разные контексты происходившего на стройке. Строительные леса на площадке среди тайги, заготовки досок и бревен, из которых строились здания; люди в телогрейках, в грубой рабочей одежде заняты строительством. Общие планы перемежаются с постановочными фотографиями, когда строитель с тачкой в чистом костюме, мешком висящем на нем, очевидно заимствованным из чужого гардероба, позирует на фоне па-

ратно одетого бригадира. Парадные фотографии не могут скрыть худых и осунувшихся лиц рабочих, контрастно выглядящих на фоне сытого начальника.

Особенно «говорящими» получаются фотографии, демонстрирующие особую повседневность стройки: подростки на строительстве траншеи, плохо одетые, в подвязанных рубашках (с. 25). Кто эти подростки на фотографии, почему они оказались на промышленной стройке в 1932 г. посреди тайги, вряд ли можно узнать, изучая снимок. Впрочем, помещенные в контекст истории из других фотографий, эти подростки говорят об эпохе очень многое: и про возможность ребенка оказаться включенным в систему принудительного труда, и про утраченное детство, и про ценности эпохи, где государственные цели важнее человеческих судеб.

В фотоальбоме есть еще фотографии подростков, где они позируют в помещении химической лаборатории. Парадная одежда с чужого плеча, валенки, платки на голове, — всё это формирует образ человека, лишь отдаленно напоминающего ребенка. Угрюмые и серьезные выражения лиц также далеки от детской эмоциональности, которую наши современники привыкли видеть на детских фотографиях, где скорее взрослые стремятся перестать быть серьезными и сыграть в ребенка, делая селфи или портретный снимок для презентации себя окружающим в мире социальных сетей.

Фотография говорит с читателем иначе, чем традиционный истори-

ческий текст. Язык образов не всегда может быть передан привычными историческими терминами. Вот на фотографии с детьми (с. 120) двое взрослых. Они единственные сидят в окружении стоящих детей. В центре кадра пожилой серьезный мужчина в теплом пальто, под которым видна рубашка, напоминающая гимнастерку, на ногах, как и у всех в этом помещении, валенки, руки сложены на коленях и придерживают теплые меховые рукавицы. Он выглядит пришедшим в учебный класс извне, с комбината, но одновременно он ближе этим детям с ученическими тетрадками в руках и химическими мензурками, чем учительница, которая примостилась с краю. Учительница держит в руках несколько мензурок, как и некоторые из детей. Но она выглядит персонажем из другого мира — пестрая, по всей видимости цветная кофта, аккуратная юбка, белая блузка и уложенные коротко стриженные волосы, которые не надо скрывать под платком. Она чужая здесь, в промышленном пространстве комбината.

Обращают на себя внимание фотографии, выражающие индустриальный стиль эпохи. Массивная стальная труба (с. 83), заполняющая кадр, скорее всего элемент какой-то машины, выглядит самостоятельным символом эпохи. Повешенная на крючок одежда рабочего — ватник, лишь усиливает историко-художественное восприятие снимка, так как отсутствием людей подчеркивается значимость механизмов, их самодостаточность и даже доминирование над человеческим образом. Таков язык эпохи, где «кислотные

баки» (с. 74), «привод колчеданной печи в кислотном отделе» (с. 82) и другие механизмы показывают нам ценность механизмов, их автономию по отношению к миру повседневности, создаваемому людьми. В этом контексте практически полное отсутствие фотодокументов, репрезентирующих быт и повседневность жизни людей за пределами промышленных зон — это следствие социальной позиции фотографа (и его заказчика), в своей профессиональной деятельности выражающего смысловые конструкции эпохи.

Жизнь в том виде, как она создается людьми, не имеет ценности, ее не нужно фиксировать в фотографии. Смыслообразующим выступает прикосновение человека к машинам, деятельность в пространстве машин и механизмов. Постановочные фотографии людей на фоне механизмов играют особую роль в исторической репрезентации эпохи, которую открывают перед читателем фотодокументы. «Рабочие во время сборки варочного котла в варочном отделе» (с. 111) позируют на фоне большого массивного котла, окружая его со всех сторон. Их много, но один массивный котел выглядит настоящим героем этого снимка, его крепление многочисленными болтами к громадным лентам, поддерживающим котел со всех сторон, доминирует в картинке и не случайно не только помещено в центр кадра, но и попадает в основную зону резкости, четкости изображения. Фотограф настраивает глубину резкости изображения так, чтобы подчеркнуть объем и значение котла, выделить

его на снимке, сознательно пренебрегая людьми, которые вне зоны резкости становятся размытыми. Люди, что рабочие в ватниках, что начальство в пиджаке, галстуке, кепке или дубленке, дорогой шапке и очках — это особый фон фотографии. Не они герои, покорившие металл и химические процессы, главный герой фотоснимка — котел, в котором будет перерабатываться целлюлоза.

Составители сборника, люди, готовившие его к печати, приложили множество усилий, чтобы фотографии заговорили с читателем. И им это удалось. В фотодокументах, которые К.А. Остальцев вместе с коллегами тщательно отобрал, подготовил к печати и сделал частью «открытой истории», можно увидеть особый кусочек жизни 1930-х гг., когда людям приходилось решать непростые задачи в непростое время и в непростых обстоятельствах.

Благодаря публикации исторических документов «Хрупкая летопись: Фотоальбом», историки и широкий круг людей, интересующихся событиями прошлого нашей страны, получили возможность увидеть происходящее в аутентичных образах, посмотреть на мир начала 1930-х гг. глазами его современников, почувствовать дух эпохи. Составителям сборника удалось сделать книгу, которая рассказывает не столько о региональной истории, сколько повествует о духе сталинской модернизации. Исторические образы, представленные на страницах сборника, вполне можно было наблюдать на многочисленных стройках СССР в годы первых пятилеток.

Согласимся с мнением Л.А. Обухова, которое он сформулировал в первых строках своего вступления: «Вы держите в руках удивительную книгу».

П.Г. Рогозный

О книге Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии Академии наук СССР и Российское религиоведение (1932–1961). СПб., 2014 и просто размышление о советском религиоведении

Представленная книга является одновременно и авторским произведением, и сборником материалов по истории музея религии и атеизма в Ленинграде. Авторский текст составляет 94 из 450 страниц общего объема книги. Хронологические рамки, выбранные авторами, — от момента основания музея до его выведения из подчинения Академии наук. Данное издание, безусловно, будет интересно религиоведам и историкам Церкви. Так уж сложилось, что в музее, знакомом всем ленинградцам и находившемся долгое время в центре города, в Казанском соборе, работало много незаурядных личностей, оставивших свой вклад в истории нашего города¹. Советское религиоведение — тема немодная (непонятно, по каким причинам в названии книги фигурирует «российское религиоведение»), сейчас господствует точка зрения, что все советские религиоведы были фальсификаторами и гонителями русского православия, способными писать только глумливые антирелигиозные брошюры.

¹ Предыдущие издания о МИРиА являлись путеводителями или справочниками-путеводителями. См. [Бутинова, Красников, 1965; Музей истории религии... 1981]. Несколько более широкой и богато иллюстрированной является книга Прошина, в основном базирующаяся на материалах музея [Прошин, 1987].

Отчасти это так, однако эти мерзкие неграмотные брошюры и книги появлялись вначале в 1930-х гг., в эпоху главного безбожника Ярославского, потом в эпоху Хрущева, человека, не умевшего писать в прямом смысле этого слова, но желавшего показать последнего попа по телевизору и уничтожить Академию наук. Насчет Хрущева всё правда: ни до него, ни после во главе нашего государства не стоял столь невежественный человек². Но правда ли насчет религиоведов, что они только выполняли заказ самодура, чуть не доведшего страну до ядерной войны?

Авторы книги совершенно справедливо пишут о том, что совсем неверно, будто отечественное религиоведение «возникло совсем недавно». Мнение о том, что в так называемые религиоведы, можно сказать атеисты, шли невежественные люди, широко распространено. На одном из наших традиционных исторических коллоквиумов про-

² Негативное отношение к Хрущеву практически любого историка, читающего документы той эпохи, не должно восприниматься как неприятие его политики в области реабилитации жертв сталинских репрессий. Во-первых, эта реабилитация началась до него, а во-вторых, она была объективной необходимостью и, конечно, состоялась бы и без Хрущева, который своей непомерной кровожадностью в период «культа», в том числе и на Украине, удивлял даже Сталина.

звучало мнение, что в религиоведы шли люди, имевшие «мало шансов интегрироваться в академическую науку», а для «любого советского специалиста 50-х гг. это был явно низкий жанр и классический тупик для любой карьеры» [Митрохин, 2010]³. Возражая докладчику, я назвал трех религиоведов советского времени, вполне инкорпорированных, как мне кажется, в академическую науку.

Это Н.М. Маторин, А.И. Клибанов и Л.И. Емелях, на что последовало возражение автора доклада, что я не владею темой, а данные фамилии ему неизвестны. Между тем все трое, являющиеся важными персонажами данной книги, — люди примечательные и незаурядные. Маторин — автор таких терминов, как «православное язычество», «восточноевропейский религиозный синкретизм» и «бытовое православие», является фигурой полузабытой, и, как мне кажется, совершенно незаслуженно. Некоторые тексты Маторина, репрессированного и расстрелянного совсем молодым, читаются удивительно современно⁴.

³ При издании сборника по материалам коллоквиума Митрохин убрал данные выражения из своего текста, существенно его переработав [Митрохин, 2013]. Мои слова в защиту отечественных религиоведов см. [Человек и личность... 2013: 643].

⁴ Современный историк А.С. Лавров, автор, по моему мнению, лучшей книги по истории религии и Церкви, написанной в течение последних 10–15 лет, совершенно справедливо пишет, что «отмахнуться» от работ, написанных в 20–30-е гг. легко как от конъюнктуры, «однако огромный фактический материал и большое влияние на последующие исследования не позволяю этого сделать. Прежде всего, здесь следует назвать Н.М. Маторина» [Лавров, 2000: 82–83].

Ученик Маторина А.И. Клибанов смог создать уже совершенно академические тексты с привлечением новых источников. Впрочем, его главный труд по так называемым реформационным движениям в России получил неоднозначные оценки в отечественной и зарубежной историографии, главным образом из-за своего неверного названия, хотя и стимулировал других исследователей поиском корней протестантизма в России [Клибанов, 1960]⁵.

Работы Л.И. Емелях были посвящены антиклерикальным выступлениям крестьян в годы Российских революций, и они перекликаются с моими интересами. Могу сказать, что две книги Емелях, написанные в основном на архивном материале и печати того времени, намного академичней многих современных исследований по религиозности крестьянства [Емелях, 1965; 1976]. Сейчас даже под грифом Академии наук выходят издания о православии и благоверии дореволюционных крестьян, читая которые, наверное, улыбнулся бы даже епархиальный миссионер и простой священник XIX в., спрашивая: «Где они нашли таких крестьян?»⁶ При-

⁵ Основная претензия к книге была в том, что Клибанов назвал русских «еретиков» «реформаторами», а также в том, что любые тексты, направленные против богатых и власть предержащих, автор интерпретировал как антицерковные. Однако на этом основании и Евангелие можно записать в антицерковную литературу, иронизировал Тихомиров [Тихомиров, 1973]. Интересно и уже посмертная книга Клибанова [Клибанов, 1996].

⁶ Таких изданий много; приведу только один пример: [Православная жизнь... 2001].

мечательно, что Емелях не путает антиклерикализм с антирелигиозностью, что частенько делают даже современные авторы.

Конечно, все тексты религиоведов того времени несут на себе отпечаток своей эпохи, хотя можно подумать, что работы историков, занимающихся политической историей, этого отпечатка не имеют. Но и подходить с тацитовскими требованиями «*sine ira et studio*» к литературе того времени методологически неверно: существовал обязательный шаблон научной монографии со ссылками на классиков и часто предопределенностью выводов, из-за чего иногда получалось, что основной авторский текст книги не соответствовал введению и заключению, и эти разделы иногда кажутся написанными совсем другим лицом.

Но ситуация менялась; медленно, постепенно приемы советской антирелигиозной пропаганды 30-х гг. и эпохи Хрущева уходили в прошлое. Появились первые серьезные академические и не устаревшие до сих пор книги по новейшей истории Православной Церкви [Шишкин, 1970; Зырянов, 1984]. Не знаю, как проходила цензура книга А.А. Шишкина про обновление, написанная интереснее некоторых современных книг об этой теме, но книга П.А. Зырянова, по его словам, шла очень тяжело и встречала множество препятствий до своего появления. Чего только стоит одна положительная характеристика крупнейшего церковного деятеля начала XX в. митрополита Антония (Вадковского), представленная в книге!

Начал выходить вполне академичный ежегодник «Религии мира». Печатавшиеся там статьи и публикации и сейчас читаются с большим интересом. Важно отметить, что на его страницах критиковались некоторые словесные обороты исследователей, например: «практика религиозного обмана», «религиозные инсценировки», «папа-ханжа» и т. п. Отмечалось, что они ничего не дают исследователям и скорее «напоминают язык, которым в свое время писались антирелигиозные брошюры» [Религии мира, 1983: 239].

Хотя, конечно, ситуация и была относительно «вегетарианской», но для верующих людей она оставалась тяжелой вплоть до самого конца 80-х гг.⁷ Эту ситуацию великолепно обрисовал В.Ф. Тендряков в своей повести «Апостольская командировка» (1969), которую историки религии могут использовать как полноценный исторический источник. Обратим внимание хотя бы на диалог главного героя книги, верующего интеллигента, с партийно-советским работником:

«— Вы, товарищ Ушатков, запомнили: в нашей стране законом разрешена свобода вероисповедания.

— Старухам темным разрешена эта свобода — несознательны, спрос с них невелик, а вы сознательный, Рьльников, образованный, — значит, злостный мракобес, вас общим аршином мерить нельзя! <...> Ежели каждый будет думать во что горазд,

⁷ Я попытался рассказать о своей религиозной семье и о тех неприятностях, которые переживали верующие люди, в целом лояльно относившиеся к власти [Рогозный, 2014].

глядеть куда заблагорассудится, то получится — кто в лес, кто по дрова. Не держава, а шарашкина фабрика. Дисциплина должна быть во всем! <...> Эвон! До чего мы ловки! И откуда вы вдруг повывлезали! Раньше-то вас и на дух не было слышно. Развелось по стране нечисти, вот что значит без крепкой руки остаться...

— Без крепкой руки?.. А не кажется ли вам, что тот, кто сумел обзавестись крепкой рукой, из той святой песни невольно словно по слову выкидывал: «Ни бог, ни царь и ни герой». С крепкой-то рукой как не стать героем. Будут и возвеличивать, и молиться на тебя будут. А глядишь, в молитвах-то и до бога вознесут...» [Тендряков, 1984: 426–430]⁸.

Правда, это диалог явно брежневской эпохи, и главный герой книги уже не переживал за свою жизнь, как это было при переписи 1937 г., когда в заполняемом опроснике нужно было отметить свое отношение к религии. Эту ситуацию рельефно описал в своих воспоминаниях «Верую» известный советский писатель Леонид Пантелеев, положительно ответивший на вопрос о вере: «Что мне стоила это перепись. Каких нервов! Каким была стрессом» [Пантелеев, 2014: 97]⁹.

⁸ Надо сказать, что, несмотря на отрицательные рецензии, повесть, вышедшая в 1969 г., первоначально печатавшаяся в журнале «Наука и религия», членом редколлегии которого был Тендряков, многократно переиздавалась, в том числе и в серии «Библиотека атеиста».

⁹ Воспоминания Пантелеева, чрезвычайно интересные и искренние, писались в 1970-е гг. и были изданы после смерти автора, наступившей его в 1987 г.

Следует добавить, что в послевоенные годы в особо серьезных случаях изъятая у верующих при обысках религиозная литература отправлялась на экспертизу религиоведам, от которых хотели «не столько религиозной, сколько политической экспертизы». Естественно, религиоведы пытались этого всячески избегать. Как правило, давалось заключение, что литература входит в обычный в «евангельском христианстве-баптизме круг чтения» и «прямых призывов к нарушению законодательства... тексты не содержат» [Никольская, 2009: 290]. Такой отзыв, как выше цитируемый, написанный А.И. Клибановым и Г.С. Лялиной, по крайней мере помогал верующему не попасть под политическую статью.

Конечно, среди религиоведов были разные личности: были «погромщики», одним из таких был ветеран антирелигиозного движения И.А. Крывелев, сторонник «левых наскоков» на религию. Так, его негодование вызвала уже упомянутая выше повесть Тендрякова, печатавшаяся в журнале «Наука и религия», основной идеей которой был призыв к терпимости в отношении и к верующим, и к неверующим. Не успокаивался Крывелев и в начальные годы перестройки, остро реагируя на «враждебные вылазки» церковников и иже с ними.

Однако есть что-то трогательное в воинствующих безбожниках, не изменивших своим принципам, когда изменилась политическая конъюнктура. Одним из таких безбожников был «атеист-марксист» и бывший магистр Духовной акаде-

мии Е.К. Дулуман (1928–2013), отлученный от Церкви еще в 1959 г. вместе с профессором Ленинградской духовной академии А.А. Осиповым. Доживший до нашего времени и ставший даже профессором в Украине, он был своего рода живым историческим источником. Его смешные, не нахожу другого слова, лекции по атеизму и религии можно найти в интернете на атеистических сайтах. Хотя, конечно, читать и слушать подобные тексты в 50–60-е гг. верующим людям было совсем не смешно. Следует отметить, что так называемые «ренегаты»¹⁰ даже в 60-е гг. не стали, по-видимому, своими среди религиоведов и марксистских философов, по крайней мере в Ленинграде. Тот же Осипов вынужден был ехать защищать свою кандидатскую диссертацию на Украину. Атеистические лекции Осипова в Ленинграде, несмотря на явный талант докладчика, прерывались едкими вопросами, выкриками и смехом людей совершенно далеких от религии (по свидетельству В.Ю. Черняева, посещавшего выступления Осипова).

Возвращаясь к рассматриваемой книге, следует отметить, что опубликованные в приложении документы очень интересны. Особенно те из них, которые относятся не к узкой теме, как, например, аннотации выставок, которые мало что могут дать современному читателю, а те, что представляют общеисториче-

ский интерес. Особенно интересна «Краткая справка об ошибках в научно-атеистической пропаганде», составленная в октябре 1954 г. Данный документ, подписанный М.И. Шахновичем, как пишут авторы книги, возможно, повлиял на ноябрьское постановление об ошибках в научно-атеистической пропаганде. Это постановление дало верующим некоторую передышку.

Конечно, это наивное предположение, данный текст, написанный, кстати, очень ярко, конечно, был заказан сверху, для обоснования постановления «об ошибках», когда вопрос об этом был уже решен в верхах и требовалась только грамотная экспертиза.

Многие из этих документов требуют отдельного комментария, к сожалению, в данном издании они изданы непрофессионально, даже полноценная легенда у документов отсутствует, не говоря уже о комментариях. Неужели нельзя было дать посмотреть текст историку, знакомому с правилами археографии? Порой кажется, что авторы очень спешили¹¹.

Представляется, что и авторский текст можно было немного антропологизировать, подробнее рассказав о некоторых личностях, работавших в музее, например об известном историке античности

¹⁰ Отреченные тексты таких людей печатались в центральной прессе вплоть до начала перестройки. Выходили и отдельные сборники таких произведений [см.: Почему мы порвали с религией? 1958]. На верующих людей они производили тяжелое впечатление.

¹¹ Изданный недавно в музее религии сборник документов [Советское государство и религия... 2012] подготовлен в археографическом плане лучше, хотя и подвергся критике именно в плане археографии, может, и справедливой, но порой мелочной [Петров, 2013: 33–35].

С.И. Ковалеве, бывшем несколько лет директором музея¹². Работали в музее и публиковались под его грифом и яркие представители Петербургской–Ленинградской школы историков Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, И.П. Шаскольский¹³.

Много можно рассказать и об обновленческом митрополите Николае Платонове, он упоминается только как сотрудник музея, умерший в блокаду. Это была неординарная личность, прошедшая путь от священника-черносотенца до атеиста и, по церковной легенде, покаявшегося в своем отступничестве перед смертью¹⁴. Судя по опубликованным в книге документам, его посмертные тексты особенно интересовали директора музея В.Д. Бонч-Бруевича.

В заключение нужно сказать, что такого рода издания можно только приветствовать, они действительно вводят новые сведения в научный оборот, а не пересказывают хорошо известные факты, чем часто грешит литература по истории города. Отдельно следует отметить и замечательный иллюстративный ряд, поскольку фотография – такой же исторический источник, как и другие документы.

¹² Его книга, изданная под грифом музея религии, уже после смерти совершенно спокойно, объективистски, насколько это было возможно, освещает историю раннего христианства [Ковалев, 1964].

¹³ Недавно была опубликована интересная переписка Я.С. Лурье и В.Д. Бонч-Бруевича [Лурье, 2011].

¹⁴ В словнике он обозначен как Ленинградский митрополит, нужно было все-таки указать, что это митрополит обновленческий, чтобы не было путаницы.

Хочется пожелать, чтобы история музея религии была продолжена и доведена по крайней мере до 80-х гг.

REFERENCES

Butinova M.S., Krasnikov N.P. Muzej istorii religii i ateizma. M.–L., 1965.

Muzej istorii religii i ateizma: Putevoditel' / Sost.: A.M. Leskov, Ja. I. Shurygin. L., 1981.

Chelovek i lichnost' v istorii Rossii. Konec XIX – XX v. SPb., 2013.

Emeljah L.I. Antiklerikal'noe dvizhenie krest'jan v period Pervoj russkoj revoljucii. M.; L., 1965.

Emeljah L.I. Krest'jane i cerkov' nakanune Oktjabrja. L., 1976.

Klibanov A.I. Reformacionnye dvizhenija v Rossii v XIV – pervoj polovine XVI v. M., 1960.

Klibanov A.I. Duhovnaja kul'tura srednevekovoj Rusi. M., 1996.

Kovalev S.I. Osnovnye voprosy proishozhdenija hristianstva. M.; L., 1964.

Lavrov A.S. Koldovstvo i religija v Rossii. M., 2000.

Lur'e Ja. S. Izbrannye stat'i i pis'ma. SPb., 2011.

Mitrohin N. Sovetskie specialisty po religii kak social'naja obshhnost' i apparat CK // *Chelovek i lichnost' kak predmet istoricheskogo issledovanija. Mezhdunarodnyj kollokvium: nauchnye doklady.* [Preprint]. SPb., 2010. S. 346–347.

Mitrohin N. «Otvetsvennyj rabotnik CK KPSS» Vladimir Sopyrkin: kar'era odnogo professional'nogo ateista // *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii. Konec XIX – XX v. SPb., 2013. S. 613–627.*

Nikol'skaja T. Russkij protestantizm i gosudarstvennaja vlast' v 1905–1991 godah. SPb., 2009.

Panteleev L. Povesti i rasskazy. M., 2014.

Petrov S.G. Russkaja Pravoslavnaia Cerkov' vremeni patriarha Tihona. Novosibirsk, 2013.

Почему мы порвали с религией? М., 1958.

Pravoslavnaia zhizn' russkikh krest'jan XIX–XX vv. Itogi jetnograficheskikh issledovanij. М., 2001.

Proshin G.G. Muzej i religija. М., 1987.

Religii mira. Istorija i sovremennost' 1983. М., 1983.

Rogoznyj P.G. Strategii vyzhivaniia pravoslavno-protestantskoj sem'i v uslovijah antireligioznogo gosudarstva // Ravnina russkaja. Opyt duhovnogo soprotivlenija. М., 2014.

Shishkin A.A. Sushhnost' i kriticheskaja ocenka «obnovlencheskogo» raskola Russkoj pravoslavnoj cerkvi. Kazan', 1970.

Sovetskoe gosudarstvo i religija 1918–1938 gg. Dokumenty iz arhiva Gosudarstvennogo muzeja istorii religii / Sost. E.M. Luchshev. SPb., 2012.

Tendryakov V.F. Apostol'skaja komandirovka. М., 1984.

Tihomirov M.N. Otzyv na doktorskiju dissertaciju A.I. Klibanova «Reformacionnye dvizhenija v Rossii» // Tihomirov M.N. Rossijskoe gosudarstvo XV–XVII vv. М., 1973. S. 301–305.

Zurjanov P.N. Pravoslavnaia cerkov' v bor'be s revoluciej 1905–1907 gg. М., 1984.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бутинова М.С., Красников Н.П. Музей истории религии и атеизма. М.–Л., 1965.

Музей истории религии и атеизма: Путеводитель / Сост.: А.М. Лесков, Я.И. Шурыгин. Л., 1981.

Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период Первой русской революции. М.; Л., 1965.

Емелях Л.И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.

Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.

Ковалев С.И. Основные вопросы происхождения христианства. М.; Л., 1964.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. М., 2000.

Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011.

Митрохин Н. Советские специалисты по религии как социальная общность и аппарат ЦК // Человек и личность как предмет исторического исследования. Международный коллоквиум: научные доклады. [Препринт]. СПб., 2010. С. 346–347.

Митрохин Н. «Ответственный работник ЦК КПСС» Владимир Сопрыкин: карьера одного профессионального атеиста // Человек и личность в истории России. Конец XIX – XX в. СПб., 2013. С. 613–627.

Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009.

Пантелеев Л. Повести и рассказы. М., 2014.

Петров С.Г. Русская Православная Церковь времени патриарха Тихона. Новосибирск, 2013.

Почему мы порвали с религией? М., 1958.

Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. Итоги этнографических исследований. М., 2001

Прошин Г.Г. Музей и религия М., 1987.

Религии мира. История и современность 1983. М., 1983.

Рогозный П.Г. Стратегии выживания православно-протестантской семьи в условиях антирелигиозного государства // Рavnina русская. Опыт духовного сопротивления. М., 2014.

Советское государство и религия 1918–1938 гг. Документы из архива Государственного музея истории религии / Сост. Е.М. Лучшев. СПб., 2012.

Тендряков В.Ф. Апостольская командировка. М., 1984.

Тихомиров М.Н. Отзыв на докторскую диссертацию А.И. Клибанова «Рефор-

мационные движения в России» // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. С. 301–305.

Человек и личность в истории России. Конец XIX – XX в. СПб., 2013.

Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской православной церкви. Казань, 1970.

И.П. Потехина

RELATIO RELATIONIS CAUSA¹: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГЛАЗАМИ ФИЛОСОФА ЛЕОНИДА ПЕТРУШЕНКО

Рец.: Петрушенко Л.А. Повседневная жизнь средневековой Европы. М.: Молодая гвардия, 2012. 367[1] с.: ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества)

Культура западноевропейского средневековья — как в целом, так и в отдельных ее аспектах — уже не раз становилась предметом пристального внимания со стороны историков, при этом не только зарубежных, но и отечественных. Не раз в научной литературе под разными углами и с разных сторон исследовались вопросы средневековой ментальности, религиозных и эстетических воззрений, повседневной жизни, политико-правовых отношений — словом, всего того, что составляет этот неповторимый и бесконечно привлекательный для историка-медиевиста (да и не только для него) мир

средневековья. Наверное, именно поэтому, обнаруживая на полке книжного магазина новую книгу под весьма амбициозным названием «Повседневная жизнь средневековой Европы», мы подсознательно ожидаем от нее какого-то научного откровения, новых взглядов, трактовок, неординарных умозаключений и выводов, сопоставимых с достижениями предшествующей медиевистической историографии. Примерно таковы были и мои ожидания от книги, вышедшей из-под пера философа, специалиста по вопросам естествознания Леонида Петрушенко — автора, в кругу историков неизвестного, но тем не менее «пробившегося» со своим трудом в знаменитую научно-популярную

¹ Здесь: реферат ради реферата (*лат.*).

серию «Живая история: Повседневная жизнь человечества» московского издательства «Молодая гвардия» [Петрушенко, 2012]. Однако ожидания и реальность совпадают не всегда...

Первые тревожные мысли относительно характера книги начали возникать уже при прочтении небольшого предисловия, составитель которого, В. Эрлихман, приоткрывает завесу тайны над личностью автора [Эрлихман, 2012: 6–9]. От В. Эрлихмана мы узнаем, что Леонид Абрамиевич Петрушенко (далее Л.П.) – ныне покойный профессор кафедры философии Государственной академии управления им. С. Орджоникидзе, в молодости оставивший ради философских штудий техническую специальность, человек, увлеченный философией науки и техники Нового времени [Петрушенко, 1999] и в качестве особого хобби собиравший материал по истории средних веков. При этом, стремясь объяснить мотивы, побудившие издательство к публикации рукописи Л.П., автор предисловия обещает нам сразу много – и оригинальный подход к освещению средневековой эпохи (базирующийся, правда, отчасти на «устаревших, восходящих еще к XIX веку представлениях» [Эрлихман, 2012: 9]), и доступный («а иногда даже вдохновенно-поэтический» [Эрлихман, 2012: 8]) язык, и понятное для современных читательских масс изложение забытых или игнорируемых, «полуопальных» в советские годы (когда и происходило написание книги) историографических трудов. Подобные формулировки не на шутку интригуют – в особенности в со-

седстве с утверждением о том, что при решении всех интересующих вопросов автора (Л.П.) «неизбежно подвела бы нехватка исторических знаний», и потому, сознавая это, он «построил “доказательную” часть работы на цитатах из произведений классиков медиевистики» [Эрлихман, 2012: 8]. «Воодушевленная» такими привходящими замечаниями, я поспешила обратиться непосредственно к тексту книги.

Сразу отмечу, что композиция работы Л.П. достаточно проста. В ней мы имеем дело с введением, в весьма эмоциональной манере объясняющим смысл исследования средневековья [Петрушенко, 2012: 10–25], и четырьмя главами, посвященными соответственно средневековому человеку и его мироощущению («Человек» [Петрушенко, 2012: 26–148]), власти и ее пониманию в рамках средневекового феодального общества («Власть» [Петрушенко, 2012: 149–175]), католической церкви – блюстительнице феодальных устоев («Церковь» [Петрушенко, 2012: 176–261]) и, наконец, школе («Школа» [Петрушенко, 2012: 262–353]), интерпретируемой вообще (т. е. почти без различия школ и университетов) как очаг подавляемой, но всё равно, назло всем развивающейся научной мысли. Заключение в книге, что интересно, отсутствует как таковое, и потому понять, сделал ли автор какие-либо выводы на основании рассмотренного материала, практически невозможно.

Обращаясь к введению – важнейшей, «установочной», части любой научной работы, – читатель почти с ходу сталкивается с некоторой

временной неопределенностью предмета и объекта планируемого исследования. Хронологические рамки средневековья в представлении Л.П. размыты и неясны, и единственное, что хоть как-то задает временные параметры этой эпохи, — это четкое, категорическое и безапелляционное противопоставление ее и предшествующей ей античности (эпохи «солнечно-голубой, замкнутой на себя, холодно-скульптурной» [Петрушенко, 2012: 13–14] и, судя по таким эпитетам, знакомой автору только по картинкам из «Мифов Древней Греции»; см. также [Петрушенко, 2012: 12, 68–69]). Главной отличительной чертой средних веков в этом противопоставлении (чертой, благодаря которой «мы — евроазиаты — чувствуем себя “как дома” не в античности, а в варварском средневековье» [Петрушенко, 2012: 13]) в тексте провозглашается двойственность. Однако дать определение понятию «средние века» на основе этой базовой характеристики автор не может и, как кажется, даже не пытается. Ему достаточно констатации того, что в истории человечества имеет место такая удивительная эпоха тотального раздвоения и вечных контрастов [Петрушенко, 2012: 14–17]. При этом обещанный в предисловии «вдохновенно-поэтический язык» нисколько не помогает ни самому Л.П., ни тем более читателю, а скорее наоборот. Оказываясь на поверку не вдохновенным и не поэтическим, а по-философски витиеватым и (выражусь со всей возможной лояльностью) причудливым, он непомерно отягощает книгу и превращает текст в поток ходульных выражений и сомнитель-

ного качества литературных оборотов. Чего стоит одна только «не скованная плотинами нега прекрасных речных тел Сены и Дуная, Роны и Рейна, покоящихся в объятиях мужественных гигантов — горных хребтов» [Петрушенко, 2012: 14].

Сложности преследуют Л.П. и в случае с дефиницией понятия «культура», которое он, по его же словам, пытается построить на основе собственно средневекового понимания этого явления (если таковое вообще как-то понималось и теоретически осмысливалось в указанный период), одновременно соотнеся его с упомянутой выше двойственностью эпохи. Результатом становится выявление в средневековом мире не одной, а двух культур: «сокровенной» (демократической, по выражению автора) и «явной», государственно-официальной, коллективистской по своей природе и исходящей от церкви и властных структур. Обе эти культуры, по мысли Л.П., сосуществуют, взаимодействуют и противостоят друг другу на всем протяжении средних веков. При этом если первая «генетически связана с индивидуализмом и его последующим капиталистическим выражением в экономике, то вторая столь же тесно генетически связана с социализмом, в том числе и с таким, какой представляет собой <...> тот культ государства и национального единства <...>, который так ярко выразился в сталинизме и фашизме» [Петрушенко, 2012: 24]. Последнее замечание если и не разоблачает напрямую замыслы автора, то по крайней мере заставляет крепко задуматься и усомниться, интересны ли для него сами по себе

средние века или же весь дальнейший текст сулит нам только более или менее завуалированную сублимацию его квази-диссидентского недовольства советской действительностью? Впрочем, переходя к содержательным частям труда, мы уже вскоре обнаруживаем, что построение вольных исторических аналогий — это отнюдь не самая большая проблема данной книги.

Главной особенностью монографии Л.П. (и одновременно особенностью его «авторского метода, о котором нас предупреждал В. Эрлихман), бросающейся в глаза уже с первых страниц первой ее главы является ее полная и откровенная компилятивность и цитатность. Не будет преувеличением сказать, что *вся* книга целиком состоит из цитат, причем цитаты эти оказываются подчас весьма обширными — до целой страницы, а то и до полутора (см. напр. [Петрушенко, 2012: 208–209, 214–215]). Некоторые рассуждения и сюжеты из прочитанных работ Л.П., правда, излагает и своими словами, однако в этих случаях справочно-библиографический аппарат не дает нам возможности установить, откуда почерпнута та или иная мысль, взят тот или иной факт (например [Петрушенко, 2012: 270, 271]). В некоторых частях книги цитаты из разных работ (а иногда и из одной и той же) следуют друг за другом единым потоком, лишь изредка перемежаясь незначительными авторскими связками (так сказать, «подводками»). При этом компоновка этого цитатного материала никак не соотносится ни с происхождением и временем написания «препари-

руемого» историографического труда, ни с идеологическими установками его создателя (об источниковой базе и различиях в методологии исследования речи не ведется вовсе). По сути дела, Л.П. не различает (разве что поименно) советских авторов и досоветских, отечественных и зарубежных, профессиональных историков и мастеров популярного жанра. К. Маркс без каких-либо оговорок может соседствовать в тексте с П.М. Бицилли, А.Я. Гуревич и М.М. Бахтин — с авторами догматизированных советских учебников Е.А. Косминским и О.Л. Вайнштейном, писатель В. Скотт — с историком Н.И. Каревым. Старая и очень старая научная литература (середины — второй половины XIX в.), выводы и даже терминология которой уже давно скорректированы и пересмотрены, без разбора смешивается и используется наравне с литературой середины XX в. (наглядный тому пример: параграф «От Возрождения к Реформации» [Петрушенко, 2012: 138–145]). В результате складывается впечатление, что историография истории средних веков вообще видится Л.П. некоей единой и неделимой глыбой, статичной и недифференцируемой — посему цитаты из нее можно выхватывать и «подшивать» друг другу свободно и просто, лишь бы подходили по смыслу и содержанию.

Впрочем, к счастью для нашего автора, круг привлекаемых им сочинений сравнительно невелик. Это дает ему возможность не углубляться в некоторые особо сложные историографические вопросы — связанные, например, со становле-

нием культуры Возрождения — и, следовательно, не запутаться в них, представляя на суд читателя простую (более соответствующую его идее двойственной средневековой культуры) схематичную картинку из советских учебников, а не какие-нибудь сложные концептуальные построения, например Г. Фойгта и Я. Буркхардта [Петрушенко, 2012: 138].

Книги, выступившие «донорами органов» для сочинения Л.П., в самом деле, можно пересчитать по пальцам. Главным источником информации для него стали «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревича [Гуревич, 1972], на основе которых написана вся первая часть книги («Человек») и некоторые фрагменты третьей и четвертой частей («Церковь» и «Школа»). Из 517 ссылок, имеющих в справочно-библиографическом аппарате Л.П., 120 — ссылки на «Категории» (сюда включаются и ссылки на книги, цитируемые А.Я. Гуревичем, но Л.П. напрямую, очевидно, незнакомые). Второй по цитируемости (55 ссылок) можно назвать работу «Очерки по истории народной школы в Западной Европе» дореволюционного автора Н.В. Сперанского [Сперанский, 1896], благодаря которой стало возможным составление раздела о средневековой образовании. 53 ссылки удостоился немецкий историк Г. Эйкен, цитаты из книги которого [Эйкен, 1907] вкупе с цитатами из «Основ средневековой религиозности» Л.П. Карсавина [Карсавин, 1915], «Средневековых реформаторов» А. Гаусрата [Гаусрат, 1900], «Ведьмы» Ж. Мишле [Мишле, 1912] и некоторых других

книг легли в основу раздела о церкви. Около 40 цитат было взято из книги «Элементы средневековой культуры» П.М. Бицилли [Бицилли, 1919]. В «арсенале» Л.П., кроме того, оказались сочинения Г. Белова [Белов, 1912], В.И. Герье [Герье, 1891], А.К. Дживелегова [Дживелегов, 1907], С.В. Ешевского [Ешевский, 1870], В. Зомбарта [Зомбарт, 1924], К.А. Иванова [Иванов, 1900; 1907], Ф. Кардини [Кардини, 1987], Ж.Ж. Руа [Руа, 1898] и др.

Не вдаваясь в рассуждения по поводу явной «случайности» некоторых из этих работ (чего стоит хотя бы привлечение детских книжек К.А. Иванова), отмечу одну характерную черту авторской библиографии. В перечне использованной литературы, помещенном в конце книги, читатель не найдет ни одной работы, опубликованной после 1987 г. [Петрушенко, 2012: 365–366]. Это означает, что в период с 1987 до 2004 г. (года смерти автора) рассматриваемый текст ни разу не подвергался ни коррективке, ни какому-либо дополнению, хотя активизация медиевистических исследований в нашей стране на рубеже советского и постсоветского периодов вполне позволяла видоизменить и расширить — даже на основе того же цитатного принципа — некоторые его разделы (в частности неоправданно маленький и куцый раздел о власти). Можно ли на основании этого наблюдения сделать вывод о том, что к своей работе Л.П. относился так же, как и ко всей историографии средних веков — как к чему-то конечному и незыблемому? Или же в его планы с самого начала не вхо-

дило широкое обнародование собственного труда?

Однако вернемся от этих вопросов к непосредственному содержанию книги Л.П. Перечисляя сочинения, легшие в основу одного или сразу нескольких ее разделов, я не оговорила одного важного обстоятельства, характеризующего главную тенденцию в отборе автором цитатного материала. Основным наполнением большинства приводимых цитат являются разнообразные отвлеченные, теоретические рассуждения — описание средневекового мировосприятия *в целом*, парадоксов мышления средневековых людей *вообще* — но никак не конкретные аспекты их жизни и деятельности (даже интеллектуальной, созерцательной), которым, собственно говоря, и подобает само название «повседневность». Единственная конкретика (о сложностях с которой опять же предупреждал В. Эрлихман) — это конкретика, почерпнутая из тех же историографических сочинений и вклинивающаяся в текст в исключительно иллюстративных целях, когда автору необходимо наглядно подтвердить или расцветить тот или иной, особенно дорогой его сердцу теоретический постулат. Так, например, в подтверждение тезиса об искусственности христианской религиозной и социальной доктрины, лицемерии и фальши официальной католической церкви приводится длинный перечень (взятый, очевидно, у Г. Эйкена (?)) матримониальных союзов, заключенных между малолетними супругами [Петрушенко, 2012: 201–202] (так якобы проявлялась лживость церкви в отношении брака и брачных отношений). Той

же цели служит и тщательно воспроизведенное описание конкретных случаев отречения от мира и добровольных страданий, пропагандируемых церковью [Петрушенко, 2012: 192–193], по мнению автора, навязывавшей средневековому человеку усредненное массовое мировосприятие. А о двойственности городской культуры, вырастающей из средневекового деревенского быта, но несущей в себе ростки будущего капиталистического мира, по мысли Л.П., должны свидетельствовать выбранные из книг Г. Белова [Белов, 1912] и С. Ешевского [Ешевский, 1870] зарисовки из жизни городских нечистот с одной стороны и зажиточного бюргерства — с другой. Однако почти во всех этих случаях узость привлеченной автором историографии и необходимость (в силу скудости собственных исторических знаний) следовать за цитируемыми работами играют с Л.П. весьма неприятную шутку. Приводимые им (да и то с чужих слов) примеры фрагментарны и локальны, а стремление обобщить основанные на них выводы для всей средневековой Европы велико. В результате умозаключения, почерпнутые, к примеру, у А.Я. Гуревича и основанные на анализе скандинавских реалий, проецируются на другие европейские страны, опыт развития немецких городов, в красках описанный Г. Беловым, произвольно экстраполируется на остальной средневековый мир, практически как одно целое рассматриваются с опорой на дореволюционного автора Н.С. Суворова [Суворов, 1898] все европейские университеты...

Со сложностями фактологического плана тесным образом связаны

уже отмеченные мной ранее (применительно к введению книги) проблемы с дефиницией некоторых понятий, относящихся к изучению средневековья. Так, к примеру, будучи знакомым не только с традиционной марксистской трактовкой феодализма, но и с его определением, данным школой Анналов, — а значит, и с тем, *что* и с *какого момента* можно обозначать подобным термином в рамках средневековой действительности, — Л.П. ничтоже сумняшеся обнаруживает развитый феодальный строй (и даже «феодальную вольницу») в Шотландии IX–XII вв. и в Норвегии того же периода [Петрушенко, 2012: 156]. Не вполне четко ощущает он и различие между городской культурой, куртуазной рыцарской культурой и культурой Возрождения. При прочтении соответствующих параграфов (например «Возрождение: экономика и личность» [Петрушенко, 2012: 125–138]) вообще складывается впечатление, что для него любые «носители культуры, любящие выпить и поболтать» (выражение позаимствовано им у Л.П. Карсавина [Карсавин, 1915: 21]) уже сами по себе глашатаи гуманизма (независимо от того, где и когда имели место эпизоды выпивки и болтовни). Наконец, недостатком конкретно-исторических знаний, очевидно, можно объяснить и целый ряд разбросанных по тексту книги мелких фактических, грамматических и иных ошибок — начиная от превращения христианства в *государственную* религию Рима в 313 г. [Петрушенко, 2012: 177] и провозглашения тамплиеров *нищенствующим* (sic!) орденом [Петрушенко, 2012: 200] и заканчивая «кантони-

стами» (комментирующими Св. Писание) [Петрушенко, 2012: 257] и абсолютно невообразимым определением глагольной формы «sum» [Петрушенко, 2012: 288] (ошибок в латинских, греческих, итальянских словах в книге вообще великое множество [Петрушенко, 2012: 26, 28, 64, 86, 130, 131, 286, 306, 307, 338, 340, 342 и пр.]).

Второй существенной проблемой, с которой читатель может столкнуться в монографии Л.П., следует признать ее неоднозначное идеологическое наполнение. С пренебрежением отзываясь во введении о марксистской периодизации истории, о примитивности и схематизме в восприятии марксистами исторического процесса, автор вместе с тем не предпринимает ничего, чтобы порвать со схемой (этой «односторонней и мертвой абстракцией» [Петрушенко, 2012: 13–14]) и сформулировать новый, свободный от догматизма, взгляд на средневековье и его культуру. Более того, многочисленные замечания и оговорки, рассеянные по тексту книги (да и само использование вне какой-либо критики идеологизированных научных трудов советского времени), недвусмысленно свидетельствуют о самой что ни на есть марксоидности его собственных философско-исторических воззрений. То и дело на страницы «Повседневной жизни...» прорываются термины и понятия, привычные для марксистской философии истории. Здесь и общественно-экономические формации (эквивалент «всякого общества в широком смысле слова» [Петрушенко, 2012: 53]), и противостоящие друг другу клас-

сы [Петрушенко, 2012: 56, 85], и навязчивый подсознательный поиск некой социальной, культурной или любой иной революции, которую можно было бы «вернуть», скажем, между средневековьем и Возрождением в Италии, где, по мнению автора, в процессе культурного развития наблюдался «резкий разрыв с прошлым» [Петрушенко, 2012: 143]. С особенной яростью (в духе официальной советской историографии) обрушивается Л.П. на католическую церковь — защитницу феодальных порядков и идеологических норм, с помощью своей искусственной доктрины стремящаяся, по его мнению, обезличить людей средневековья, изгнать из них всё индивидуалистическое и земное и подчинить их. В свою очередь, ведовство и ереси закономерным образом представлены в его книге как некая стихийная и не вполне осознанная оппозиция церковному догматизму, в известном смысле роднящая колдунов и еретиков с гуманистами (sic!) [Петрушенко, 2012: 245, 250]. Насколько искусственны при этом могли быть еретические учения или ведовские практики, Л.П. не задумывается, для него любое сопротивление церкви — это уже хорошо, любой еретик или колдун симпатичнее папы римского.

Впрочем, нам остается только догадываться, чем на самом деле объяснялись подобные агрессивные выпады в адрес одной из главных «системообразующих» сил средневекового мира. Позволю себе предположить, что философско-исторические (и политические) взгляды Л.П. носили характер весьма эклектичный. Не умея отказаться от сте-

реотипов, укоренившихся в его сознании за годы освоения (а затем преподавания) вузовских курсов истмата и диамата, он в то же время постепенно осознавал неестественность современного ему советского партийно-государственного и общественного устройства. В этом смысле отношение к католической церковной иерархии (а заодно и к феодальному государству) становилось для него своеобразной проекцией его отношения к советской партийной верхушке (наверняка представлявшейся ему в виде такой же лицемерной геронтократии, как и церковь) [Петрушенко, 2012: 280, 281, 284]. В свою очередь, в еретических движениях и прочих видах народного протеста можно было бы запросто увидеть отражение собственного подспудного диссидентства... Такое истолкование авторских взглядов кажется вполне правдоподобным, особенно если учесть неоднократно встречающиеся в тексте вольные или невольные (?) параллели и аналогии между реалиями средневековыми и советскими (наиболее показательно здесь сравнение сталинской репрессивной системы и инквизиции [Петрушенко, 2012: 256]). Да и сама двойственность, позиционируемая автором как главная характеристика средневекового мира, в конечном итоге, в завершающих разделах книги всё чаще описывается в выражениях, более подходящих для аллегорического портрета советской эпохи, нежели для средневековья. Для примера здесь достаточно взглянуть хотя бы на один авторский абзац:

«Во второй половине средневековья мы присутствуем при том, как

всё более углубляется и расширяется пропасть между официальными жизнью и поведением, богословской мудростью, реальным смыслом и интересами, с одной стороны, а с другой – жизнью и поведением неофициальными, реальными, мудростью житейски-бытовой, смыслом здоровым и жизненно необходимым. Официальная личина, сакральная маска, навязанная системой и идеологией средневековья, постепенно сползает с физиономии этого общества, обнажая его всё более и более узнаваемые нами сегодня, реальные, жизненные интересы и структуры, образующие истинное лицо этого общества. И это лицо, хотя бы за то что оно выделяется на общем фоне, – всё более и более осуждается медленно отживающим средневековым обществом» [Петрушенко, 2012: 297] (см. также [Петрушенко, 2012: 298–299]).

Всё это вновь и вновь заставляет читателя задаваться весьма неприятными (в контексте рецензирования) вопросами. Какова на самом деле была цель написания рассматриваемой книги? И кто в действительности ее автор: не умеющий абстрагироваться от своих симпатий и антипатий, наивно, но честно интересующийся средневековьем «самодеятельный» историк или же публицист, избравший средние века всего лишь в качестве «полигона» для разоблачения недостатков совсем другой эпохи?

Последним, но отнюдь не менее значимым и важным поводом для критики Л.П. и его творения можно назвать его специфическое восприятие времени и фактической хро-

нологии. Сразу отмечу, что памятуя об изначальной технической специализации автора («получил специальность “радиомеханик авиационный”» в Пермском авиационно-техническом училище [Эрлихман, 2012: 7]), я в принципе была готова к тому, чтобы встретить в его работе разнообразные хронологические парадоксы и некоторое (незначительное, как я надеялась) количество того, что принято именовать анахронизмами. Ведь не секрет, что в глазах большинства технарей (в особенности молодых – студентов и выпускников технических вузов) всякое выражение, записанное цифрами, подчиняется в первую очередь математическим правилам, а то, что от перемены мест слагаемых может пострадать датировка событий, для них не очень существенно. Однако столкнуться с подобным пониманием времени и истории в сочинении уже зрелого, умудренного опытом человека, профессора, доктора наук, в течение многих лет после своего технарского студенчества читавшего гуманитарные курсы, было более чем удивительно.

С первых же параграфов книги читателя буквально наповал сражает невероятное количество временных кульбитов и скачков, которые авторская мысль совершает на пути от столетия к столетию (подчас минуя 3–4 столетия промежуточных), от эпохи к эпохе и даже от цивилизации к цивилизации (см. напр. [Петрушенко, 2012: 63, 187, 326]). На страницах «Повседневной жизни...» господствует невообразимое нагромождение и смешение – даже в рамках компактных темати-

ческих фрагментов текста – разновременных реалий, понятий, исторических фактов. В конечном счете по мере прочтения разделов монографии возникает ощущение, что к средневековой эпохе Л.П. относится примерно так же, как и к медиэвистической историографии, – как к некой статичной, более-менее однородной «глыбе», единому временному массиву, обладающему почти неизменными характеристиками, в рамках которого можно произвольно перемещаться, сопоставляя и связывая между собой *абсолютно любые* события и явления. Именно такое отношение позволяет ему проиллюстрировать рассказ о становлении городской культуры и торжестве ее идеалов над церковными догмами (sic!) в XIII в. с помощью цитаты из Рабле [Петрушенко, 2012: 131]. И именно оно побуждает его рассматривать эволюцию и особенности религиозного сознания позднего средневековья (под которым, по его мнению, понимается тот же XIII в.) на примере биографии... Бернара Клервоского [Петрушенко, 2012: 221–222]. И подобных анахронизмов в книге можно найти немало. Некоторые из них выглядят настолько обескураживающе, что читателю остается только гадать, стал ли он жертвой авторских хронологических вольностей или неумело построенного нарратива («Еще Лютер жалуется на то, что в его время считалось позором, если ученый человек женился <...> А в XIV веке женитьбе одного венского профессора современники не могли подыскать другого объяснения, кроме сумасшествия» [Петрушенко, 2012: 265]; см. также [Петрушенко, 2012: 263, 274 и пр.]).

Заметные проблемы создает автору и уже отмеченная ранее неопределенность самих хронологических рамок средневековья, которое то «расплывается», захватывая XVII в. (а иногда и XVIII в.) [Петрушенко, 2012: 275], то снова сжимается, когда автор внезапно обнаруживает «отживающее средневековое общество» в XIII столетии [Петрушенко, 2012: 297–298]. Внутренние границы отдельных этапов средневековой эпохи также не определены. И хотя в тексте время от времени и встречаются выражения «раннее средневековье», «позднее средневековье», то, что за ними скрывается – равно как и специфика каждого отдельного этапа, – по-видимому, остается непонятным даже для самого Л.П. (иногда он вовсе делит средневековье на «половины»).

Между тем наличие какой бы то ни было, пусть даже размытой, хронологической привязки для событий, зафиксированных в книге Л.П., уже является большой удачей. Ведь некоторые явления средневековой культуры на ее страницах возникают вовсе вне какого-либо хронологического контекста и как будто бы без причины. Приведу лишь несколько примеров:

«Для средневековья очень характерны автобиографии в форме исповеди» [Петрушенко, 2012: 77].

«Одной из характернейших черт средневекового общества было гостеприимство» [Петрушенко, 2012: 99].

«В средние века в индивидуализации личности и ее сознания боль-

шую роль играла такая категория человеческого отношения, как “простота” (*simplicitas*). Особенно тягостел к ней францисканский орден — может быть потому, что эта простота была присуща его основателю, святому Франциску» [Петрушенко, 2012: 133].

«В средние века розга была популярнейшим, широчайше распространенным воспитательным средством» [Петрушенко, 2012: 279].

«Итак, средневековая школа давала своим питомцам в течение многих сотен лет под громким названием “семи свободных наук” всего лишь умение говорить и писать по-латыни, немножко права и прикладной логики, немного арифметики и календарной астрономии, фантастическую географию и очень много пения» [Петрушенко, 2012: 296].

Всё это в совокупности говорит о явной неисторичности авторского мышления. Ценность каждого конкретного факта, необходимость встраивания его в определенный исторический ряд остаются для него пустым звуком. Методологические принципы исторической науки ему неведомы... Тем не менее, несмотря на все высказанные замечания — а они наверняка должны были возникнуть и у редакции на стадии подготовки книги к печати — сочинение Л.П. оказалось опубликовано как раз в исторической серии, к тому же уже известной изданием целого ряда профессиональных исторических трудов [Пастуро, 2001; Эрс, 2007 и др.]. Именно об этом обстоятельстве мне и хоте-

лось бы сказать несколько слов в завершение данной рецензии.

Практически с самого начала чтения монографии Л.П. становится очевидно, что перед нами отнюдь не научный и, к сожалению, даже не научно-популярный труд. Рассматриваемую книгу можно сравнить скорее с рефератом — обширным, дотошно исполненным, корректно оформленным, но всё же рефератом, о котором, должно быть, втайне мечтает любой студент, осваивающий историю и культуру средневековой Европы, например в рамках вузовского курса культурологии. При этом тот факт, что текст, как уже отмечалось выше, не претерпел никаких изменений в 1990-х — начале 2000-х, да и вообще «залежался» в рукописном виде, недвусмысленно говорит о том, что автор осознавал эту заведомую вторичность собственной работы. Причины, побудившие его собирать материал по истории средних веков, вполне понятны (всякое позитивное хобби достойно реализации). Отчасти ясны и мотивы наследников автора, спустя годы решивших увековечить имя и труд своего покойного родственника. Непонятными остаются только резоны издательства, принявшего рукопись «Повседневной жизни...» к публикации, да вдобавок еще и в такой зарекомендовавшей себя серии. Понимали ли редакторы «Молодой гвардии», что именно они собираются представить широкой публике? — Вероятно, да (подтверждением тому отчасти может служить «извиняющееся» предисловие В. Эрлихмана). Сознали ли они последствия этого своего шага? — Скорее всего, нет. Между

тем, публикация подобного текста отнюдь не способствует популяризации медиевистических штудий (как об этом сказано всё в том же предисловии), а напротив, может безнадежно дискредитировать хороший издательский проект и достойную в целом книжную серию. И уж вдвойне обидно становится от того, что читатель, неискушенный в вопросах исторической науки (и медиевистики в частности), прочитав в аннотации, что Л.П. — «историк и философ», если и не воспримет его книгу как эталон исследовательской работы, то запросто может поверить, что историю пишут именно так...

REFERENCES

- Belov G. fon.* Gorodskoj stroj i gorodskaja zhizn' srednevekovoj Germanii / Per. s nem. M.: Izd-vo M. i S. Sabashnikovyh, 1912.
- Bicilli P.M.* Jelementy srednevekovoj kul'tury. Odessa: Gnosis, 1919.
- Dzhivelegov A.K.* Srednevekovye goroda v Zapadnoj Evrope. SPb.: Brokgauz-Efron, 1902.
- Eshevskij S.V.* Zhenshhina v srednie veka v Zapadnoj Evrope // Eshevskij S.V. Sochineniya. Ch. 1–3. M.: K. Soldatenkov, 1870. Ch. 3.
- Gausrat A.* Srednevekovye reformatory / Per. s nem. SPb.: L.F. Pantelev, 1900. T. 1–2.
- Ger'e V.I.* Srednevekovoe mirosozercanie // Vestnik Evropy. 1891. № 1–4.
- Gurevich A. Ja.* Kategorii srednevekovoj kul'tury. M.: Iskusstvo, 1972.
- Ivanov K.A.* Srednevekovyj gorod i ego obitateli. 2-e izd. SPb.: Tipo-lit. M.P. Frolovoj, 1900.
- Ivanov K.A.* Srednevekovyj zamok i ego obitateli. 3-e izd., dop. SPb.: Tipo-lit. M.P. Frolovoj, 1907.
- Jejken G.* Istorija i sistema srednevekovogo mirosozercanija / Per. s nem. SPb.: Tip. M.I. Akinfieva, 1907.
- Jerlihman V.* Puteshestvie v srednevekov'e // Petrushenko L.A. Povsednevnaia zhizn' srednevekovoj Evropy. M.: Molodaja gvardija, 2012. S. 6–9.
- Jers Zh.* Povsednevnaia zhizn' papskogo dvora vremen Bordzhia i Medichi. 1420–1520 / Per. s franc. M.: Molodaja gvardija, 2007. (Zhivaja istorija: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva).
- Kardini F.* Istoki srednevekovogo rycarstva / Sokr. per. s ital. M.: Progress, 1987.
- Karsavin L.P.* Osnovy srednevekovoj religioznosti v XII–XIII vekah, preimushhestvenno v Italii. Pg.: Tip. «Nauchnoe delo», 1915.
- Mishle Zh.* Ved'ma / Per. s fr. M.: Sovremennye problemy, 1912.
- Pasturo M.* Povsednevnaia zhizn' Francii i Anglii vo vremena rycarej Kruglogo stola / Per. s franc. M.: Molodaja gvardija, 2001. (Zhivaja istorija: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva).
- Petrushenko L.A.* Lejbnic: Ego zhizn' i sud'ba. M.: Jekon. gaz.; Jekonomist, 1999.
- Petrushenko L.A.* Povsednevnaia zhizn' srednevekovoj Evropy. M.: Molodaja gvardija, 2012. (Zhivaja istorija: Povsednevnaia zhizn' chelovechestva).
- Rua Zh. Zh.* Istorija rycarstva / Per. s fr. SPb.: I.I. Ivanov, 1898.
- Speranskij N.V.* Oчерки po istorii narodnoj shkoly v Zapadnoj Evrope. Voznikovenie narodnoj shkoly. Stroj zapadnoevropejskogo obrazovaniya v srednie veka. M.: Tov-vo tipografii A.I. Mamontova, 1896.
- Suvorov N.S.* Srednevekovye universitety. M.: Tipo-lit. t-va I.N. Kushnerev i Ko, 1898.
- Zombart V.* Burzhua. Jetjudy po istorii duhovnogo razvitiya sovremennogo jekonomiceskogo cheloveka / Per. s nem. M.: Gos izd., [1924].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белов Г. фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии / Пер. с нем. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1912.

Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса: Гносис, 1919.

Гаусрат А. Средневековые реформаторы / Пер. с нем. СПб.: Л.Ф. Пантелеев, 1900. Т. 1–2.

Герье В.И. Средневековое миросозерцание // Вестник Европы. 1891. № 1–4.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.

Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1902.

Ешевский С.В. Женщина в средние века в Западной Европе // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 1–3. М.: К. Солдатенков, 1870. Ч. 3.

Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем. М.: Гос изд., [1924].

Иванов К.А. Средневековый город и его обитатели. 2-е изд. СПб.: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1900.

Иванов К.А. Средневековый замок и его обитатели. 3-е изд., доп. СПб.: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1907.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с итал. М.: Прогресс, 1987.

Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, пре-

имущественно в Италии. Пг.: Тип. «Научное дело», 1915.

Мишле Ж. Ведьма / Пер. с фр. М.: Современные проблемы, 1912.

Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / Пер. с франц. М.: Молодая гвардия, 2001. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Петрушенко Л.А. Лейбниц: Его жизнь и судьба. М.: Экон. газ.; Экономист, 1999.

Петрушенко Л.А. Повседневная жизнь средневековой Европы. М.: Молодая гвардия, 2012. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

Рюа Ж.Ж. История рыцарства / Пер. с фр. СПб.: И.И. Иванов, 1898.

Сперанский Н.В. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. Возникновение народной школы. Строй западноевропейского образования в средние века. М.: Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1896.

Суворов Н.С. Средневековые университеты. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898.

Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания / Пер. с нем. СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1907.

Эрлихман В. Путешествие в средневековье // Петрушенко Л.А. Повседневная жизнь средневековой Европы. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 6–9.

Эрс Ж. Повседневная жизнь папского двора времен Борджиа и Медичи. 1420–1520 / Пер. с франц. М.: Молодая гвардия, 2007. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

А.А. Бочаров

«ВИНЕГРЕТ, А НЕ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ НА МОРЕ»:
ФИЛЬМ С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА
«БРОНЕНОСЕЦ “ПОТЕМКИН”»
ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ

Кинематограф стал проникать в жизнь армии и флота Российской империи к концу первого десятилетия XX в. Взаимодействие морского ведомства и кинематографических фирм носило активный и плодотворный характер [Бочаров, 2002; 2013; 2014].

Сотрудничество военно-морского флота и кинематографа продолжилось и в советский период. Одной из страниц этого сотрудничества явилось участие флота в съемках фильма режиссера С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”». Фильм получил огромный успех и вскоре вошел в «золотой фонд» мирового кинематографа. Впрочем, у выдающегося произведения киноискусства нашлись не только поклонники, но и суровые критики. В числе их были в первую очередь военные моряки, увидевшие в картине немало неточ-

ностей и даже нелепостей в изображении морского быта и подробностей жизни на корабле. Критике военных моряков содержания фильма Эйзенштейна и будет посвящена наша статья. Но прежде несколько слов об участии флота в создании картины.

Первоначальное желание Эйзенштейна снимать ряд эпизодов фильма на Балтике встретило различные препятствия. Съемки были перенесены на Черное море: в Одессу и Севастополь. Помощь в подготовке и проведении съемок творческой группе оказало военно-морское командование. В июле 1925 г. комиссар Штаба Рабоче-Крестьянского Красного Флота В.П. Автухов в соответствии с приказанием начальника Морских сил РККА В.И. Зофа обратился к комиссару Штаба Черноморского флота и ко-

мандиру Севастопольского военного порта с предложением оказать содействие в съемках эпизодов художественного фильма о событиях 1905 г. на Черном море. Один из документов содержит резолюцию Зофа с требованиями «оказать всевозможное содействие» съемкам и даже привлечь к этому Исторический отдел Штаба РККФ с целью участия в составлении сценария [РГАВМФ. Ф. Р-80. Оп. 2. Д. 64. Л. 276, 277]. «Всевозможное содействие», несомненно, предполагало и консультации военных моряков по поводу различных деталей содержания будущего фильма. Однако, как мы увидим, именно эта сторона сотрудничества флота с создателями фильма не принесла положительных результатов.

В архивных материалах не удалось обнаружить сведений о подробностях съемок. Пробел позволяют заполнить публикации того времени, а также литература, посвященная истории создания «Потемкина».

20 октября 1925 г. съемочная группа фильма прибыла в Севастополь. «<...> для того, чтобы сделать картину вокруг броненосца – всё же нужен броненосец», – писал позднее Эйзенштейн [Эйзенштейн, 1997: 118]. Снимать на реальном «Потемкине» было невозможно: старый броненосец находился уже в стадии разделки на металл. Режиссер вспоминал подробности выбора корабля на роль революционного броненосца: «Весело покачивается на водах Севастопольского рейда крейсер “Коминтерн”. Но он вовсе не то, что нам надо. У него нет своеобразного широкого круппа, достой-

ного цирковой лошади, – площадки юта – плацдарма знаменитой драмы на Тендре, которую нам надо воссоздать <...>» [Эйзенштейн, 1997: 118].

Наконец, было решено: роль «Потемкина» исполнит еще более старый броненосец «Двенадцать апостолов», давно выведенный из боевого состава Черноморского флота и превращенный в плавучий склад боеприпасов. «В цепях, прикованный к скалистому берегу, притянутый железными якорями к неподвижному песчаному дну, стоит его когда-то героический остов в одной из самых дальних извилин так называемой Сухарной балки» [Эйзенштейн, 1997: 119].

Одна из проблем при съемках состояла в том, что на «Потемкине» орудия главного калибра были башенными, а на «Двенадцати апостолах» барбетными¹. Пришлось изготовить бутафорские орудийные башни. «Из реек, балок и фанеры по старым чертежам <...> воссоздан точный облик внешнего вида броненосца “Потемкин”» [Эйзенштейн, 1997: 120].

Чтобы снять на палубе броненосца «драму на Тендре» (попытку расстрела матросов и восстание), происходившую в открытом море, старый корабль с поднятым якорем развернули перпендикулярно к берегу так, что с башен можно было видеть палубу на фоне моря, а берега не попадали в кадр. Режиссер вспоминал участвовавших в съемках моряков:

¹ Барбет – неподвижная открытая платформа для размещения вращающейся орудийной установки с броневым прикрытием.

минера Глазастикова, приставленного к съемочной группе, чтобы следить за безопасностью на броненосце, боцмана Левченко, чей свисток помогал руководить снимающимися краснофлотцами, наконец краснофлотцев, исполнявших роли революционных матросов 1905 г. [Юрнев, 1965: 35].

Авторы публикаций того времени, посвященных созданию «Потемкина», отмечали вклад в создание фильма именно рядовых краснофлотцев. Так, один из авторов писал: «Правда, у нас нет Фербэнкса и Пикфорд, Валентино и Чаплина, но у нас есть такие мощные матросские торсы, по сравнению с которыми дряблыми кажутся натренированные мышцы Дугласа» [Асеев, 1926: 13]. Кроме «Двенадцати апостолов» съемки проводились и на крейсере «Коминтерн», где снималась работа корабельных машин, а также на дивизионном истребителе «М».

Снятый и смонтированный всего за четыре месяца, в декабре 1925 г. «Броненосец “Потемкин”» был продемонстрирован публике и вскоре вышел в широкий прокат, сначала в СССР, затем в Германии и других странах. Почти сразу же немногие критические высказывания в адрес фильма потонули в море восторженных откликов. Объектом критики со стороны представителей кинематографического мира стало в первую очередь художественное своеобразие фильма. Что касается таких сторон фильма, как правдивость воссоздания исторической обстановки, точность специальных военно-морских и бытовых деталей, то о них говорили куда меньше.

На это, кстати, обратил внимание режиссер Л. Кулешов, писавший в 1926 г.: «Успех картин “Стачка” и “Броненосец «Потемкин»” сразу дал молодому режиссеру заслуженную популярность советского постановщика. Но не следует забывать, что этот успех был несколько казенным успехом и ни в одной статье, ни в одном разборе картины не было применено критики, ремесленно и по существу разбирающей произведения Эйзенштейна» [Кулешов, 1926: 10].

Мы не будем рассматривать критические высказывания в адрес фильма, сделанные искусствоведами и деятелями кино. Также не является нашей задачей и анализ ответственности содержания фильма исторической реальности, что может быть предметом отдельного достаточно обширного исследования. Поговорим только о том, как восприняли картину Эйзенштейна военные моряки, представители профессиональной группы, принимавшей прямое участие в создании фильма и ожидавшей увидеть в нём точное воссоздание условий жизни и службы на военном корабле.

В этом отношении наиболее полно критические высказывания в адрес картины были представлены в статье, подписанной псевдонимом «Штурман Р.» и опубликованной в 1926 г. в журнале «Красный флот». Эту статью, никак не вписывавшуюся в общий поток восторженных отзывов о фильме Эйзенштейна, быстро и надолго забыли. Упоминания о ней отсутствуют в известных нам публикациях, посвященных фильму. К сожалению, нам не удалось

установить подлинное имя автора. Можно только предположить, что он относился к числу бывших офицеров дореволюционного флота, поступивших на службу в советский флот.

Приведем ряд выдержек из статьи Штурмана Р., сохранив особенно сти пунктуации. Уже ее начало напрашивало читателя на весьма критический лад:

«Широкая, кричащая реклама о “лучшем достижении” кинорежиссера Эйзенштейна привлекла публику в кинотеатры в дни демонстрации нашумевшего фильма “Броненосец «Потемкин»”. Как не посмотреть эту картину?! О ней так много пишут и в газетных рецензиях и в киножурнале “Советский экран”. И публика “валом валит” в кино-театры глядеть *Потемкина*.

Широкие массы зрителей, далеких от моря и от всего морского, остались “весьма довольны”. Тут есть всё: и красоты моря, и “бытовые” сцены на корабле, и поголовные злодеи — офицеры, и картинные, как на спортивном состязании, прыжки с корабля в море, и появление эскадры» [Штурман Р., 1926: 133].

В приведенной нами цитате любопытно то, что Штурман Р. другими словами выразил мысль, прозвучавшую в одной из первых отзывов о фильме Эйзенштейна. Так, 24 января 1926 г. «Правда» писала: «Зрителю трудно расчленить свое впечатление, что волнует его больше — сами факты или их кинематографическое оформление» [цит.

по: Ростовцев, 1962: 150]. В дальнейшем автор цитируемой нами статьи в «Красном флоте» твердо становится на сторону тех, кого интересовали прежде всего факты и их точное отображение, а не «кинематографическое оформление».

Вернемся к тексту Штурмана Р.:

«Публика в восторге от достижения Эйзенштейна, и только моряки не совсем довольны.

Неграмотная, с морской точки зрения, а местами просто небрежная постановка Эйзенштейна неприятно режет глаз моряка и портит впечатление от красивых видов моря, действительно хорошо схваченных оператором Эд. Тиссэ. Не будь промахов Эйзенштейна в корабельных сценах, и вся картина была бы недурна. <...>

К сожалению, лица, взявшиеся за постановку картины “Броненосец «Потемкин»”, ушли от исторической правды и тем испортили морские бытовые сцены» [Штурман Р., 1926: 133].

Далее автор статьи перечислил и подробно прокомментировал различные несообразности, замеченные им в фильме. Вот главные из них:

«1. Командная палуба. Матросы спят в койках. Всякий плававший моряк знает, что койка подвешивается [с] помощью шкентросов (системы расходящихся веревок) и пары распорок. Это делает койку удобной, достаточно широкой постелью. У Эйзенштейна совсем

не так: он уложил матросов *Потемкина в койки без шкентросов и распорок, подвешенные как сильно провисающие гамаки* и такие сжатые, каких не бывало в действительности <...>.

2. Предобеденное время. Матросы приходят в палубу спускать подвесные столы. Делают это как будто по команде, все вдруг, то есть так, как это никогда не делалось и не делается: столы спускают поодиночке, по способности. <...> Столы спущены и по приказанию режиссера начинают раскачиваться с борта на борт. Матросы уходят. На чём будут сидеть обедающие, — неизвестно. В действительности, на подвесных столах, когда они подняты под подволок, лежат длинные складные деревянные скамейки, их снимают и ставят на палубу, как только столы спущены. Это в картине упущено и наблюдательный зритель недоумеает: “Неужели моряки едят стоя?”

3. Большой сбор. Личный состав корабля становится во фронт. В действительности, по большому сбору (по сигналу горниста), к месту сбора (на шканцы) автоматически, без особого дополнительного вызова, выходит и караул. В картине за караулом посылают рассыльного. (В исторических материалах указано, что караул действительно был вызван после сбора. — Прим. ред.).

4. Личный состав во фронте, офицеры в белых брюках, а командир и еще кто-то почему-то в черных. Так не бывало: форма одежды обязательной для всех, и все до одного должны были ее соблюдать. <...>

5. На помощь тонущему товарищу спешат матросы. И вот, вместо того, чтобы, скинув обувь и фуражку, прыгать в воду с борта, они для чего-то *бегут по выстрелу*² и оттуда спускаются в воду, хотя от выстрела до тонущего много дальше, чем от борта. Мало того, спешащие на помощь матросы в фильме идут по выстрелу (а не бегут) и боязливо держатся за леер (веревочные перила) обеими руками. В действительности, матросы в 1905 году лихо бегали по выстрелу, едва касаясь леера одной рукой.

6. Показалась на горизонте эскадра. И вот, вскоре зритель видит ее корабли совсем близко, в нескольких сотнях саженей от восставшего *Потемкина*, между тем как в действительности корабли эскадры, конечно, не приближались бы ближе 40–50 кабельтов (4–5 морских миль). Надо было показать то, что было бы видно в бинокль или зрительную трубу, а не простым глазом.

7. Боевая тревога. Матросы бегут по местам и, странное дело, у них *в руках винтовки*. Не собираются ли они отражать эскадру выстрелам из винтовок? Не ожидают ли столкновения вплотную и боя на abordаж (вручную)? Но ведь это 1905 год, а не восемнадцатое столетие. <...>

² В данном случае «выстрел» — это балка, прикрепленная к борту судна шарнирным соединением. В отведенном от борта положении выстрел служит для постановки и крепления катеров и шлюпок во время якорной стоянки судна и для посадки людей в шлюпку. Вдоль выстрела натягивается трос — выстрел-леер, служащий для облегчения передвижения людей по выстрелу.

8. *Потемкин* видит приближающуюся эскадру и готовится вступить с нею в бой. Сцена на палубе *Потемкина*. Комендор наводит орудие мелкого калибра, и оказывается, что оно стоит не в каземате, как это было бы на *настоящем Потемкине*, а просто на верхней палубе, как на *миноносцах*. <...>

9. Грозные крупные башенные орудия *Потемкина* поворачиваются в сторону эскадры, и вдруг (какая неожиданность!) — башня оказывается... трех-орудийной. Это в 1905-го году, когда трех-орудийных башен еще не существовало, а тем более не было на *Потемкине*.

10. А вот и другая несообразность: в русской эскадре Черноморского флота в 1905 году в постановке гр. Эйзенштейна идут два четырех-трубных крейсера, каких в Черноморском флоте никогда не было. По-видимому, этот кусок ленты попросту позаимствовали из какого-нибудь другого фильма, вероятно, заграничного. <...>

11. На мостике *Потемкина* стоит часовой в шинели, а шинель-то образца 1920 года. <...>

12. *Потемкин* идет в море. На мостике новый командир корабля. Но что за странность? Приказания в машину он передает по переговорной трубе, а не машинным телеграфом. Как будто действие происходит на маленьком буксирном пароходе, а не на броненосце, где от мостика до машинного отделения так далеко, что голосом команды не передашь, да никто и не стал бы пользоваться трубой, имея под руками

ручки механического передатчика команд в машину — машинного телеграфа.

13. Видна мачта броненосца *Потемкин*, даже рей есть, нет только стоячего такелажа (ванты, фордуны, штаги), без которого мачта и стоять-то не будет. Строили для съемки декорацию проглядели такую деталь! <...>

15. Наконец, еще одна несообразность: в Одесской гавани, у стенки, стоит судно с советским названием. <...>

Остается впечатление, что постановщики смотрели на свою работу спустя рукава, небрежно. И в результате — мешанина, винегрет, а не воспроизведение исторического события на море» [Штурман Р., 1926: 133–135].

Автор статьи высказал пожелание, чтобы при морских киносъемках у режиссера был бы «морской помощник, консультант, советчик — многоплававший моряк». Штурман Р. писал: «Там, где постановщик не найдет исторического, документального материала, чтобы воссоздать действительную обстановку, в которой совершались события, он должен призвать на помощь людей, хорошо знакомых с ней, расспросить их, не стыдясь своего незнания, и в конце концов восстановить ее во всех деталях» [Штурман Р., 1926: 133].

Но ведь содействие съемкам оказывало морское командование, а сам режиссер пользовался консультациями военных моряков. Очевидно,

их критические замечания и советы не были услышаны, а Эйзенштейн отдал предпочтение не точности деталей, а художественной выразительности фильма. Вероятно, сказались и спешка при создании картины — ведь она, согласно заказу Юбилейной комиссии ЦИК СССР, созданной для организации празднования двадцатой годовщины революции 1905 г., должна была быть закончена к годовщине декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве.

Впрочем, редакционная заметка, сопровождавшая статью Штурмана Р., была несколько более снисходительной к авторам фильма, чем сама статья. В заметке указывалось:

«Но критики, по-видимому, забывают чрезвычайно важную вещь. Эйзенштейн не имел тех средств, которые имеют Гриффитц, Фербенкс, “Уфа” и другие кино-короли и кино-компании. Естественно, что Эйзенштейн не мог целиком воссоздать обстановку 1905 года, не мог воскресить ряд кораблей, уже сломанных Рудметаллторгом. Приходилось довольствоваться тем, что под руками.

С той же частью критических замечаний, которые направлены против нелепостей ряда деталей (койки, столы, шинель и пр. и пр.), Редакция целиком согласна. Здесь постановщик снисхождения не заслуживает, тем более что моряков-советчиков он мог получить совершенно свободно у Штаба Черноморского флота. <...>

С общей оценкой фильма “Броненосец «Потемкин»”, даваемой

штурманом Р. (“мешанина”, “винегрет” и т.п.) Редакция не согласна. “Дюжина” ошибок в морских деталях все-таки не лишает фильм его крупного общественно-политического, исторического и художественного значения» [Штурман Р., 1926: 136].

Знал ли создатель фильма о суровой критике моряков в адрес своего творения? Скорее всего, да. Косвенным подтверждением этого предположения служат некоторые высказывания режиссера. Например, он утверждал, что в кино, даже историческом, «важна эмоциональная убедительность, а не документальная точность» [цит. по: Ростовцев, 1962: 158].

Столь пространно цитируемая нами публикация не получила, насколько нам известно, никаких откликов. Уже к концу 1930-х гг. сложился своеобразный канонический список советских исторических и историко-революционных фильмов, какая-либо критика в адрес которых была невозможна.

Лишь в 1962 г. кинокритик И.Г. Ростовцев в книге «Броненосец “Потемкин”» попытался подвергнуть критике некоторые моменты фильма с точки зрения их соответствия историческим реалиям. На его критику тогда и позднее отвечал другой исследователь творчества Эйзенштейна, Р.Н. Юренев. Последний утверждал, что «<...> несмотря на общее для всех поборников исторической точности желание во что бы то ни стало уличить Эйзенштейна в произвольном, неполном, неверном или неточном изображении

исторических событий, их обвинения выглядят крайне бледно» [Юрнев, 1988: 150]. В пылу полемики Юрнев писал, что важны не детали, а то, что Эйзенштейн в «Броненосце “Потемкине”» впервые дал «обобщенный образ революции». Стремясь снять с режиссера обвинения даже в мелких неточностях, Юрнев утверждал, что «<...> и детали, даже самые мелкие, верны» [Юрнев, 1988: 151].

В 1980 г. известный историк В. Пашуто не подверг сомнению историческую и бытовую достоверность «Броненосца “Потемкина”». «Там же, где в историко-революционной теме научный историзм окреп, возникли “Броненосец “Потемкин”» и “Октябрь” Эйзенштейна», – писал он в статье, посвященной советскому историческому кинематографу [Пашуто, 1980: 32].

В последнее время к теме соответствия содержания фильма исторической реальности обратился писатель-маринист, бывший морской офицер В.В. Шигин. Он посвятил попыткам художественного отражения восстания на «Потемкине» целую главу в книге «Мятеж броненосца “Князь Потемкин-Таврический”: правда и вымысел». Этот автор вполне справедливо назвал фильм Эйзенштейна «вершиной пропаганды о восстании на “Потемкине”» и дал любопытное определение жанровых особенностей картины. Так, Шигин пишет: «Безусловно, фильм “Броненосец “Потемкин”» талантлив, но это фильм особого жанра – историко-фантастического, и к реальным событиям июня 1905 года на палубе реаль-

ного броненосца “Князь Потемкин Таврический” он не имеет никакого отношения» [Шигин, 2014: 315]. По мнению писателя, броненосец в картине Эйзенштейна «похож на некую бездонную бочку, из которой раз за разом выныривают новые и новые персонажи». Это, как пишет Шигин, «придает фильму оттенок безумия» [Шигин, 2014: 319]

Но и Ростовцев, и Шигин касались лишь соответствия содержания фильма историческим событиям. Вопрос же о реалистичности специфических морских деталей содержания картины никогда после статьи 1926 г., насколько нам известно, специально не рассматривался.

Разумеется, всё сказанное и процитированное нами не имеет отношения к оценке художественных достоинств «Броненосца Потемкина». Нет оснований оспаривать мнение кинематографического сообщества и миллионов зрителей, считавших и считающих фильм Эйзенштейна выдающимся произведением киноискусства. Тем не менее, забытая статья 1926 г. в специальном морском журнале – хороший повод в очередной раз задуматься о том, что важнее в фильме на историческую тему: «документальная точность» или «эмоциональная убедительность». Кинематографисты и большинство простых зрителей с одной стороны и специалисты (историки, а в данном случае и военные моряки) с другой, как правило, отвечали и отвечают на этот вопрос по-разному. И точку в этом споре поставить, наверное, невозможно.

REFERENCES

Aseev N. Kak snimalsja fil'm «Bronenosec Potemkin» // Ogonek. 1926. № 3.

Bocharov A. (podgotovka publikacii, vstup. stat'ja i prim.) «Predstavit' Ego velichestvu kinematograficheskie kartiny iz morskogo byta»: Iz istorii russkogo kino // Istochnik. Dokumenty russkoj istorii. 2002. № 6. S. 31–35.

Bocharov A.A. Kinematograf v zhizni voenno-morskogo flota Rossii v nachale XX v. // Voprosy istorii. 2013. № 9. S. 136–143.

Bocharov A.A. Flot i stanovlenie otechestvennogo kinematografa // Elaginskie chtenija. Vyp. 7. SPb.: Giperion, 2014. S. 35–44.

Jejzenshtejn S.M. Memuary. T. 1. M.: Redakcija gazety «Trud»; Muzej kino, 1997.

Jurenev R.N. «Bronenosec Potemkin» Sergeja Jejzenshtejna. M.: Nauka, 1965.

Jurenev R.N. Sergej Jejzenshtejn. Zamysly. Fil'my. Metod. M.: Iskusstvo, 1986. Ch. 1.

Kuleshov L. Volja. Uporstvo. Glaz // Jejzenshtejn «Bronenosec Potemkin»: Sbornik. M.: Kinopechat', 1926. S. 9–12.

Pashuto V. Kino i otechestvennaja istorija // Iskusstvo kino. 1980. № 2. S. 30–37.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voennno-Morskogo flota (RGAVMF).

Rostovcev I.G. Bronenosec «Potemkin». M.: Iskusstvo, 1962.

Shturman R. Morskoj kino-fil'm «Bronenosec Potemkin» // Krasnyj Flot. 1926. Kn. 6. S. 133–136.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асеев Н. Как снимался фильм «Броненосец Потемкин» // Огонек. 1926. № 3.

Бочаров А. (подготовка публикации, вступ. статья и прим.) «Представить Его величеству кинематографические картины из морского быта»: Из истории русского кино // Источник. Документы русской истории. 2002. № 6. С. 31–35.

Бочаров А.А. Кинематограф в жизни военно-морского флота России в начале XX в. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 136–143.

Бочаров А.А. Флот и становление отечественного кинематографа // Елагинские чтения. Вып. 7. СПб.: Гиперион, 2014. С. 35–44.

Кулешов Л. Воля. Упорство. Глаз // Эйзенштейн «Броненосец Потемкин»: Сборник. М.: Кинопечать, 1926. С. 9–12.

Паашто В. Кино и отечественная история // Искусство кино. 1980. № 2. С. 30–37.

Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ).

Ростовцев И.Г. Броненосец «Потемкин». М.: Искусство, 1962.

Штурман Р. Морской кино-фильм «Броненосец Потемкин» // Красный Флот. 1926. Кн. 6. С. 133–136.

Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т. 1. М.: Редакция газеты «Труд»; Музей кино, 1997.

Юрнев Р.Н. «Броненосец Потемкин» Сергея Эйзенштейна. М.: Наука, 1965.

Юрнев Р.Н. Сергей Эйзенштейн. Замыслы. Фильмы. Метод. М.: Искусство, 1986. Ч. 1.

ИНТЕРВЬЮ С А.А. ОРЛОВЫМ

В 2015 г. отмечается 200 лет окончания эпохи Наполеоновских войн. О некоторых итогах этого юбилея и об общей ситуации в историографии данного периода наш корреспондент М.В. Батшев в январе 2015 г. поговорил с доктором исторических наук, специалистом по истории русско-английских отношений конца XVIII — начала XIX в. Александром Анатольевичем Орловым

М.В. В 2015 г. отмечается юбилей «100 дней Наполеона». Как вы думаете, эта его авантюра могла быть более успешной?

А.О. Я думаю, что не могла. Даже если бы вся Франция продолжала поддерживать Наполеона (чего в реальности уже не было), и даже если бы он выиграл еще несколько битв, кроме сражения при Ватерлоо, против него объединилась вся Европа, уставшая от 23 лет постоянных войн. Союзники по седьмой антифранцузской коалиции (Великобритания, Россия, Пруссия, Австрия и др.) располагали общей армией почти в 1 млн солдат. Продолжать далее борьбу было самоубийством для Франции. Как сказал французский историк, крупнейший специалист по наполеоновской эпо-

хе Жан Тюлар, до тех пор пока Наполеон работал на интересы французской буржуазии, она его поддерживала, он был ее великим героем, но когда он стал работать против этих интересов, великого героя сослали на остров Святой Елены писать мемуары. Так что «100 дней» — это действительно авантюра, которая не могла закончиться успехом.

М.В. В историографии Наполеоновских войн существует довольно распространенная точка зрения, что Великобритания не участвовала в сухопутных кампаниях антифранцузских коалиций потому, что берегла жизни своих солдат. Согласны ли вы с этим утверждением?

А.О. Во-первых, я не согласен с утверждением о том, что британские войска не участвовали в сухопутных кампаниях эпохи революционных и Наполеоновских войн. Конечно, масштабы их участия были ограниченными, локальными, и не могут сравниться с операциями, которые проводили войска главных союзников Великобритании на континенте — России, Пруссии и Австрии. Но я могу вспомнить совместные англо-русские экспедиции 1799 г. в Голландию и 1805 г. в Неаполи-

танское королевство. Отдельной частью грандиозной эпопеи наполеоновских войн является война 1808–1814 гг. на Пиренейском полуострове, где британцы под командованием выдающегося полководца Артура Уэллсли герцога Веллингтона сражались против французов вместе с испанцами и португальцами. Вспомним, наконец, последнюю военную кампанию Наполеона, о которой я только что говорил, и особенно сражение при Ватерлоо.

Во-вторых, сама британская сухопутная армия (я имею в виду рядовой состав) состояла в это время в значительной степени из «подонков нации» — безработных, пьяниц, бродяг, разорившихся и опустившихся людей. Немало было в ней наемников из других европейских стран, прежде всего из различных германских государств. Во время Войны за независимость США 1775–1783 гг. английский король Георг III просил русскую императрицу Екатерину II прислать ему в помощь корпус войск численностью 30 тыс. чел. Екатерина тогда отказала (в России только что закончилось восстание под руководством Е.И. Пугачева), и британцы набрали наемников в Германии, причем особенно много в Гессене. Естественно, что поддерживать дисциплину в таких войсках было крайне трудно и поэтому в армии процветали телесные наказания, сторонником которых был и Веллингтон.

Английская сухопутная армия конца XVIII — начала XIX в. была просто неспособна вести самостоятельные масштабные операции на континенте, она почти по всем

показателям проигрывала французской армии, возглавляемой Наполеоном, и именно этим объясняется нежелание британцев использовать сухопутные войска в сражениях с французами. Но постепенно Наполеон научил всех своих противников (и англичан, и русских, и австрийцев с пруссаками) воевать. Английская армия образца 1815 г. — это уже отлаженная боевая машина, опирающаяся на закаленных бойцов-ветеранов.

Но после 1815 г. Великобритания не собиралась больше воевать. А в мирное время страна с рыночной экономикой не могла себе позволить содержать большую армию, требующую траты значительных средств бюджета. Поэтому самые боеспособные ее подразделения отправились в колонии и в Индию, а наемников демобилизовали. Крымская война 1853–1856 гг. опять застала британскую сухопутную армию в состоянии необходимости начинать всё сначала.

М.Б. Есть ли в истории русско-английских отношений рубежа XVIII–XIX вв. сложные вопросы?

А.О. Конечно, таких вопросов очень много, как и в истории любого другого периода развития человечества. Назову только самые сложные и самые актуальные. Если мы начнем с периода правления императора Павла I (1796–1801), то здесь встает вопрос о причинах, по которым Россия и Англия в 1798 г. вступили в вооруженную борьбу (совместно с Австрией, Османской империей и Неаполитанским королевством) с револю-

ционной Францией, создав вторую антифранцузскую коалицию. Затем, конечно, продолжает оставаться не до конца изученным вопрос о причинах разрыва отношений России с Англией и Австрией в 1800 г., приведшего к убийству Павла I. Само это убийство, в подготовке которого отечественные историки так долго обвиняли Англию, — отдельная проблема. Всё это сопровождается интереснейшими вопросами об экономических, социальных и культурных аспектах русско-английских отношений в указанный период времени. На мой взгляд, в истории нет ничего более интересного, чем изучение жизней конкретных людей. Как говорил знаменитый французский ученый Марк Блок, историк похож на сказочного людоеда. Он всегда там, где пахнет человеческой.

Говоря о периоде правления сына Павла I — императора Александра I (1801–1825), мы тоже найдем массу неизученных проблем в истории русско-английского союза 1805–1807 и 1812–1815 гг., а также в истории разрыва отношений двух стран в 1807–1812 гг., когда Россия впервые за весь период двусторонних контактов, начавшийся в XVI в., официально вступила с Великобританией в войну. Правда, дореволюционный русский историк Н.Ф. Дубровин образно назвал ее «бездымной», потому что в ней не могло быть сражений на суше, но она болезненно переживалась населением северо-западных губерний России, лишенных возможности вести выгодную внешнюю торговлю по морю.

Отдельной проблемой является изучение феномена англomanии (восприятия английской политической и бытовой культуры), зародившейся в России при Екатерине II и особенно развившейся в период правления Александра I. По большому счету изучение этой проблемы только началось. Работы, посвященные изучению феномена англomanии, можно буквально пересчитать по пальцам. Но здесь помощь историкам должны оказать социологи и культурологи.

Вообще, любая историческая тема остается живой и актуальной до тех пор, пока в ней есть крупные дискуссионные проблемы. История развития русско-английских отношений рубежа XVIII–XIX вв. именно такой темой и является.

М.Б. Как выдумаете, почему император Александр I был более снисходителен к Наполеону при его отречении в 1814 г., чем правительство Англии?

А.О. Дело в том, что для Англии борьба с Францией, начавшаяся в 1793 г. и продолжавшаяся до 1815 г., т.е. 22 года (время жизни целого поколения!), была вопросом жизни и смерти. Два буржуазных государства схватились в отчаянной схватке друг с другом. Ценой было господство в Европе (для Англии прежде всего экономическое, для Франции прежде всего политическое), на просторах Мирового океана и в колониальных владениях. Компромисса тут быть не могло. Англия никогда не признавала императорского титула Наполеона и всегда настаивала на реставрации

династии Бурбонов, приютив у себя короля в изгнании Людовика XVIII после того, как Павел I, порвав с Англией и Австрией в 1800 г., в следующем году изгнал его из Митавы.

Для России война с Францией не имела такого значения. Русские войска, кроме шестимесячной кампании 1812 г., воевали за границами своего государства. Ожесточение «эпохи 1812 г.» было вскоре забыто, и в Париж русские вошли не как враги, а как друзья и союзники. Александр I высказался категорически против взрыва Иенского моста (сражение при Йене (Йене) в 1806 г. — символ разгрома Пруссии) и расстрела Наполеона, на чём настаивали пруссаки.

Впрочем, решение об отправке Наполеона в вечную ссылку на остров Эльба союзники принимали совместно. Он уже тогда стал «пленником Европы». Англичане согласились с этим решением и, более того, охрана острова была доверена кораблям британского флота. Некоторые историки высказывают мнение о том, что англичане сознательно отпустили знатного узника на свободу, но я так не думаю. Всем было ясно, что в случае его бегства и возвращения во Францию первыми с ним придется столкнуться именно британским войскам, как это и случилось в действительности.

М.Б. Какое у вас впечатление от празднования 200-летия Отечественной войны 1812 г.?

А.О. Впечатление у меня смешанное. С одной стороны, было много интересных и важных научных мероприятий (конференций, круглых

столов, публикаций источников, монографий, справочников и энциклопедий). Всё это значительно продвинуло вперед изучение истории войны и сопутствующих ей тем. С другой стороны, опять стали проявляться опасные тенденции выдавать за научную истину ура-патриотические утверждения о непобедимости русского воинства в борьбе с любыми супостатами, об особой духовности русского православного воина, о стремлении западных союзников, прежде всего, конечно, Великобритании, столкнуть Францию и Россию в междоусобной войне, чтобы воспользоваться результатами победы и т. д.

Но это всегда было и, наверно, будет впредь. Важно продолжать исследование истории войны и других тем с научных позиций. Российские и зарубежные архивы хранят в себе столько интересных подлинных фактов и человеческих историй, что по сравнению с этим любые выдумки покажутся наивными детскими фантазиями.

М.Б. Какие бы вы могли отметить работы, посвященные той эпохе, которые увидели свет в связи с юбилеем?

А.О. Таких работ масса и перечислить их все здесь нет никакой возможности. Отмечу только, на мой взгляд, главные. Огромным подспорьем для всех специалистов по истории Наполеоновских войн стало издание 3-томной энциклопедии «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов» (М.: РОССПЭН, 2012).

Для историка важнее всего источник и поэтому мне было очень приятно взять в руки объемистый том под названием «Российские мемуары эпохи Наполеоновских войн» (М.: Русский Мирь, 2013), подготовленный к печати Г.В. Ляпишевым.

Что касается новых монографических исследований, хочу назвать коллективную монографию сотрудников Института российской истории РАН «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России» (М.: Кучково поле, 2012).

Продуктивно работает крупнейший на сегодня специалист по истории Отечественной войны 1812 г. — сотрудник Государственного исторического музея Виктор Михайлович Безотосный. Он опубликовал уже несколько крупных монографий по данной теме. Среди них — книги «Наполеоновские войны России» (М.: Вече, 2010) и «Россия и Европа в эпоху 1812 г. Стратегия и геополитика» (М.: Вече, 2012). Усилиями Виктора Михайловича с 2002 г. изданы 12 выпусков сборника «Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография». Начинаящему историку, желающему окунуться в интереснейший мир эпохи наполеоновских войн, есть где найти ценную информацию, которая при этом постоянно пополняется.

М.Б. Как вы думаете, почему на государственном уровне почти незамеченным прошел прошлогодний юбилей, 200-летие взятия Парижа?

А.О. Трудно сказать, почему так произошло. Событие это в истории Западной Европы очень значимое,

поскольку закончился длительный период кровавых войн и наступил долгожданный мир, прерванный, правда, в 1815 г. авантюрой «Ста дней». Это был триумф России и лично Александра I. Его называли тогда «Агамемноном Европы» и «царем царей». Император деятельно занимался устройством нового европейского порядка, так называемой «венской системы международных отношений», просуществовавшей вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 г. Россия же в это время долго ждала, пока ее монарх обратит внимание на восстановление экономики страны и займется внутренними реформами. Диссонанс между счастливой Западной Европой и измученной Россией, принесшей огромные жертвы ради победы над Наполеоном и не получившей ни крестьянской свободы, ни либеральной конституции наподобие французской «Хартии 1814 г.» породил среди мыслящих русских людей недовольство императором, дошедшее впоследствии до планов убийства царя, вынашивавшихся декабристами.

Мне кажется, что именно разница между «эпохой 1812 г.» (оставшейся в коллективной памяти россиян героическим временем свободы и единения всех слоев населения в борьбе с захватчиком) и окончанием наполеоновских войн (характеризовавшимся началом политической реакции) привела к тому, что в России всегда было разное отношение к этим двум периодам. Сейчас, когда власть хочет мобилизовать население на выполнение какой-то важной задачи, подчеркивая при этом единство всех россиян,

их способность, забыв распри, дать коллективный отпор врагу, вполне естественно выглядит масштабное празднование на государственном уровне 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. и скромное упоминание в научной прессе 200-летия взятия Парижа.

М.Б. Есть ли, на ваш взгляд, недооцененные герои эпохи Наполеоновских войн?

А.О. Конечно, есть! Слава богу, что за последние 20 лет историки восстановили боевую репутацию М.Б. Баркляя-де-Толли, которого И.В. Сталин определил в полководцы «на две головы ниже», чем М.И. Кутузов. Фигуры первого ранга, как мне кажется, уже оценены по достоинству.

Но есть полководцы так называемого «второго эшелона», о которых еще не всё сказано историками. Я, например, занимался изучением жизни и деятельности русских адмиралов (выходцев из Великобритании) Романа (Роберта) Васильевича Кроуна и Егора Егоровича Тета, командовавших в период 1812–1814 гг. эскадрами Балтийского корабельного флота. Это были героические офицеры, всю жизнь проведенные в море и оставившие по себе огромную память в русском флоте. Именем Кроуна был даже на-

зван броненосный корабль императорского флота в начале XX в.

К сожалению, в сталинское время, особенно в период печально знаменитой кампании против космополитов, из истории беспощадно вымарывались имена русских офицеров и генералов – нерусских по происхождению. Были забыты и Кроун с Тетом, и даже более значительные фигуры. Не упоминалось о том, что создателем первого армейского партизанского отряда был немец, барон Ф.Ф. Винцингероде. Особенно не повезло такому крупному полководцу-новатору, как герцог Евгений Вюртембергский. Известно, что Павел I хотел именно ему (племяннику своей жены Марии Фёдоровны) передать русский трон. И хотя герцог проявил себя героически в войнах 1807 и 1812–1814 гг., он всегда чувствовал недоверие со стороны Александра I, что вынудило его покинуть Россию. Я знаю, что сейчас издательство «Новый хронограф» готовит первое полное издание его мемуаров и это тоже станет хорошим подарком для специалистов и широкого круга читателей.

Сейчас, наконец, у нас есть возможность беспристрастно оценить вклад всех этих и других людей в победу России над Наполеоном. Ради этого и трудятся историки.

Э.О. Сагинадзе

«ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ С.Ю. ВИТТЕ»

(Санкт-Петербург, Европейский университет, 19–20 июня 2015 г.)

19–20 июня 2015 г. в Санкт-Петербурге ЕУСПб и Санкт-Петербургский институт истории РАН при поддержке ФГУП «Гознак» провели международную конференцию «Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте». Генеральный директор «Гознака» А.В. Трачук выступил на открытии конференции с сообщением «Сергей Витте в истории Экспедиции изготовления государственных бумаг». В конференции приняли участие 17 докладчиков из России, США, Великобритании, Германии и Финляндии.

Это мероприятие стало шестым по счету в цикле конференций факультета истории ЕУСПб, посвященных истории реформ в России. Главная идея конференции заключалась в попытке сравнить реформаторский процесс в различных

политических условиях: в самодержавном государстве (последняя треть XIX в. – 1905 г.), в период кризиса и революции 1905–1906, при существовании Государственной Думы и публичной политики (конец 1906 – 1910-е гг.)

Первая секция «**Реформы в самодержавном государстве**» была посвящена особенностям процесса реформирования в условиях неограниченного самодержавия. Докладчики отметили важность перехода от анализа и изложения проектов и программ реформ к исследованию бюрократической рутины и анализу символических, идеологических, политических и финансовых ресурсов и конкуренции вокруг этих ресурсов. Правительство в 1890-х гг. пыталось примирить «дух времени» и некоторый либерализм в экономике с опорой на традиционные

основы российского государства во внутренней политике. Участники дискуссий отмечали большой вклад в исследование поднимаемых вопросов представителей «ленинградской исторической школы» — Б.А. Романова, Р.Ш. Ганелина и Б.В. Ананьича. Комментировал секцию профессор Государственного университета — Высшая школа экономики И.А. Христофоров.

В ходе заседания секции **«Реформы и реформаторы»** затрагивались вопросы о роли С.Ю. Витте и П.А. Столыпина и их сподвижников в преобразованиях. В ходе дискуссии участники говорили о необходимости перенести исследовательский фокус с первых фигур к их идеологическим и технократическим советникам. Важен также анализ ментальных конфликтов двух поколений реформаторов — представителей «просвещенной» бюрократии 1860-х гг. и нового поколения технократов: он может многое объяснить в истории успехов и провалов реформ. Комментировал секцию профессор А.А. Федяшин (Американский университет, США).

Секция **«Реформы и экономическое развитие России»** была посвящена экономической программе правительства на рубеже веков. Как отмечалось, государство на рубеже XIX–XX вв. было чрезвычайно озабочено проблемой доверия населения Российской империи к своим финансовым институтам — ключевому моменту для успешного проведения кредитно-денежной политики. Комментатор секции Е.А. Правилова (Принстонский университет, США) обратила внимание, что в дискус-

сиях о государственном вмешательстве в экономику важен не столько вопрос о доле участия государства, сколько о его роли в финансовом регулировании: должно ли оно брать на себя функцию «банкира» или «контролера».

Во второй день, 20 июня, конференция открылась презентацией проекта факультета истории ЕУСПб «Реформы и реформаторы в исторических судьбах России» и сайта «История реформ», которую провели профессор факультета М.М. Кром и член оргкомитета, выпускница факультета истории Э.О. Сагинадзе.

В ходе секции **«Государство, общество и политические партии в реформаторском процессе»** обсуждались различные аспекты взаимоотношений власти и оппозиции, роли общества в политическом процессе «думской монархии». Комментатор секции, профессор Висконсинского университета в Мадисоне Д. Макдональд, отметил в качестве основной проблемы системный «кризис недоверия» — недоверия между лидерами общественности и власти, но также и внутри власти — между реформаторами и их коллегами в правительстве. Участники дискутировали о терминах и понятиях «либерализм» и «консерватизм» (и даже «либеральный консерватизм») в контексте развития публичной сферы поздней Российской империи.

Докладчики заключительной секции **«Реформы и фактор империи»** обратились к проблеме влияния фактора национализма и империи на процесс и результаты

реформ. Были представлены доклады о специфике модернизации Кавказа и конституционных реформах в Финляндии. Профессор Д. Дэрроу (университет Дэйтона, США) на основе анализа большого массива данных статистики выступил с сообщением о соотношении замысла и практической реализации столыпинской реформы. Велась дискуссия вокруг двух самых острых вопросов внутренней политики поздней империи – национального и земельного, нерешение которых, по мнению участников, предопределило распад Российской империи. Комментатором секции был профессор университета Индианы (США) Б. Эклоф.

Заключительная дискуссия началась с выступления члена Оргкомитета профессора Ф. Вчисло (Университет Вандербильта, США), одного из наиболее известных зарубежных специалистов по поздней Российской империи, автора новейшей в зарубежной историографии биографии С.Ю. Витте: «*Tales of Imperial Russia: The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915*» [2011]. В своей речи профессор представил Витте как

человека эпохи модерна, европейца викторианского времени и «типичного» русского человека.

Затем участники конференции обсудили успехи и неудачи социально-экономической и политической модернизации России на изломе эпох, а также затронули вопрос о соотношении реформаторства и революционности в разных политических условиях. Также поднимался вопрос о технологиях и критериях успешности реформ. В ходе дебатов участники конференции разделились на две группы: «оптимистов» – тех, кто считал, что у Российской империи был шанс на успешное развитие в результате реформирования, и «пессимистов», утверждавших, что в начале XX в. модернизационный ресурс в империи был исчерпан. Докладчики говорили о необходимости отказаться от ценностного подхода, т. е. обыкновения оценивать то или иное преобразование в терминах «хорошо» или «плохо», «либерально» или «консервативно», отойти от практики «персонификации» происходящих в империи процессов и активнее исследовать бюрократическую практику.

Е.К. Кузнецова

ОППОЗИЦИОННОСТЬ, РАДИКАЛИЗМ, ВОЛЬНОМЫСЛИЕ, ИЛИ ЗАМЕТКИ НА СПИНКЕ СТУЛА

Как часто вы, уважаемые читатели, за свою научную жизнь и деятельность принимали участие в конференции, которую по всем параметрам, начиная от содержания докладов и заканчивая атмосферой, можно смело назвать необычной? Мне удивительно повезло, именно такая конференция состоялась 22–24 июля в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), где я оказалась не только среди наблюдателей/слушателей, но и в числе организаторов. Правда, моя организационная роль была ролью второго плана, но самое главное, я присутствовала на всех заседаниях и внимала выступающим, о чём теперь и намереваюсь вам поведать.

Конференция «Оппозиционность, радикализм, вольномыслие: дискурс и практики несогласия в России XVIII – начала XIX века» с одной стороны, была достаточно традиционной, с заслуженными эпитетами «международная научная», и была приурочена к 225-летию выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. С программки конференции, раздававшейся гостям и участникам, взирал на нас портрет сего «мужественного писателя». С другой же стороны... Именно с радищевского акцента и начинается непривычное.

Во-первых, приковывает внимание сама тема конференции. Согласитесь, актуально: «Оппозиционность, радикализм, вольномыслие». Указание на исторический период немного смягчает остроту, но такие доклады, как например «От восстания к тексту: практики оппозиционности в среде казацкой элиты Гетманской Украины» (Яков Лазарев, УрФУ), в свете продолжающихся политических событий звучали очень современно. Как мне представляется, такие исторические эпизоды, как пугачевщина, акты религиозного и политического несогласия староверов и даже менее масштабные явления, в частности эпистолярные полемики дворян с Аракчеевым рубежа 1800–1810-х гг., всегда были в России неизбежной проверкой личной и, на более высоком уровне, национальной честности. Здесь можно долго рассуждать о том, что свобода – это высшая ценность, и что каждая нация и каждый человек (как представитель этой нации и как отдельная личность) должен заслужить свою свободу и выразить ее, распорядиться ею. Можно говорить о том, что каждый народ и каждый человек имеет свою концепцию свободы, что различие свободы, воли и вольности – это не просто игра терминами (кстати, конференцию открывали

два доклада гостей из Уральского федерального университета, посвященные различным аспектам формирования политического языка XVIII в.), и не случайно именно гимн вольности прозвучал в качестве одного из тостов на торжественном ужине во второй день конференции: «О вольность, вольность, дар бесценный!». Но я не буду углубляться в теорию, а лучше опишу практику.

Возвращаясь к названию конференции: междисциплинарный подход представляется мне совершенно необходимым при анализе подобных тем, а доклады охватывали весьма широкий спектр проблем и были разбиты по следующим тематическим группам: литература протеста, религиозное несогласие, протест окраин и провинций, оппозиционность и автономия на рубеже XVIII–XIX вв., политический язык XVIII в. В числе организаторов были ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), НИУ «Высшая школа экономики», Уральский федеральный университет, и темы докладов были представлены и обсуждались профессионалами в области экономики, истории, философии, литературоведения и лингвистики.

Многие доклады были посвящены выдающимся личностям XVIII – начала XIX в.: религиозным и политическим деятелям, литераторам, которые в своей жизни реализовывали уже упоминавшийся мной принцип вольности. Под «вольномыслием» подразумевалось не отсутствие «царя в голове», но осознание своего свободного выбора, совершение его, предстояние суду своей совести как высшей инстанции, не имеющей никакого отношения к земной власти

и часто приходящей с этой властью в непримиримое противоречие. Иногда же, напротив, темой докладов становились различные виды конформизма, например «Обсуждение проектов “мягкого” реформирования системы местного самоуправления во время дворянских выборов в конце XVIII – начала XIX века» (доклад Елены Корчминой, НИУ ВШЭ, Москва) или подборка эпиграмм, описаний карикатур и других материалов, достойная летописца, – «Политическая сатира в сборнике А.Т. Болотова “Магазин достопамятных бумаг и носившихся в народе слухов”» (доклад Александры Веселовой, ИРЛИ РАН). Среди героев конференции встречались достаточно популярные фигуры, личность и творчество которых рассматриваются часто и в разных аспектах (Радищев, Державин), но были представлены и не столь широко известные, но в рамках данной темы не менее значимые: митрополит Арсений (Мацеевич), «добрый немец» И.А. Розенштраух, перешедший в католичество князь М.А. Голицын и многие другие.

Второе, а возможно, даже первое, что сделало данную конференцию необычной и привлекательной и стало очевидно всем присутствующим с самого начала работы: на конференции не было случайных людей, не было проходных докладов. Все, кто желал попасть сюда, стремились не к престижу или выступлению ради галочки, а к творческому общению с единомышленниками. Отбор докладчиков был очень строгим, зато, несмотря на достаточно свободный регламент (дискуссии по теме того или иного выступления порой затягивались, плавно

переходя в кофе-брейк или ужин), я практически не заметила, чтобы присутствующие заскучали. Конференция продолжалась три дня, а докладчиков было всего восемнадцать, причем ни один из них не упустил эту возможность: собрались выступающие не только из относительно близкой Москвы, но и с Урала, из Тольятти, Орла, Новосибирска и даже из различных университетов США (Stony Brook, Notre Dame и т.д.).

Поскольку сама я специализируюсь по русской литературе XVIII в. и творчеству Радищева, для меня самым ярким и запоминающимся стал второй день конференции, во время которого прозвучали доклады в рамках темы «Литература протеста», в том числе доклад одного из организаторов конференции и моего научного руководителя Андрея Костина (ИРЛИ РАН). Андрей Александрович подверг анализу восприятие авторских стратегий А.Н. Радищева читателями рубежа XVIII–XIX вв. на материале комментариев к сохранившимся рукописям «Путешествия из Петербурга в Москву». Он громко, выразительно и с нескрываемым удовольствием возглашал цитаты из Радищева и его идеологических противников и «сочувственников», заражая слушателей своим энтузиазмом и вдохновляя присутствующих аспирантов на научные подвиги.

Не менее артистичным было выступление другого представителя оргкомитета, Кирилла Осповата (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), чему отчасти способствовала «театральность» темы доклада: «Меланхолия и бунт: политический язык русского «Гамлета»». Здесь Кирилл Алексан-

дрович обратился к авторизованному переводу А.П. Сумароковым «Гамлета» и на примере монолога «Быть или не быть...» показал, как меланхолия – удел царей и вообще людей, облеченных властью, – может привести к узаконенному бунту, и каким образом эта идея становилась в сознании русских людей легитимной посредством текстов, особенно текстов драматических.

Не менее мощный энергетический и интеллектуальный заряд несли выступления Александры Веселовой (ИРЛИ РАН) о политической сатире в сборнике Болотова, Елены Корчминой (НИУ ВШЭ, Москва) о проектах реформирования системы местного самоуправления на рубеже XVIII–XIX вв. (этот доклад был полон статистики, но как же он был интересен! В целом, пристальное внимание к деталям и системность изложения отличали большинство докладов представителей ВШЭ.) Интересный и редко используемый материал был проанализирован в докладе Марианны Шахнович (СПбГУ) «Либертинизм и философская критика в России конца XVIII века (по материалам анонимных рукописных сборников)». Эти сборники («Библиотека здравого рассудка, или Собрание важных сочинений для спасения», «Письма нравоучительные к друзьям», «Зерцало безбожия, или невежества») попали в своего рода русский «Индекс запрещенных книг» еще в 1763 г., когда Екатерина II распорядилась пресекать распространение сочинений, направленных на подрыв официальных точек зрения на власть, религию и мораль; до сих пор эти анонимные рукописи нечасто попадали в поле зрения исследователей.

Интересной особенностью и бесспорным достоинством конференции «Оппозиционность, радикализм, вольномыслие» было то, что достаточно широко был представлен религиозный аспект оппозиционности. Многие доклады были в буквальном смысле слова пронзительными, заставляли слушателей сочувствовать и волноваться и задаваться вопросом «Как бы я поступил на месте того или иного человека?». В частности, это в полной мере относится к докладу Александра Андреева (Южно-Уральский государственный университет) «Религиозное самоопределение личности в России XVIII в.: практика католического конвертизма и репрессивные меры правительства», а также к докладу Екатерины Ляминой (НИУ ВШЭ, Москва) «...прошу Ваше Сиятельство впредь писать ко мне несколько поучтивее»: эпистолярные полемики с Аракчеевым рубежа 1800–1810-х годов». Как решиться написать временщику (дословную цитату не помню, но что-то вроде): «Ваше последнее письмо заставляет меня видеть в Вас врага, и я знаю, что Вы воспользуетесь Вашей властью, чтобы причинить мне вред, но моя честь для меня дороже»? Это просто потрясающе: попробуйте себя представить на месте действительного статского советника Петра Сумарокова, пишущего такое Аракчееву в 1807 г., не почувствуете ли вы, как трясутся поджилки? Довольно рискованно, правда? Но если честь дороже, приходится совершать поступки. Доклад об этом не может оставить равнодушным, как и спор, возникший после сообщения Александра Левицкого (Brown University) о Г.Р. Державине.

Доклады, прозвучавшие на этой конференции, задевают за живое: ведь помимо собственно научной ценности исследований, вложенного в них труда, все, о ком мы говорили, — не просто условные фигуры, наподобие шахматных, абстрактные лица, деятели давно ушедших эпох, совершавшие дела давно минувших дней. Нет! Это значимые факторы собственного морального выбора каждого из присутствующих, гири в палату мер и весов внутреннего чувства справедливости, что я на своем примере совершенно отчетливо ощутила, находясь в Малом конференц-зале Института русской литературы, где проходило большинство докладов. Почему эти темы не только тешат разум, но и волнуют сердце, почему хочется перечитывать ветхие, пожелтевшие листки рукописей, почему экономисты дотошно собирают данные о ценах на хлеб в какой-нибудь губернии в 1800-е гг., почему историки и филологи сопоставляют факты, реконструируют стратегии и язык тех людей, которые когда-то давно осмелились иметь свое мнение и свой голос? Всё очень просто: проблема выбора в самом широком смысле, тема свободы и ответственности важна и для нас: для каждого из нас, живущих сейчас, и будет важна и будет осмысляться всегда и всеми (кто на это способен, конечно).

Остается выразить благодарность организаторам за это уникальное событие, несомненно, оставившее самые лучшие впечатления в душе каждого из участников, и пожелать новых встреч всем нам.

В.В. Ведерников

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ

Научно-практическая конференция «Крымская война на Балтике»

160-летие Крымской войны не отмечено особым вниманием историков. Тем знаменательнее, что конференция, посвященная этому событию, прошла 26 июня 2015 г. в районном центре Ленинградской области городе Луга. Ее тема, на первый взгляд, кажется парадоксом. Но достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять: стратегическим успехом в войне был бы захват союзниками Балтийского побережья с имперской столицей, а вовсе не штурм севастопольских руин. Но укрепления Свеаборга и Кронштадта, мужество матросов, солдат и ополченцев не позволило осуществиться этим далеко идущим планам, хотя события на Балтике не лишены драматизма.

К сожалению, действия на Балтике до сих пор относятся к периферии научных исследований проблемы. Это забытая страница нашего военного прошлого. Конференция в Луге — очевидный признак того, что тема заслуживает внимания.

Организаторам конференции (а ее организаторами выступили Музей истории Лужского судоходства, общественная организация «Культурно-просветительское товарищество» и МКУ Лужская централизованная библиотечная система) удалось со-

брать представительный круг участников, объединив макро- и микро-историю. С одинаковым вниманием мы слушали доклады о формировании морского ополчения, боевых действиях на Балтийском побережье Финляндии (авторы — Б. Борисов и И. Хохлов) и об уникальной находке в Лужском районе наперсного креста, которым награждались священники — участники войны (Е. Федорова), о вкладе в изучение Балтийского театра военных действий (С. Степанов). Актуальный краеведческий материал был представлен в сообщении И.В. Половинкина, рассказавшего о формировании Лужского ополчения в годы войны.

Особый интерес вызвало выступление финского ученого Пекки Каупшала. Пекка отметил роль финского ополчения, которое, в отличие от России, сформировалось стихийно, снизу. Вместе с русскими войсками оно активно противостояло действиям англо-французской эскадры. Убедившись в лояльности Финляндии, власти империи согласились на восстановление автономии Великого княжества Финляндского.

Хотелось бы надеяться, что лужская конференция актуализирует проблему сохранения мест истори-

ческой памяти. Почему бы не отметить памятным знаком место формирования морского ополчения в Рыбацком, ныне входящем в черту Петербурга, не включить рассказ об ополченцах в музейные экспозиции, не рассказать на уроках истории об обороне Соловков, Колы, Петропавловска-Камчатского? Лужская земля приняла прах участника обороны Петропавловска капитана М.П. Тироля... К сожалению, его подвиг был надолго забыт, и только благодаря бескорыстным усилиям И.В. Половинкина могила героя, находящаяся на кладбище деревни Погост-Саблѐ, была восстановлена. Но многие ли лужане знают о подвиге своего земляка?

Конференция в Луге показала, как много могут сделать подвижники и энтузиасты. А ведь именно они формируют и сохраняют историческую память.

К сожалению, новая «крымская война» резко ухудшила возможности для межгосударственного сотрудничества ученых. Российская Федерация ужесточила возможности для работы иностранных исследователей. Если раньше достаточно было получить простую туристическую визу, то теперь требуется виза гуманитарная, процедура оформления которой значительно сложнее. Наука не знает границ. Санкциям, по моему мнению, нужно противопоставлять солидарность научного сообщества и интернациональное сотрудничество. И очень жаль, что ужесточение визового режима не позволило прибыть на лужскую конференцию исследователям из Великобритании и Эстонии.

Хотелось бы пожелать успеха всем участникам и поблагодарить организаторов этого представительного научного форума.

В.В. Ведерников

ПАМЯТИ СВЕТЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Что бы там ни говорили, а уж историю России рубежа XIX и XX вв. мы знали прекрасно. Мы — это студенты третьего курса исторического факультета, начавшие свое обучение в 1971 г. Объяснялись наши блестящие знания очень просто: курс истории КПСС открыл наше вступление в студенческую жизнь и длился целых три года. Поэтому мало кто сомневался, что главными деятелями эпохи были, конечно же, большевики во главе с В.И. Лениным и их оппоненты — Ю. Мартов, Г.В. Плеханов и, разумеется, злейший враг пролетарских революционеров — нет, вовсе не Николай II, — а Л.Д. Троцкий. Наиболее подготовленные, конечно, несколько поднапрягшись, ответили бы и на вопрос, чем отличается богостроительство от богоискательства (по Ленину — тем же, чем черт желтый от черта синего). Как и все студенты, приближавшиеся к «медиуму», мы уже не столь рьяно, как первокурсники, стремились в аудитории и пророй вместо лекций шли в Гавань, в популярный зал «Кинематограф», где можно было посмотреть зарубежные довоенные фильмы, на каждом сеансе разные.

И вот начался весенний семестр 1973 г., когда история дореволюционной России (история СССР периода империализма) завершалась. На первую лекцию после каникул мы всё же пришли, чтобы знать в лицо преподавателя, понять его требования, а далее — вернуться к нашей беспечной студенческой жизни. В 70-ю аудиторию вошел лектор, который, пожалуй, вполне мог бы быть студентом — заочником старших курсов. Он одет неброско, но тщательно. Костюм-тройка и часы в жилетном кармане, что встречалось, конечно, крайне редко, и большой толстый портфель, откуда неожиданно появлялся то том дневников Богданович, то «Записки» Н.Н. Суханова, дополняли облик нового преподавателя. Вот эти необычные часы, уважительная манера, яркое петербургское «что» привносили нечто необычное, «старорежимное» в аудиторию истфака.

Мы уже прослушали блестящие курсы Р.Ф. Итса, Э.Д. Фролова, В.В. Штокмар, но новый преподаватель был непохож ни на кого из наших любимцев. В лекциях не было ни изощренной театральности, ни особой эмоциональности, ни

жесткого академизма. Мне казалось, что мысль рождается тут же, за кафедрой, а лектор спешит поделиться ею с аудиторией, одновременно проверяя и себя. Мы были не пассивными слушателями, а со-участниками, со-работниками. И неудивительно, что во время перерыва я подошел к преподавателю и задал ему какой-то вопрос. Он с охотой ответил на него, завязалась беседа. Так я впервые познакомился с Б.В. Ананьичем, который стал моим учителем, уроки которого я всегда буду вспоминать с большой благодарностью.

Мы знаем комсомольское поколение 1920–1930-х гг., которое стремилось построить дивный новый мир, разрушая до основания старый, знаем поколение «шестидесятников», которое дало стилия и диссидентов. Между ними — те, кто в силу слишком юного возраста не мог воевать, а в пору взросления вступил несколько раньше, чем «дети XX съезда». Вот к этому поколению и принадлежал Борис Васильевич. Думаю, что война, как это ни парадоксально, несколько очистила общественную атмосферу, раскрепостила людей, не случайно именно в первые послевоенные годы в разных городах страны независимо друг от друга возникают среди старших школьников подпольные антисталинские группы, а среди молодежи появляется интерес к дореволюционной истории, культуре, искусству. Молодые люди стараются соединить распавшуюся связь времен. Чудом уцелевшие представители старой дореволюционной интеллигенции, чувствовавшие себя чужаками в окруже-

нии рабфаковцев (учитель Бориса Васильевича — Б.А. Романов образно сравнивал себя с гвоздем, наглухо забитым в стену заброшенной квартиры), вдруг нашли заинтересованных продолжателей своего дела в представителях первых послевоенных студенческих поколений.

Борис Васильевич поражал своей абсолютной скромностью, удивительным желанием помочь каждому, кто обращался к нему за помощью, при этом всегда мягко отклоняя любое желание помочь ему самому. Знаю, что один из моих коллег, человек очень наивный и житейски беспомощный, услышав рекламу о каком-то чудодейственном средстве, которое поможет справиться с тяжелой болезнью, решил собрать деньги для его покупки. Он обращался ко многим, в том числе и к Борису Васильевичу, который дал нужную сумму, думаю, хорошо понимая бесперспективность затеи.

Удивительный собеседник, он умел вести беседу так, чтобы она не превращалась в монолог. Обычно в его гостеприимном доме на Московском проспекте даже деловая беседа не обходилась без процедуры чаепития. Я очень любил именно это время, когда можно было поговорить по душам, и на вежливое предложение выпить еще одну чашку отвечал неизменным согласием, выпивая несметное количество чая только для того, чтобы беседа продолжалась.

Увы, 20 июля свершилось непоправимое. Горе и тяжелое чувство

сиротства объединило разных людей — от академика до студента. Сохранилось ощущение оборванного разговора, неоконченного диалога...

Но ведь не может человек уйти совсем. На полках стоят его книги, остались мысли, остались те, кто

знает, как ценил Борис Васильевич преданность науке, как не любил конъюнктурщиков, с какой самоотдачей работал со своими учениками. Думаю, наследие Бориса Васильевича будет востребовано не только его научными внуками, но и правнуками.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аладышкин Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета (Санкт-Петербург)

Базанов Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ведущий археограф отдела публикации и научного использования документов Объединенного государственного архива Челябинской области (Челябинск)

Батиев Максим Владимирович, научный сотрудник Отдела документации наследия и информационных технологий Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва)

Бочаров Алексей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского политехнического университета (Санкт-Петербург)

Ведерников Владимир Викторович, кандидат исторических наук, научный редактор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Гринёв Андрей Вальтерович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург)

Кабацков Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент ка-

федры гуманитарных дисциплин, Высшей школы экономики (Пермь)

Китаев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Котов Александр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета морского и речного флота им. адм. С.О. Макарова (Санкт-Петербург)

Крылов Павел Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

Кузнецова Елена Константиновна, филолог и философ, соискатель ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург)

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета (Самара)

Лостальо Армандо (Armando Lostaglio), историк, общественный деятель, вице-президент национальной ассоциации CINIT (Cineforum italiano), (Rionero in Vulture, Basilicata)

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета

им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Некрасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва)

Николаев Николай Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры ВСГ Волжского политехнического института

Потехина Ирина Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) (Санкт-Петербург)

Рогозный Павел Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории революций и общественного движения России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Рышков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН (Новосибирск)

Сагинадзе Элла Отаровна, кандидат исторических наук, заместитель декана факультета сравнительных политических исследований Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург).

Таки Виктор Валентинович, доктор истории (PhD), преподаватель, The King's University (Edmonton, Canada)

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Эрлих Сергей Ефреимович, кандидат исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва–Санкт-Петербург)